Карл Радек

ПОДГОТОВКА борьбы ЗА НОВЫЙ ПЕРЕДЕЛ МИРА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Карл Радек

ЕН 161
П 668

ПОДГОТОВКА *борьбы* ЗА НОВЫЙ ПЕРЕДЕЛ МИРА

1213

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1934

ЕН161
П668
БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1058946 29891

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 3
Основы внешней политики Советского союза 5
Четыре года борьбы за мир 17
Крушение доллара и воцарение Гитлера 28
Антисоветская политика германского фашизма и международный пролетариат . 39
Ревизия Версальского договора 52
Брест, Версаль и Рапалло 59
После ухода Германии из Лиги наций 65
Германский империализм и фашизация Прибалтики 70
Курятник и землетрясение 79
Пакт четырех 84
На английские мелодии 88
Восстановленная Польша и СССР 99
Советско-польское сближение и его враги 104
Pour le roi de Prusse! 107
Динамит на Дальнем Востоке 113
Японский и международный фашизм 120
Патриотический мешок и империалистическое шило 132
Возвращение Колумба в Европу 135
«Революция в САСШ», которой не было 141
Америка «открывает» СССР 149
Подготовка борьбы за новый передел мира 159

Под наблюдением редактора *Д. Фихмана.* Техредактор *А. Лавров*
Сдано в производство 9/I 1934 г. Подписано к печати 26/I 1934 г.
Уполн. Главл. № 6 – 35812. Партиздат № 8. Форм. бум. 62×94 см.
43000 зн. в л. 10½ п. л. Тираж 15 000 экз. Заказ № 7390

Фабрика книги «Красный пролетарий» издательства ЦК ВКП(б) Партиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.

ОТ АВТОРА

Предлагаемая книга состоит из статей, появившихся на протяжении 1933 года в «*Известиях*», «*Правде*» и «*Большевике*». Это происхождение книги имеет свои недостатки—известную несистематичность изложения, повторения,—но имеет и свои положительные стороны. Автор не защищает тезиса уже после совершившихся событий, а принужден предугадывать их ход на основе анализа основных тенденций.

В этой книге дан анализ положения в двух основных центрах военной опасности—*Германии* и *Японии*, на фоне общего мирового положения. Кроме того сделана попытка характеристики политики *Англии* как связующего звена японской и германской политики и анализ *американской* политики как предполагаемого главного контрпартнера японской политики среди империалистических держав. Статьи, посвященные *Польше*, дают картину борьбы за этот плацдарм или барьер немецкой экспансии на Восток. Ряд специальных статей развивает точку зрения Советского Союза по отношению к грядущим конфликтам.

Я надеюсь, что книга эта поможет советскому читателю уяснить себе основные тенденции развития международной политики ближайших времен как и политику Советского Союза, стремящуюся обеспечить мир пролетариату Советской страны для окончания стройки социализма и международному пролетариату для собирания сил, необходимых для революционного решения тех задач, которых капитализм не в состоянии решить.

Карл Радек

Москва, январь 1934 г.

ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА[1]

1.

Принимая с удовольствием предложение «*Форейн афферс*» представить для американского читателя главные линии внешней политики Советского Союза, выяснить основы этой внешней политики, я даю себе полностью отчет о трудности этой задачи. Трудность эта состоит, во-первых, в том, что внешняя политика советского правительства отличается в такой же мере от внешней политики других великих держав, как отлична внутренняя политика первого социалистического государства и государств капиталистической системы. Людям, стоящим на основе капитализма, не менее трудно понять внешнюю политику социалистического государства, чем внутреннюю. Но, кроме этого, путь к пониманию усложнен еще рядом теорем общепризнанных в капиталистическом мире, хотя они не обоснованы и по отношению к нему. Я говорю о теории *примата внешней политики* над внутренней и о теории *континуитета внешней политики*.

Чтобы очистить себе путь к пониманию внешней политики СССР, читатель должен попытаться вникнуть в нашу оценку обеих вышеназванных теорем. Мы считаем их неправильными, потому что они противоречат общеизвестным историческим фактам.

Внешняя политика является функцией внутренней политики. Она решает задачи, которые ставит развитие данного общества, данного государства в определенной исторической обстановке.

Войны эпохи возникновения современного капитализма, войны, которые вел Кромвель или Людовик XIV, вытекали из борьбы за выход молодого капитализма, окрепшего на основах меркантильной политики, из узости внутреннего рынка, в значительной мере опирающегося еще на крестьянское хозяйство, удовлетворяющее потребности крестьянина и его феодального эксплоататора. Нужны были колонии как источники сырья и рынки сбыта молодой промышленности, как предметы грабежа, являющегося дрожжами, на которых выросла мануфактура, явившаяся в дальнейшем основой развития машинной промышленности. Инду-

[1] Статья появилась в январском (1934 г.) номере «Форейн афферс», руководящем органе американского капитала, посвященном вопросам внешней политики. Журнал заканчивает цикл статей об основах внешней политики великих держав, написанных Остином Чемберленом, Жюлем Камбоном, Кюманом и Ишии.

стриальный капитализм ставит борьбу за колонии на задний план, ибо он создает и громадный внутренний рынок, и громадные средства накопления и имеет в массах дешевых товаров великолепное средство, при помощи которого он может мобилизовать колониальное сырье.

Войны эпохи индустриализма служат или средством пробить китайскую стену, отделяющую неразвитые страны от капиталистического мира (война Англии с Китаем, англо-американская угроза Японии), или же служат средством национального объединения, средством создания крупного внутреннего рынка для возникшей промышленности (объединение Германии, Италии, САСШ).

Монополистический капитализм, развившийся из промышленности, снова ставит на очередь бешеную борьбу за колонии. В войне 1914 по 1918 год он пытается провести передел мира в соответствии с силой империалистических государств, принимавших участие в мировой схватке. Но, насколько *отличны* цели и средства империалистической политики XX столетия от целей внешней политики эпохи меркантилизма, несмотря на внешнее их сходство, это видно по последствиям империалистической политики. В то время, когда Англия периода мануфактуры мешала всякими средствами возникновению промышленности в колониях, политика современного империализма есть политика вывоза капитала, то есть политика вывоза орудий труда. Эта политика, независимо от желания ее руководителей, приводит к известной индустриализации колоний, хотя пережитки феодализма, эксплоатация колониальных и полуколониальных стран тормозят этот процесс, не допускают деколонизации. Революционные движения в колониях, центром которых является молодой пролетариат, показывают, насколько *отлична политика меркантилизма и империализма*. Судьбы Индии, судьбы Китая являются лучшим доказательством этого.

Где же примат внешней политики и где здесь ее континуитет? Ее цели вырастают из экономической и политической структуры меняющихся общественных формаций, и этим определяется именно не неизменность внешнеполитических целей, а их изменчивость.

Попытка представлять внешнюю политику СССР, как продолжение политики царизма—она делалась многократно буржуазными писателями—является поэтому просто смешной. О ней нельзя даже сказать, что она ухватывает внешнюю сторону явлений, ибо если аксиомой в оценке политики царизма было то, что он должен стремиться непременно к завоеванию Дарданелл и никогда незамерзающего порта на Тихом океане, то советская политика не только не стремится к завоеванию Дарданелл, но с самого своего начала опирается на самые дружеские отношения с Турцией; что советская политика никогда не ставила себе задачей отвоевание Порт-Артура и Дайрена, об этом не приходится даже говорить. Что царизм или даже всякий буржуазный режим в России непременно начал бы заново борьбу за завоевание Польши и балтийских государств, это не подлежит сомнению для вдумчивых буржуазных политиков этих стран. Советский же Союз всеми силами добивался дружественных отношений с этими странами, входившими когда-то в пределы царской империи. Он и впредь будет бороться за самые лучшие отношения с этими странами, независимость которых он считает позитивным и прогрессивным историческим фактом.

Утверждения о том, что география является судьбой, что она предо-

пределяет внешнюю политику государств, являются побасенкой. Не из географии вытекала политика царизма, а из положения русского дворянства, из потребностей молодого русского капитализма. С вопросами, поставленными географическим положением, каждая общественная формация справляется своеобразно, в соответствии с теми экономическими и политическими целями, которые из нее вытекают.

2.

Таким образом мы приходим к первому основному вопросу: *какие цели может и должно себе ставить общество, строящее социализм, и тем более общество, построенное на основе социализма?*

Мы не будем давать в данном месте исторического обозрения развития политики Советского Союза. Достаточно вспомнить, что, придя к власти, он поставил себе задачей вырвать страну из огня мировой войны, что, добившись этой цели ценой больших жертв, он принужден был в продолжение около трех лет защищать свою независимость от интервенции руководящих империалистических стран, вытекающей из желания втянуть Советскую страну в мировую войну и из желания уничтожить первую рабочую власть, которую капиталистический мир оценил, как величайший вызов капиталистической системе. Этот факт заставил Советский Союз предварительно решить задачи обороны, ему навязанной. Но уже в этот период во внешней политике советской власти ярко очертились основные специфические линии, соответствующие внешней политике социалистической системы.

Основная задача, за которую борется советская дипломатия, это—*мир*. Слово «мир»—затасканное слово. Нет такого дипломата, который бы, выступая, не склонял этого слова, и очень часто божатся миром представители тех империалистических кругов, которые наиболее активно подготовляют войну. Но кто не поймет *специфической роли борьбы за мир во внешней политике советской власти*, тот не в состоянии ничего понять в этой политике. Из чего следует борьба за мир, какова центральная задача советской политики? Эта роль мира в советской политике вытекает в первую очередь из того факта, что Советский Союз имеет, говоря словами Ленина, «*все необходимое для построения полного социалистического общества*».

Подготовляя борьбу за власть, Ленин уже в 1915 и 1916 гг. доказывал возможность построения социализма в царской России, в громадной стране с неизмеримыми природными ресурсами, с той долей промышленности, которая обеспечивала, с одной стороны, руководящую роль рабочего класса, а с другой стороны, тот минимум техники, который нужен был для стартования социалистического строительства.

При жизни Ленина Советское государство, окончив победоносно войну с интервентами, взялось за эту стройку, восстанавливая разрушенную империалистической и гражданской войной промышленность и устанавливая правильные отношения к крестьянству, которые обеспечивали для пролетариата не только сырье и продовольствие, необходимое для развертывания промышленности, но и поддержку крестьянских масс. Наследник Ленина у руля советского корабля—Сталин, устанавливая курс этого корабля, наметил как цель построение социализма

на громадных пространствах бывшей царской империи. Эта цель казалась утопической не только капиталистическому миру, но и той части компартии, которая шла за Троцким и которая этим отклонялась от основ ленинской политики.

Сталинская политика не только победила во внутрипартийной борьбе, но она *нашла свою реализацию* в пятилетнем плане. Этот план уже проведен в жизнь. Его победа состоит в создании такой крупной промышленности, которая решает три задачи: она, во-первых, позволяет Советскому Союзу *самостоятельно*, то есть в случае необходимости без привоза из-за границы, в дальнейшем развивать промышленность, ибо пятилетка дала СССР мощную тяжелую индустрию и все роды машиностроения. Благодаря решению этой задачи рабочий класс может—это решение второй задачи—дать крестьянству достаточное количество машин, чтобы самые отсталые слои крестьянства поняли пользу *коллективизации*. На основе коллективизации стала возможной ликвидация тех слоев крестьянства, которые толкали развитие сельского хозяйства на капиталистические пути. Экономическое уничтожение кулачества и создание сельского хозяйства, главной силой которого является продукт крупной машинной промышленности—трактор, комбайн и другие сельскохозяйственные машины, находящиеся в руках рабочего государства, создали положение, в котором крестьянство может и должно развиваться по направлению к социализму. Крестьянин является теперь еще переходной ступенью от мелкого собственника к члену общества, работающему коллективно на основе производительных сил, принадлежащих обществу. Но не подлежит уже сомнению, что благодаря перевесу тракторов, комбайнов, электричества, нефти над лошадью, коровой, огородом благосостояние крестьянства будет в растущей мере зависеть от производительных сил социалистического общества, а не от труда с помощью орудий, являющихся частной собственностью. Это развитие означает прогрессивное уменьшение разницы в имущественном и производственном положении крестьянства, сколачивание его в однородную социалистическую массу, благосостояние которой будет подниматься, массу, с каждым годом все более срастающуюся с пролетариатом. Этот результат гарантирован не только фактом растущей индустриализации деревни, но и тем, что эта индустриализация является средством поднятия культуры деревни к уровню городского пролетариата. Но решение этой *второй* задачи—коллективизации сельского хозяйства—является совместно с решением *первой*, с индустриализацией одновременно *решением третьей задачи пятилетки*, а именно *созданием условий для полной обороноспособности Советской страны*.

Эта обороноспособность базируется и на создании крупной промышленности, дающей стране все те средства обороны, без которых немыслима защита в современной войне, и на факте исчезновения в СССР классов, враждебных построению социализма. Эти классы разбиты, хотя их остатки еще живут и хотя психология мелкого собственника, враждебная социализму, не может исчезнуть во всех слоях населения сразу. Но если спросить себя, куда идет тенденция развития, то ясно, что развитие первой пятилетки и развертывание строительства на основе второй определяют, что после построения фундамента социализма СССР в состоянии построить полное здание социализма, полное социалисти-

ческое общество, то есть общество бесклассовое, опирающееся на все завоевания современной техники и обеспечивающее массы населения культурными и бытовыми условиями, которых не может создать капитализм.

Нуждается ли СССР для целей построения социализма в войне? Само собой понятно, что нет. Утверждения некоторых капиталистических кругов, что СССР будет искать выход из своих затруднений на путях войны, повторяемые упорно на всем протяжении истории советской власти, опровергнуты шестнадцатилетней историей СССР. Даже в момент, когда мы были наиболее слабы в смысле способности к социалистическому строительству, немедленно после захвата власти, мы шли на величайшие жертвы для обеспечения стране мира, именно исходя из глубочайшего убеждения, что в наших руках все, что нужно для построения социалистического общества. Это дело немалое—мы знаем одновременно, что *задача построения социализма в СССР практически разрешима и что значительная часть этой задачи уже решена. Политика мира Советского Союза опирается таким образом на гранитный фундамент победоносной стройки социализма, лучшим условием которой является мир.*

Противники Советского Союза пытаются подорвать значение этого факта с двух сторон: одни обвиняют Советский Союз в том, что он отказался от своих международных задач, которые якобы требуют военного вмешательства Советского Союза в интересах освобождения международного пролетариата и колониальных народов. Другие утверждают, наоборот, что так как партия большевиков, руководящая Советским Союзом, является по характеру своему международной партией, то все мирные декларации Советского Союза являются временными, и что, доведя свое хозяйственное строительство до известной степени, предопределяющей способность его к наступательной войне, Советский Союз отбросит мирные декларации и возьмет на себя инициативу к войне. И одним, и другим лучше всего ответить словами *Сталина*, сказанными в декабре 1926 г. в его речи «Еще раз о социал-демократическом уклоне»:

> «На самом деле Ленин вот что говорил: «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора»[1].
>
> Можно ли из этого положения Ленина сделать вывод, что мы «никак не построим социализма за 20—30 или 50 лет»? Нет, нельзя. Из этого положения можно сделать лишь следующие выводы: а) при правильных соотношениях с крестьянством нам обеспечена победа (то есть победа социализма) в 10—20 лет; б) победа эта будет победой не только в СССР, но победой «во всемирном масштабе»; в) если мы не получим победы за этот срок, то это будет признаком того, что нас разгромили, и режим диктатуры пролетариата сменился режимом белогвардейского террора, который может продлиться 20—40 лет.
>
> А что значит победа «во всемирном масштабе»? Значит ли это, что такая победа равнозначна победе социализма в одной

[1] «Ленинский сборник» IV, стр. 374.

стране? Нет, не значит. Ленин строго различает в своих сочинениях победу социализма в одной стране от победы «во всемирном масштабе». Говоря о победе «во всемирном масштабе», Ленин хочет сказать, *что успехи социализма в нашей стране, победа социалистического строительства в нашей стране имеет такое грандиозное международное значение, что она (победа) не может ограничиться нашей страной, а должна вызвать мощное движение к социализму во всех капиталистических странах* (подчеркнуто нами.—*К. Радек*), при чем если она не совпадает во времени с победой пролетарской революции в других странах, то она во всяком случае должна открыть собой мощное движение пролетариев других стран к победе мировой революции. Вот какова перспектива революции по Ленину, если иметь в виду перспективу победы революции, о чем, собственно, и идет речь у нас, в партии»[1].

Вот основы советской мирной политики.

3.

Строящемуся социалистическому обществу, основы которого уже построены в СССР и полная достройка которого обеспечена, не нужна война. Этот факт нашел свое выражение в предложении *общего разоружения* всем капиталистическим державам, которое было сделано в первый раз еще при жизни Ленина на Генуэзской конференции и которое стало стержнем мирной политики Советского Союза на конференции по разоружению, подготовляемой в продолжение многих лет и происходящей уже безрезультатно два года. Судьбы этой конференции показали великолепно правильность положения Ленина, что «*при капитализме, а особенно его империалистических стадий—война неизбежна*».

Немедленно после того, как капиталистический мир оправился от послевоенного потрясения и добился временной экономической стабилизации, начинается *новая волна вооружений*. Все государства развивают лихорадочно те военные средства, значение которых стало очевидным во время войны, а именно авиацию, химические средства войны и танки. Везде происходит моторизация армии и модернизация флота. Попытки добиться хотя бы введения этих вооружений в известные рамки разбиваются о закон, который *Ленин* в своей работе «*Империализм, как высшая стадия капитализма*» формулировал следующими словами:

«Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства. А раз соотношения силы изменились, то в чем может заключаться, *при капитализме*, разрешение противоречия кроме как в *силе*»[2].

И дальше:

«...при капитализме немыслимо иное основание для раздела

---

[1] *И. Сталин*, Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг. Государственное издательство, 1928 г., стр. 465—466.

[2] *Ленин*, Собрание сочинений, т. XIX, стр. 149.

сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы обще-экономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; тоже—Япония по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет «мыслимо» ли предположить, чтобы осталось *не*изменным соотношение силы между империалистическими державами? Абсолютно немыслимо.

Поэтому «интер-империалистские» или «ультра-империалистские» союзы в капиталистической действительности... в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции, или в форме всеобщего союза *всех* империалистских держав—являются *не*избежно лишь «передышками» между войнами»[1].

То, что писал Ленин в 1916 году, в разгар мировой войны, нашло свое *полное подтверждение* в послевоенной истории и является причиной, почему капиталистический мир не в состоянии добиться какого-то серьезного ограничения вооружений, почему он неминуемо катится к новой мировой войне за новый передел мира.

Германия, усилившая свою промышленность при помощи американских, английских, голландских и швейцарских займов и стоящая перед сужением мировых рынков, не может жить в рамках, установленных для нее Версальским договором. Добиваясь равноправия в вооружениях, она добивается возможности подготовить войну за изменение Версальского мира.

Япония, развившая свою промышленность сначала на нечеловеческой, полуфеодальной эксплоатации деревни (она продолжается и теперь), а позже на миллиардах военных прибылей, задушенная петлей остатков феодализма, которые ограничивают рост ее внутреннего рынка в еще большей мере, чем это делают законы империализма, Япония, понимающая, что Соединенные Штаты Америки принуждены всем ходом своего экономического развития углубить и усилить свою борьбу за экономическое влияние в Китае, Япония, боящаяся потерять монополию единственной страны Дальнего Востока благодаря индустриализации Сибири, рвет Вашингтонское и Лондонское соглашения, захватывает Манчжурию и готовится к захвату Китая раньше, чем им экономически овладевают Соединенные Штаты. Она ставит вопрос о своей гегемонии в Азии. Эту цель прокламирует открыто военный министр Японии *Араки*.

Италия, «обиженная в Версале», добивается передела колониального мира в ее пользу. Отношения между *Соединенными Штатами и Англией* изменились в корне, ибо Соединенные Штаты стали первой индустриальной державой мира и затребовали для себя равенства в господстве на море.

Неравномерное развитие послевоенного капитализма создает положение, в котором все империалистические державы силой

---

[1] *Ленин*, Собрание сочинений, т. XIX, стр. 167—168.

будут стремиться к переделу мира соответственно своим интересам.

Советский Союз является противником империализма, является противником империалистической войны, признавая за единственно справедливую войну, войну в защиту социализма, войну порабощенных народов за их освобождение. Эта точка зрения является основой нашего отношения к империализму как к системе, к последствиям его политики, выражающимся в подготовке новой войны, и основой оценки империалистических союзов, которые слагаются в процессе подготовки новой войны за передел мира.

Советский Союз не принимает участия в борьбе за передел мира.

Слова Сталина на XVI съезде ВКП(б):

«Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

Эти слова являются точнейшим выражением политики Советского Союза.

В борьбе за передел империалистами мира СССР участия не принимает. Опираясь на солидарность трудящихся во всем мире, он не может принимать участия в грабеже чужих земель. Кроме того, чужая земля ему для строительства социализма не нужна. Эта политика нашла свое выражение в отношении СССР к борьбе за Манчжурию. Защищая экономические интересы, связанные с существованием КВЖД, Советский Союз никогда не шел на политику раздела Манчжурии на сферы влияния. Такой же самой политики он придерживался в Персии, хотя этим не облегчил, а затруднил свое отношение с английским империализмом. *Неучастие в империалистических союзах, имеющих целью грабеж чужих земель, является второй основой внешней политики Советского Союза.*

Но подготовка империалистической войны есть факт, наличие империалистических союзов есть факт, и Советский Союз не может ограничиваться выражением своего отрицательного отношения к целям империализма и к империалистическим союзам. *Советский Союз должен сделать все, чтобы обеспечить себя от нападения капиталистических держав, ставящих себе целью завоевание частей советской территории или низвержение государственного строя социализма, являющегося органом строительства социализма,*

Внешняя политика Советского Союза, стремящаяся к миру, находит поэтому свое выражение не только в политике *борьбы за разоружение*, в политике борьбы за *максимальное уменьшение* вооружений, но и *в пактах о ненападении*, которые в данном конкретном положении означают *гарантию советского нейтралитета в конфликтах, которые могут возникнуть между капиталистическими странами, взамен их обязательства отказаться от нападения на Советский Союз и от вмешательства в его внутренние отношения.* Ничего поэтому нет удивительного в том, что первый пакт о ненападении был заключен Советским Союзом *с Турцией*, дружественные отношения с которой слагаются у Советского Союза на основе помощи, оказанной им турецкому народу в его борьбе за независимость. Точно так же неудивительно, что следующим государством, с которым Советский Союз заключил договор, договор, равный пакту о ненападе-

ний, являлась *Германия* (договор от 24 апреля 1926 г.). В своей борьбе против Версальского договора Германия пыталась создать дружественные отношения с Советским Союзом, как единственной великой державой, являющейся противником порабощения одной нации другой. Заключение пактов о ненападении еще в 1926 г. с Афганистаном, в 1929 г. с Персией явилось результатом политики Советского Союза, строящего свои отношения к восточным нациям на основе равенства и относящегося с уважением к их национальной независимости. Не случайно, что попытки заключения подобных пактов о ненападении с западными соседями СССР в продолжение многих лет не могли увенчаться никакими положительными результатами. Западные соседи СССР долгое время входили открыто или косвенно в систему победоносных империалистических держав, не отказывающихся от интервенции против СССР. Только опыт, показавший, что эта политика не только не охранит независимости интересов западных соседей СССР, но что она способна ослабить их перед лицом усилившихся стремлений к восстановлению позиций германского империализма, усилил тенденции к миру с СССР и привел к заключению пактов о ненападении между *СССР, Польшей, Латвией, Эстонией и Финляндией.* Такое же изменение и в континентальной обстановке, усиление стремления Германии к изменению положения, созданного Версальским миром,—мирно, если можно, или насильно, если необходимо—и явилось одним из факторов, побудивших *Францию* заключить пакт о ненападении с СССР. Стремление Италии к усилению ее положения по отношению к Франции со своей стороны привело эту страну, принадлежащую к первым, вступившим в нормальные отношения с СССР, к заключению не только договора о ненападении и нейтралитете с СССР, но и договора о дружбе с Советским Союзом.

Стремление Советского Союза к заключению подобного договора с *Японией* не привело до этого времени к положительному результату, что является только открытым выражением очень сильных в Японии тенденций к сохранению свободы рук для войны с СССР.

Советский Союз стоит и в Европе и на Дальнем Востоке перед лицом враждебных лагерей, готовящихся к войне друг с другом. Он занимает по отношению к ним положение нейтралитета, пытается обеспечить свой мир политикой невмешательства в их дела и обязательством ненападения ни на одну из сторон. Эти обязательства Советский Союз уточнил самым конкретным образом в пакте, определяющем понятия агрессора. Он обязался совершенно конкретно не передвигать своих военных сил ни на море, ни на суше, ни в воздухе через границы государств, принимавших подобные обязательства, и не вмешиваться ни прямо, ни косвенно в их внутренние дела.

Все это показывает всему миру, что *политика мира и нейтралитета, проводимая Советским Союзом, является не дипломатической фразой, а совершенно конкретным,* не оставляющим никаких сомнений, политическим обязательством.

Советский Союз, заключая пакты о ненападении со всеми странами, которые готовы с ним этот пакт подписать, то есть, будучи готовым заключить пакт о ненападении со странами, которые могут оказаться эвентуально в борьбе друг с другом, должен считаться с тем, что

если мир и нейтралитет могут усиливать одну из воюющих стран, то он может быть невыгодным другой стороне, которая может попытаться нарушить свой пакт о ненападении и порвать принятые обязательства и напасть на Советский Союз, чтобы не говорить уже о действиях держав, отказывающихся подписать пакт о ненападении. Само собой понятно, что ответом на всякое нападение на территорию СССР были бы *военные действия Советского Союза* в соответствии с заявлением Сталина, что ни одного вершка своей земли не отдадим никому. Но тогда могло бы возникнуть положение, в котором Советский Союз действовал бы *параллельно* с врагом своего врага или был бы *заинтересован в совместных с ним действиях*. Отношение к подобному случаю, подобная возможность *предвидена* была уже *Лениным* во время дебатов о политике советского правительства по отношению к Брестскому миру. В другом положении, при большей военной слабости Советского Союза, Ленин наметил основное решение вопроса. Это решение на сегодняшний день является основой советской политики.

«Со времени победы социалистического правительства в одной из стран, надо решать вопросы *не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции*, которая уже началась» [1], —писал Ленин в тезисах по вопросу о заключении сепаратного мира 7 января 1918 г.

В статье «О чесотке» от 22 февраля этого же года, выступая против тех, кто принципиально отрицал возможность заключения сделки с союзниками против германского империализма, Ленин писал:

«Ежели Керенский, представитель господствующего класса буржуазии, то есть эксплуататоров, заключает сделку с эксплуататорами англо-французскими о получении от них оружия и картошки и в то же время скрывает от народа договоры, обещающие (в случае успеха) одному разбойнику Армению, Галицию, Константинополь, другому—Багдад, Сирию и проч., то трудно ли понять, что сделка эта—грабительская, мошенническая, гнусная со стороны Керенского и его друзей?

Нет. Это совсем не трудно понять. Любой мужик поймет, даже самый темный и безграмотный.

Ну, а если представитель класса эксплуатируемых, угнетенных, после того, как этот класс свергнул эксплуататоров, опубликовал и отменил все тайные и грабительские договоры, подвергся разбойному нападению со стороны империалистов Германии, то можно ли его осуждать за «сделку с разбойниками» англо-французами за получение от них оружия и картошки за деньги или за лес и т. п.? Можно ли такую сделку находить нечестной, позорной, нечистой?» [2]

Отвечая положительно на вопрос о возможности сделки между Советским Союзом и одной из империалистических держав, готовых, исходя из своих империалистических интересов, помочь Советскому Союзу в его борьбе против нападающих империалистических держав, Ленин

---

[1] *Ленин*, Собрание сочинений, т. XXII, стр. 195. Подчеркнуто мною. — *К. Р.*
[2] *Ленин*, Собрание сочинений, т. XXII, стр. 273. Подчеркнуто мною. — *К. Р.*

ответил положительно *на вопрос о возможности развития политики Советского Союза за пределы нейтралитета по отношению к борющимся империалистическим державам.*

Советский Союз не закрывает себе пути к возможности сделки, соглашения с империалистическими державами, находящимися в борьбе с другими империалистическими державами, если эти последние нападут на Советский Союз, но при таких соглашениях Советский Союз не принял бы на себя ответственности за специфические цели, преследуемые империалистическими державами, вошедшими с ним в соглашение. *Он никогда и ни при каких условиях не принял бы участия в грабеже других наций,* ибо участие в таком грабеже противоречило бы международной солидарности трудящихся. Но против нападающего империализма допустимо соглашение с любым его противником с целью нанесения поражения нападающему на советскую территорию врагу.

Я думаю, что я назвал основные принципы советской внешней политики и объяснил их внутреннюю связь. Все они исходят из факта неспособности империализма решить те великие задачи, перед которыми поставлено теперь все человечество. Никакая новая империалистическая война этих задач не разрешит. Она приведет к величайшему разрушению производительных сил, к неслыханным бедствиям народных масс, не будучи одновременно в состоянии ничего другого сделать, как перекроить по-новому капиталистический мир.

Советский Союз—враг империалистических войн, являющихся результатом того, что капитализм не в состоянии уже развивать производительные силы человечества, что он в состоянии только пытаться вырвать из мира кусок земли, который должен быть резервированной областью для эксплоатации данной национальной буржуазией, что толкнет мир на новые величайшие потрясения. Поэтому мы убеждены, что народные массы, брошенные в омут новых войн, будут искать выхода на тех же путях, на которых нашел выход советский пролетариат в 1917 году.

Задача советской власти—охранить земли, находящиеся во владении первого пролетарского государства, от безумия и преступления новой войны. За эту задачу Советский Союз боролся с величайшей решительностью и последовательностью в продолжение 16 лет. Охрана мира и нейтралитет Советского Союза от попыток втянуть его в омут новой мировой войны—центральная задача советской внешней политики.

Советский Союз ведет политику мира, ибо мир есть лучшее условие построения социалистического общества. Борясь за сохранение мира, принимая обязательства нейтралитета по отношению к борющимся империалистическим лагерям, Советский Союз поднял обороноспособность своей страны до того уровня, который отвечает интересам его обороны в условиях современной войны. Его *нейтральность представляет благо,* которое сумеют оценить империалистические державы, не потерявшие чувства реальности. Те, которые не сумеют оценить значение советской нейтральности или будут толкаемы безысходностью своего положения на авантюру войны против громадного государства, представляющего десятки миллионов людей, объединенных желанием мира, желанием мирного созидательного творчества, должны будут убедиться, что поколение, которое сумело построить фундаменты социализма, сумеет их защитить железной энергией. И мы убеждены,

что какие бы перипетии ни проходила война, кто бы ее ни начал, *единственным победителем, который вышел бы из нее, был бы Советский Союз, ведущий за собой трудящихся всего мира*, ибо он имеет единственное знамя, которое может стать знаменем народных масс всего мира в случае войны. Это—знамя международной солидарности всех трудящихся.

«Известия» от 16 декабря 1933 г., № 304 (5235).

ЧЕТЫРЕ ГОДА БОРЬБЫ ЗА МИР

1.

Минувшие четыре года были годами проведения в жизнь пятилетнего плана реконструкции советского хозяйства. Целью этой реконструкции было не простое поднятие производительных сил величайшей из стран. В течение этих четырех лет пролетариат, на основе завоеванной в 1917 году власти, опираясь на великие достижения первого периода новой экономической политики, когда были восстановлены разрушенные войной промышленность и сельское хозяйство, строил—и построил—фундамент социализма. Уже самого факта индустриализации Советского Союза, борьбы за его переход из аграрно-промышленной страны в страну промышленно-аграрную было бы достаточно для того, чтобы создать большое напряжение в отношениях с империалистическими державами. Возникновение новой индустриальной державы всегда было связано с большими политическими трениями, если не потрясениями, ибо оно всегда так или иначе меняло соотношение сил в международном масштабе. Стройка социализма в громадной стране должна была вызвать напряжение, выходящее из рамок обыкновенной борьбы за рынки. Она создавала *непосредственную опасность войны*. Капиталистический мир был поставлен перед фактом, что вопрос о социализме, до 1917 года бывший для него вопросом чисто теоретическим, до 1928 года представлявшийся ему всего только вопросом чисто политической опасности, стал с момента проведения пятилетки вопросом непосредственной *борьбы двух экономических систем*. Пока Советский Союз не вступил в период осуществления пятилетки, капиталистический мир был убежден, что борьба противоречий, заложенных в новой экономической политике, неминуемо приведет к победе в СССР капиталистических тенденций, последствием чего будет реставрация капиталистического строя в той или иной форме. Теперь капиталистический мир стоит перед лицом большевистского наступления по всему фронту на капиталистические элементы страны, причем одновременно с ликвидацией этих элементов развиваются новые социалистические производительные силы: социализм, как экономическая система, стал реальностью.

Капиталистический мир не мог не ополчиться против этой опасности. Во-первых, не понимая своеобразия социалистической индустриализации, направленной в первую очередь на удовлетворение внутренних потребностей страны и будившей все новые потребности, империалистический

105946

БИБЛИОТЕКА марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

мир действительно боялся, что социалистическая индустрия и социалистическое хозяйство СССР могут появиться на мировом рынке в качестве грозного конкурента. А во-вторых, капиталистический мир сильней, чем этой конкуренции, боялся, что рабочие Запада, видя строительство социализма в СССР, не пожелают долее терпеть капиталистическую систему, что рабочий класс капиталистических стран, убедившись на советском примере в возможности постройки социалистического хозяйства, удесятерит свою борьбу против капитализма. Поэтому нет ничего удивительного, что Советский Союз вступил в *борьбу за пятилетку в атмосфере очень напряженного международного положения*.

> «Международное положение, в котором находилась Россия, было крайне неблагоприятно: Англия порвала с ней сношения, Америка отказала в признании, отношения с Францией были напряженные, Польша держала себя враждебно, китайские власти ворвались в советское посольство в Пекине; на консульства в других городах совершались налеты и выгонялись советские представители. Ни один народ не проявлял к СССР ни малейшей симпатии, за исключением Германии и Турции, причем и они делали это своеобразно и очень скупо»[1].

Эта характеристика английского либерального журнала еще очень прикрашивает положение, в котором находился Советский Союз в начале пятилетки. *Разрыв отношений с СССР со стороны английского консервативного правительства не был шагом локального значения*. Твердолобые пробовали, не удастся ли им толкнуть и другие страны на подобные мероприятия. Их план состоял в том, чтобы международным нажимом на СССР заставить его вести такую внутреннюю политику, которая дала бы победу капиталистическим элементам в советском хозяйстве. Финансовая блокада в соединении с торговой должна была поставить на колени Советский Союз. В случае его сопротивления не исключен был переход к непосредственным военным действиям. Резкое обострение отношений с Францией, убийство *Войкова* в Польше,—все это были доказательства того, что разрыв с Англией начал развязывать антисоветские силы. О том, что *разрыв Китая с СССР* был совершен под давлением этих империалистических сил, открыто говорит корреспондент серьезнейшей американской газеты «Балтимор Сен»—Бертон, в течение многих лет следивший непосредственно за борьбой на Дальнем Востоке.

На все эти угрозы Советский Союз ответил решением о проведении пятилетки и развернул знамя решительного наступления на капитализм. Понятно, что мировой империализм с своей стороны готовил контрнаступление. Немедленному осуществлению его в первую очередь помешало то, что Англия под напором Соединенных Штатов должна была отказаться от морского соглашения с Францией, соглашения в котором за поддержку, полученную от французского правительства по вопросам морских вооружений, она признала французскую гегемонию на континенте. Это не позволило немедленно создать единый фронт против СССР. Поэтому, подготовляя дальнейшее широкое наступление, некоторые империалистические державы решили уже в 1929 году прощупать, не удастся ли им втянуть Советский Союз в войну на *Дальнем*

---

1 «Round Table», декабрь 1932 г. стр. 102.

Востоке. Эта война, связав силы Советского Союза на очень отдаленном участке борьбы, с одной стороны, помешала бы проведению пятилетки, а с другой,—облегчила бы удар с Запада. Решительная ликвидация этой попытки при помощи соединенных действий Красной армии, которая в короткий срок ликвидировала налеты белых китайских генералов, и советской дипломатии, которая ни на один момент не дала победам выбить себя из колеи мирной политики, политики отказа от всякого участия в борьбе за раздел сфер влияния в Манчжурии, показала империалистическому миру не только силу Красной армии, но и хладнокровие советского правительства.

Подготовка наступления на СССР должна была быть проведена шире и глубже. После провала английского правительства твердолобых руководство этой подготовкой перешло к *авантюристским элементам французского империализма*, которые, убедившись в успешности проведения пятилетнего плана, занялись организацией его срыва руками вредителей. Этим они хотели создать обстановку, облегчающую военный удар с Запада. Этот план был парализован решительной политикой советской власти, которая, ликвидировав созданные при поддержке империализма организации, заставила его отступить.

Бешеные *антисоветские кампании*, проводимые то под лозунгом защиты *религии*, то под лозунгом борьбы с советским *демпингом*, показали, что противник ни на один момент не сдавался. Все, что он потерял внутри СССР после разгрома вредительских организаций, он пытался наверстать, заручившись помощью *крупной и мелкой буржуазии* за границей. Но лозунгами о борьбе с демпингом империалистские круги Запада пытались нащупать связь и с отсталыми рабочими массами, которые они хотели поднять на ноги, расписывая им опасности, которыми угрожает мнимый «советский демпинг» не только капиталистам, но и рабочим. Удар советского правительства по кулакам—основной массе, на которую в случае войны с СССР хотели опереться империалисты, они компенсировали более решительной попыткой перетянуть на свою сторону в борьбе с СССР рабочие массы капиталистических стран, организованные *в соглашательские профсоюзы*. Этой цели служила кампания о *принудительном труде в СССР*, которая должна была апеллировать к широким рабочим массам. На провал подготовки интервенции при помощи вредительства мировой империализм ответил *расширением мобилизационной работы в странах капитала углубленной подготовкой общественного мнения для будущей интервенции*. Эта работа кончилась *крахом*. Причиной этого провала было действие даже на отсталые массы рабочих Запада сообщений об *успешном проведении пятилетки* и влияние, оказанное на них начавшимся в 1929 году кризисом, который подорвал доверие к капиталистической системе не только рабочих, но и широких масс мелкой буржуазии города и деревни, а также широких масс буржуазной интеллигенции.

Провал попытки втянуть СССР в войну на Дальнем Востоке в 1929 году, провал вредительской работы в 1930 г., провал антисоветских кампаний, имеющих целью мобилизовать против советской власти широкие народные массы Запада (а провал этот определился окончательно в 1931 г.), дали возможность не только продлить передышку СССР, но и *развернуть широким фронтом борьбу за укрепление*

мира, которая была подготовлена влиянием кризиса *не только на соотношение между классами, но и на соотношение между империалистическими державами.*

2.

Мировой кризис неслыханно обострил *противоречия между всеми империалистскими державами.* Обострилась борьба за мировой рынок, в которой почти все государства пользовались друг против друга орудием демпинга. Попытка кричать о советском демпинге в тот самый момент, когда английский империализм обвиняет японский в том, что тот вытесняет его текстильные изделия из английских колоний экспортом японского текстиля по бросовым ценам, когда американский империализм обвиняет английский в том, что он не хочет вернуться к золотому стандарту именно для того, чтобы иметь возможность конкуренции с американской промышленностью при помощи демпинга, потеряла всякую убедительность. Повышение таможенных *тарифов* во всех странах, переход Англии к протекционистской системе, попытка Англии вырезать из мирового хозяйства резервированный для нее участок путем создания *имперского протекционизма*,—все это неслыханно затруднило не только уплату *репараций Германией*, но уплату европейскими империалистскими державами *военных долгов* САСШ. Полный крах германских репараций, смытых кризисом, только обострил борьбу за решение вопроса о межсоюзных долгах. Европейские империалистские державы пытаются во что бы то ни стало переложить эти долги на Соединенные Штаты. Не видя никакого выхода из кризиса, все империалистские державы подготовляют борьбу за выход из кризиса силой *оружия*. Лучшим доказательством этого является невозможность договориться *по вопросам разоружения.*

Крах всех попыток договориться о разоружении обнажает факт, что все капиталистические державы ведут *подготовку к мировой войне.*

Первая страна, попытавшаяся найти выход из кризиса на путях войны,—*Япония.* Ее выступления означают начало борьбы за полное изменение соотношения сил на Дальнем Востоке в ущерб другим империалистическим странам. Одновременно в Европе с каждым днем все больше обнажается *несостоятельность Версальского договора*, как основы дальнейших отношений между европейскими державами. Крах репараций пробил брешь в Версальском договоре. Разлад между державами, победившими в мировой войне, *обострение англо-американских отношений*, углубление противоречий *японо-американских и франко-итальянских*,—все это создает обстановку, позволяющую германской буржуазии надеяться на возможность прорвать Версальский договор и в других пунктах. Борьба на конференциях по разоружению, показавшая, что не может быть и речи не только о разоружении, но и о каком бы то ни было серьезном уменьшении вооружений, дала возможность германской буржуазии повернуть Версальский договор, обещавший, что разоружение Германии будет только вступлением к всеобщему уменьшению вооружений, против творцов этого договора. Борьба Германии за «равноправие вооружений» вызвала глубочайшее потрясение в лагере

бывших победителей. Наиболее ярко выразил это положение Уинстон *Черчилль*, заявляя в парламенте:

«Германия уплатила после войны репараций на сумму в миллиард фунтов стерлингов, но в то же самое время она взяла в долг 2 миллиарда, при помощи которых она уплатила репарации и переоборудовала свою промышленность. Она вышла из Лозанны освобожденной от репараций. Что же касается ее коммерческих долгов, то и они окажутся в окончательном счете безвозвратными... Теперь Германия требует, чтобы ей разрешили довооружиться. Не будем себя обманывать. Блестящая германская молодежь, которая марширует по всей Германии с желанием, написанным на ее лице, пострадать за отечество, не *берется за изменение статута. Она хочет оружия*, и если *она будет иметь оружие, то, поверьте мне, она будет требовать восстановления потерянных территорий и колоний*. Если это требование будет поставлено, то оно неизбежно потрясет, и вероятно потрясет до самых оснований, все страны, о которых я упоминал, и некоторые, о которых я не упоминал».

В этом положении обострившихся империалистских противоречий *Советский Союз и его дипломатия поставили себе центральную задачу—сохранить мир*. Империалистская пресса обвиняет советское правительство в попытках использовать все империалистские противоречия для того, чтобы натравить одну империалистскую страну на другую. Незачем подчеркивать, что это утверждение является вымыслом, отчасти выражающим злую волю империалистской печати, а отчасти ее неспособность понимать политику Советского Союза, в корне отличающуюся от политики империалистских держав. Советский Союз руководится в своей политике интересами советских народных масс, интересами строительства социализма, которые совпадают с интересами мирового пролетариата. *Не только строительство социализма требует мира, этого мира требуют интересы народных масс во всех странах*. Ставя главной целью своей политики сохранение мира, Советский Союз заботится *не только о том, чтобы не допустить нападения на страну строящегося социализма, но и о том, чтобы не быть втянутым в борьбу империалистических держав*. Этим двум целям, глубоко связанным друг с другом, служит и политика Советского Союза, проводимая им по отношению к противоречиям, разрывающим *западноевропейский мир*, и по отношению к противоречиям, разыгрывающимся на Дальнем Востоке.

3.

Мировая война, вызванная англо-германским соперничеством, вылилась в борьбу германского империализма за гегемонию на европейском континенте как за условие мирового могущества германского империализма. Что означала эта гегемония по отношению к нашей стране—это показал германский империализм в Брест-Литовске. Разбитая в мировой войне *германская буржуазия* с величайшим трудом пытается сбросить версальское ярмо и восстановить потерянное положение. Защищаясь от притязаний победителей, она восстановила дипломатические и деловые

отношения с СССР на базе равноправия. Но достаточно указать на выступления бывшего рейхсканцлера *фон-Папена* с предложением франко-германского союза, который был бы направлен против СССР, или на внешнеполитическую программу *национал-социалистов*, которые в своем теоретическом органе проповедуют, что Версаль минует, но Брест-Литовск будет путеводной звездою германской политики, чтобы установить: существуют еще довольно влиятельные группы германской буржуазии, имеющие империалистские цели по отношению к СССР. Не надо преувеличивать значения этих групп,—руки у них коротки, но нельзя забывать, что чем труднее германскому империализму пробиться на запад, тем больше будут его авантюристские элементы зазывать на восток.

Французский империализм, победивший германский, пытается установить свою гегемонию на всем континенте. Он опирается при этом на новые государства, созданные благодаря поражению германского, австрийского и царского империализма, пользуясь страхом народных масс этих стран перед новой потерей национальной независимости. По отношению к СССР наиболее авантюристские круги французского империализма сохранили враждебность, в которой ненависть к возникающему социалистическому государству объединяется со страхом, что оно поможет странам, побежденным Версалем, стать на ноги. Они не отказались ни на момент от идей разрушения советского Карфагена.

Германия, придавленная Версалем, первая восстановила отношения с СССР на основе равенства. Версальские державы еще долго боролись в самых резких формах против Советского Союза. Опасность, угрожающая их версальской добыче, заставила их *попытаться изменить свою политику по отношению к СССР*. Советский Союз пошел полностью навстречу этому желанию, ибо он со своей стороны всегда добивался мирных отношений с Францией и ее союзниками. Заключая пакт с Польшей, балтийскими странами и Францией, *Советский Союз также не намерен терять самостоятельность своих решений по отношению к этим державам, как он сохранил полную независимость своих решений по отношению к Германии, даже в тот момент, когда его бойкотировали почти все другие капиталистические державы* Европы. Ни на один момент не меняя своей оценки Версальского договора, ни на один момент не упуская из виду специфический характер стремлений тех реакционных клик, которые пытаются полностью определить политику Германии, *Советский Союз готов жить в мире с обоими лагерями европейских великих держав, если они будут вести по отношению к нему политику мира и поддерживать нормальные экономические отношения, основанные на взаимной выгоде обеих сторон. Советский Союз будет платить за мир миром, за выгоды выгодами, за дружбу дружбой, направляя свои удары только против тех, кто будет подготовлять борьбу с ним.* Невмешательство в борьбу, происходящую между капиталистическими державами Европы, готовность к мирным экономически плодотворным отношениям со стороны державы тех размеров, той силы и тех перспектив, какие имеет СССР, совместно с ростом симпатий не только рабочих, но и мелкобуржуазных масс Европы к СССР сыграло решающую роль в *победе советской политики мира на западном фронте нашей страны*. Она дала возможность

не только сохранить, но и укрепить мирные отношения с государствами европейского континента.

4.

Дальний Восток является предметом борьбы между японским и американским империализмом. Американский империализм прикрывает свою борьбу за гегемонию на побережье Тихого океана знаменем поддержки стремления китайского народа к объединению, знаменем охраны независимости Китая, как громадного поля капиталистической экспансии. Японский империализм прикрывает свои стремления к гегемонии на азиатском побережье Тихого океана плащом борьбы за введение порядка на громадных пространствах Китая. Нечего говорить, что американский империализм великолепно доказал, что его «заботы об объединении китайского народа» не помешали ему бомбардировать в 1926 г. Нанкин, когда китайские народные массы пытались взять в свои руки дело объединения китайского народа. Японский империализм не в состоянии ввести на Дальнем Востоке даже тишину и порядок могилы. Китай занимает слишком большое пространство, в Китае поднялись слишком большие массы, чтобы можно было управлять этой страной только при помощи бомбовозов и танков.

На деле перед нами вопрос о разделе Китая на сферы влияния великих империалистских держав. Это стремление, выступившее в конце XIX столетия в совершенно открытой форме, не исчезло и теперь,—наоборот, сегодня оно более живо и более сильно, *чем 30 лет назад.* Ибо завоевание Китая теперь более нужно японскому и американскому империализму и другим империалистским странам, чем раньше. Японская буржуазия стала империалистской, не ликвидировав остатков феодализма, которые настолько задерживают развитие японского крестьянства, что 16 миллионов японских крестьян производят не больше, чем 3 миллиона английских. Узость внутреннего рынка сделала завоевание значительной части Китая вопросом жизни и смерти для японского империализма. Американский империализм только теперь наткнулся на внутренние грани своего развития. Громадный внутренний американский рынок оказался чересчур узким, чтобы обеспечить американским трестам те сверхприбыли, к которым они привыкли, благодаря грандиозному развитию производительных сил Америки за последние 60—70 лет. Борьба японского и американского империализма в будущем неизбежна. Другие империалистские державы, в первую очередь *Англия*, пытаются оттянуть до последнего момента решение, на какой стороне они будут стоять в этой борьбе, чтобы не продать чересчур дешево свою помощь. *Советский Союз не может быть участником этой борьбы империалистских держав, ибо он противник империализма, он не принимает участия в дележе империалистской добычи, ему не нужны чужие территории, ему не нужны империалистские привилегии. Советский Союз не участвует в борьбе империалистических лагерей между собою. Советский Союз делает все, чтобы заставить обе стороны уважать мир его границ, его интересы, как великой самостоятельной державы.*

С железной энергией советское правительство боролось за сохранение мира на Дальнем Востоке, когда этот мир оказался под угрозой. Оно

не дало втянуть себя в борьбу китайских генеральских клик с Японией. Оно не дало спровоцировать себя открытыми призывами к войне против СССР, которые раздавались в японской империалистской прессе. Советский Союз не дал себя спровоцировать целым рядом актов, которые у всякого буржуазного государства вызвали бы самый непосредственный ответ. Он сохранил с такой последовательностью невмешательство в борьбу, происходящую на Дальнем Востоке, что политика его вызвала одновременно серьезное движение в Японии за заключение пакта о ненападении, и в Соединенных Штатах—за признание СССР.

Предложение заключить пакт о ненападении, сделанное нами Японии, вызвало громадное беспокойство в наиболее авантюристских кругах японского империализма, которые, видимо, считают, что путем авантюры в отношении к СССР можно добиться уменьшения противоречий с САСШ или по крайней мере их отсрочить. Однако более разумные и дальновидные элементы японских господствующих классов понимают, очевидно, что столкновение с СССР, подрывая силы Японии, открыло бы только путь для нападения американскому империализму. Но внутренняя борьба, происходящая в Японии, не позволяет, видно, японским руководящим кругам решиться на такой простой шаг, как подписание пакта о ненападении.

Японские руководящие круги оттягивали принятие предложения СССР, ставя вопрос *о его отношении к Манчжоу Го*. Очень трудно определить, где кончается японская армия, действующая в Манчжурии, а где начинаются войска Манчжоу Го, поэтому, стремясь заключить пакт о ненападении с Японией, Советский Союз не отказывается от заключения такого же пакта с Манчжоу Го. Советский Союз подписывал договоры уже в 1924 г. с Чжан Цзо-лином, находившимся под влиянием и защитой Японии, хотя его правительство не имело международного признания. Он готов заключить пакт о ненападении с Румынией, с которой не находится ни в каких дипломатических отношениях. Заявляя о своей готовности заключить пакт о ненападении с Японией и Манчжоу Го, *Советский Союз выбил из рук японских империалистов всякую возможность обвинить советское правительство в каком бы то ни было стремлении к войне с Японией или к вмешательству в манчжурские дела.*

Но с той же самой решительностью Советский Союз отклонил *попытку нарушения советского невмешательства в борьбу, происходящую в Манчжурии*, попытку, нашедшую свое выражение в требовании выдать манчжурского генерала Су Бин-веня, перешедшего советскую границу и разоружившегося. Если бы Советский Союз принял предложение японского правительства, он стал бы в глазах народных масс Китая прямым участником и помощником японского империализма. Что такую цель преследовало японское требование, показали не только некоторые «хвалебные» выступления некоторых японских дипломатов по адресу СССР, но и взрыв негодования в части японской империалистской печати по поводу *возобновления дипломатических отношений между советским и нанкинским правительствами*. Аргументы, выдвигаемые этой частью японской печати, настолько выдуманные, что ни на момент нельзя принять их всерьез. Советское правительство не стремилось к разрыву дипломатических отношений с Китаем даже в разгар трагических событий 1926/27 г., когда китайская бур-

жуазия предала китайскую революцию, подавляя движение народных китайских масс. Советское правительство никогда не считало, что игнорирование существующих буржуазных империалистских и контрреволюционных правительств является средством, которое может играть положительную роль в развитии международных отношений. Неудивительно поэтому, что советское правительство ни на один момент не отказывалось от возобновления дипломатических отношений с Китаем, раз нанкинское правительство, которое в 1927 году порвало отношения с СССР под давлением некоторых империалистических держав, теперь, подвергнувшись нападению со стороны одной из них, не получая серьезной помощи со стороны других, пришло к разумному выводу, что оно не усилило своих позиций отсутствием отношений с СССР. Такое хотя бы и запоздалое прозрение надо только приветствовать. Крик, поднятый по этому поводу частью японской империалистской печати, выдает с головой круги, стоящие за нею. Этот крик говорит, во-первых, что эти круги считали, что СССР должен быть исключен из нормальных дипломатических отношений на Дальнем Востоке.

Достаточно расшифровать эту мысль, чтобы разоблачить круги, стоящие на этой точке зрения, как враждебные СССР, и отнять у них всякое право говорить о враждебности со стороны СССР. Кто пытается не допустить нормальных дипломатических отношений между СССР и какой бы то ни было другой державой, тот совершает недружелюбный шаг по отношению к СССР, проявляет к нему недружелюбное отношение. СССР же, борясь против таких тенденций блокады его отношений с третьими сторонами, защищает только свои законные интересы. Утверждения о том, что, возобновляя свои отношения с Китаем, СССР изменяет свои позиции невмешательства в манчжурский вопрос, смешны; *невмешательство в борьбу двух сторон требует нормальных отношений с обеими.* Все эти никчемные аргументы показывают слабость позиций тех кругов, которые в возобновлении советским правительством отношений с Китаем видят помеху для заключения пакта о ненападении между Японией, Манчжурией и СССР. *Кто выступает против заключения этого пакта, тот разоблачает себя самого как противника укрепления мира на Дальнем Востоке.*

Советский Союз сохранил мир в моменты крупных испытаний благодаря тому, что он одновременно показал и доказал авантюристским элементам противной стороны свою способность защищать мир и доказал более благоразумным элементам буржуазии, что он не намерен использовать свои силы для вмешательства в манчжурские дела, что, наоборот, он непоколебимо ведет политику мира и невмешательства. Мы уверены, что продолжение этой политики *укрепления обороны СССР и готовности к продолжению мирной политики сделает свое и заставит дальневосточных противников пакта о ненападении отказаться от мысли о всяких авантюрах и дать этому отказу внешнее выражение в подписании пакта о ненападении.*

5.

В начале манчжурских событий дальневосточные империалисты рассчитывали на *рост интервенционистских тенденций на Западе,*

точно так же, как *авантюристские элементы на Западе рассчитывали на близкий конфликт между СССР и Японией.* Сегодня позиции интервенционистов на Западе глубоко ослаблены. Пакт о ненападении, заключенный с нашими соседями и с Францией, не есть просто бумажка, подписанная с задними мыслями. Независимо от тех мыслей, которые может иметь тот или другой представитель буржуазных клик на Западе, *эти пакты выражают измененное соотношение сил между классами и между государствами.* Что значит один факт, что в Польше, где в продолжение столетия царизм сеял недоверие ко всему русскому, где буржуазная пресса всех направлений в продолжение 15 лет пыталась представить большевиков, как наследников царской политики порабощения других народов, против подписания пакта не поднялся ни один голос! Это свидетельствует о большом доверии, завоеванном Советским Союзом в народных массах за рубежом. Те клики в Польше, которые не отказались от идеи войны с СССР, были в виду настроения народных масс принуждены спрятать свои намерения. Подобно обстоит дело во многих других странах.

Влиятельным империалистским кругам Запада пока еще удается сорвать *подписание пакта между СССР и Румынией.* Это является *предостережением для народных масс СССР о том, что на Западе не исчезли авантюристские группы, подготовляющие войну против нас.* Но тот факт, что этим группам пришлось спрятаться за «широкой спиной» Титулеску, показывает, как ослабли их позиции: если они начнут играть ва-банк, риск будет целиком на их стороне.

Подписание пактов на нашей западной границе сигнализирует и об изменении в соотношении сил между государствами: *рост силы Советского Союза и рост противоречий в лагере империализма.* Оба эти фактора будут расти и в дальнейшем, затрудняя организаторам войны возможность осуществить их идеи.

Немалую роль в ослаблении интервенционистских тенденций на Западе сыграл тот факт, что Советский Союз оказался *способным к обороне всех своих границ.* Поэтому авантюристские империалистические клики на Дальнем Востоке теперь не могут исходить в своих расчетах из уверенности в помощи со стороны западноевропейских единомышленников.

Советское правительство сумело во время величайших международных напряжений провести страну через все опасности и сохранить мир. Теперь, когда пятилетка проведена, когда мы создали новую *металлургическую базу в стране,* создали *химическую индустрию,* создали собственную *авиационную* промышленность, создали средства для *индустриализации коллективизированного сельского хозяйства, Советская страна может с растущей уверенностью смотреть в будущее.* Советское правительство, всесоюзная коммунистическая партия сумели под руководством т. *Сталина* сохранить мир для страны и оградить ее социалистический труд. *Удельный вес нашей страны колоссально возрос, и обороноспособность ее не подлежит сомнению даже для врагов.* Чем тверже будет наша мирная политика, тем ярче в мире хаоса, распада, кризиса, бешеных вооружений наша страна будет светить, как маяк, для всех народов. Никто не сомне-

вается, что наша делегация на женевской конференции была единственной делегацией, искренне боровшейся за всеобщее разоружение. Но именно сознание, что мы—*страна мира*, сознание, живущее в груди всякого рабочего и колхозника в СССР и десятков миллионов рабочих и крестьян в капиталистических и колониальных странах, *дает нам громадную силу в борьбе с военной опасностью, силу в борьбе за мир и силу в случае нападения*. Убеждение миллионных масс в мирной политике советского правительства вместе с теми материальными средствами, которые дает нам пятилетка, означает *победу на тот случай*, когда другие не захотят жить с нами в мире.

Это знают наши народные массы. Пусть это знает и капиталистический мир.

«Известия» от 1 января 1933 г., (№ 1 (4932)

КРУШЕНИЕ ДОЛЛАРА И ВОЦАРЕНИЕ ГИТЛЕРА

11 ноября 1918 года, получив известие о том, что Германия подписала условия перемирия, полковник Гаус, советник Вильсона, послал своему шефу телеграмму: «*Автократия мертва, да здравствует демократия* и ее бессмертный вождь. В этот великий час сердце мое обращается к вам с гордостью, любовью и восхищением». Полковник Гаус не был чиновником-подхалимом, а был незаурядным искренним человеком, убежденным, что участие Соединенных Штатов в войне, обеспечивая поражение Германии, обеспечивает в дальнейшем развитие мира на основе демократии и социальных реформ. Он сам считал себя учеником Луи Блана и Маццини, и его оценка мировой империалистской войны и ее последствий была луиблановщиной чистейшей воды.

Отправляясь на корабле, носящем гордое имя «Джордж Вашингтон», в Европу, Вильсон сказал сопровождающим его экспертам и делегатам, что американская делегация на Версальской конференции является единственной, не защищающей отдельных узких интересов, а выражающей волю и чаяния народов.

Мелкая буржуазия всего мира приветствовала появление Вильсона в Париже, как начало новой эры человечества. Она ожидала, что Америка не только имеет идеи, на основе которых можно организовать мир, но что громадная мощь Соединенных Штатов будет использована для залечивания ран войны, для укрепления дела мира.

Прошло несколько недель, и оказалось, что у так называемой американской демократии не было никаких идей, которые могли бы лечь в основу новой организации капитализма. Или, иначе говоря, те смутные демократические идеи, которые прокламировал Вильсон, как основу устройства мира, разлетелись в пух и прах при соприкосновении с империалистской действительностью. В момент, когда провал луиблановщины стал совершенно очевидным, и Вильсон, и Гаус великолепно понимали, что единственным путем к проведению их идей в жизнь было бы обращение к народным массам.

3 марта 1919 года полковник Гаус записал в своем дневнике: «Если бы президент попытался использовать свое влияние на либералов и *трудящиеся классы, то он, вероятно, смог бы опрокинуть правительства Великобритании, Франции и Италии. Но если бы он это сделал, то ему пришлось бы считаться также с собственным народом, и он мог бы вызвать хаос во всем мире. Дело могло бы*

не кончиться низвержением правительств, и всякий, кто принялся бы за такое дело в это время, взял бы на себя громадную ответственность». И Вильсон, и Гаус поняли, что их демократические идеи без революции являются утопией и что революция «в это время» не кончилась бы низвержением одного или другого правительства, что она стала бы социалистической революцией. Американские Луи Бланы должны были себе сказать, что они созданы не для того, чтобы делать социалистическую революцию, и поэтому они подписывали все, чего требовали от них вожаки французского и английского империализма.

Но, вернувшись обратно в САСШ, Вильсон и Гаус узнали, что американская буржуазия, заработавшая миллиарды на мировой войне, вообще не намерена пока-что вмешиваться в европейские дела. Прикрывала ли она это решение протестом против империалистского характера Версальского мира, или нет, на деле в основе ее решения лежало сознание, что Северная Америка представляет особый мир, который, освободившись от экономической зависимости от Европы, может процветать в качестве самодовлеющей системы.

Через несколько лет Америка *вернулась в Европу*, но уже не с проповедью демократических идеалов, а побрякивая звонкой монетой. Хотя господа Кулидж и Гувер не были такими златоустами, как Вильсон, но звон американского золота придал американскому престижу совершенно невиданный блеск. Америка взяла в свои руки решение репарационного вопроса. Она одолжила миллиарды Германии. Глаза всех нуждающихся капиталистических стран повернулись к Вашингтону и Нью-Йорку в поисках займов. Все страны юго-востока Европы выписывали себе американских «докторов», которые прописывали их больным бюджетам соответствующую диэту, как условие предоставления стабилизационных займов.

Ход послевоенного развития Америки вызвал в европейской буржуазии глубочайшее убеждение, что капитализм еще здоров и, преодолев свою болезнь, вступит в новый период прогресса. Книги по истории американской экономики издавались на европейских языках под заглавием: «Объяснение чуда «просперити». Американская рационализация, американская техника и даже американские идеи,—что это означает, никто не знал,—стали путеводной звездой европейской буржуазии.

Влияние этих идей было так велико, что ему подчинялась не только международная социал-демократия, но и правые в Коминтерне, а особенно в американской коммунистической партии выдвинули теорию об «исключительном характере американского развития». Это было время, когда *Троцкий* выступил со своей речью «Европа и Америка», в которой говорил: «Американский капитал сейчас командует, приказывает дипломатам. Он готовится и собирается, точно так же приказывать европейским банкам и трестам европейской буржуазии в целом... Он к этому идет. *Он будет нарезать участки рынка, он будет нормировать деятельность европейских финансистов и европейских промышленников*». Вся эта теория сводилась по существу к убеждению, что очень болен только европейский капитализм, что американский еще совершенно здоров и крепок и что не исключается, что он сможет спасти своих европейских собратий ценой подчинения их своей воле. Основой такого взгляда являлась буржуазная теория империализма, которая видела его главную черту в централизующей тенденции. Раз

империализм не поднимает на новую и последнюю ступень противоречия между производительными силами и производственными отношениями, раз монополистический капитализм не является эрой загнивания капитализма, то европейский капитализм в основном болен противоречием между централизующими тенденциями хозяйства и раздробленностью государств. Но так как Соединенные Штаты Америки являются государством, размеры которого позволяют развиваться производительным силам, то они здоровы. Европа, объединившись в Соединенные Штаты Европы, могла бы еще излечиться от своего недуга.

Грянул гром мирового кризиса, и грянул он именно в САСШ. Жрецы «просперити» заявили, что это только кризис спекуляции. Ренегаты американского коммунизма—Левстоны и компания, повторяя азы за своими учителями с Уолл-стрита, заявляли, что это целительный кризис, который оздоровит капитализм Соединенных Штатов. Господин Гувер обещал в каждой очередной речи, что кризис скоро-скоро минует. Но проходили месяц за месяцем, за весной лето, за летом осень, год за годом, а кризис углублялся не только во всех презренных странах, над которыми не реет звездное знамя САСШ, но и в самом отечестве «просперити».

Отказ Соединенных Штатов от золотого стандарта является рубежом не потому, что мы думаем, что Соединенные Штаты уже никогда не смогут вернуться к золотой валюте. Этого доказать нельзя: если буржуазия не будет во время этого кризиса сброшена пролетарской революцией, то капитализм, хотя бы на суженной базе временно сможет еще преодолеть кризис. И самые богатые страны, к которым в первую очередь принадлежат САСШ, имеют наибольшие шансы для этого. Падение золотого доллара является рубежом, ибо *оно символизирует те громадные сдвиги, которые вызвал кризис в Соединенных Штатах*. Крах американской денежной системы выражает в сжатой форме тот факт, что Соединенные Штаты Америки стали капиталистической страной, *страдающей всеми теми же болезнями*, что и *все другие капиталистические страны*. Доллар, оторванный от своей матери—золота и брошенный в мир, как сирота, чтобы пробивать себе путь, как сумеет,—доллар не стал еще беспризорником, но ему предстоит тяжелая борьба за существование. И за этими его судьбами видна тяжелая участь народных масс Америки.

Миллионы фермеров переживают тягчайший кризис. Они не знают, что несет им завтрашний день. Дело идет не только о падении цен и не только о грандиозной задолженности фермерства, дело идет о том, что современная техника создала средства индустриализации сельского хозяйства, а мелкофермерская собственность несовместима с новыми производительными силами, созданными капитализмом. Это признают все мыслящие знатоки американского сельского хозяйства, и совсем недавно американский политик, посетивший Советский Союз, наслушавшись от своих соотечественников о затруднениях, которые встречала на своем пути наша коллективизация, сказал мне: «Ваши затруднения по сравнению с нашими—ничто. Вы вышли на большую историческую дорогу. Вы знаете, чего хотите и что будете делать, а мы этого не знаем».

Миллионы *рабочих в САСШ*, которые до этого времени свято верили в незыблемость капиталистического строя, свято верили в то,

что всякий рабочий может найти труд и заработную плату, позволяющую ему жить по-человечески, стоят теперь перед фактом грандиознейшей безработицы. Их хозяева не только не в состоянии сказать, как они намерены выйти из кризиса, или когда он кончится, но они говорят рабочим, что даже если кризис кончится, то останутся многие миллионы безработных, ибо этот кризис приведет к громадной концентрации производства, к дальнейшей рационализации, которая сделает лишними многие миллионы пролетариев.

Общественный кризис, переживаемый теперь Америкой, имеет уже тяжелейшие *внешние последствия*. Он парализовал способность САСШ дать отпор японскому империализму, он демонстрирует беспомощность государства, которое вчера на глазах всего мира было окончательным судьей во всех вопросах.

Буржуазные партии, которые руководили Соединенными Штатами с момента их возникновения, обанкротились. Это уже полностью признано, поскольку дело идет о республиканской партии. Что касается демократов, то это станет ясным очень скоро. Лихорадочная деятельность, которую развивает г. Рузвельт, представляет собою скорее метания под влиянием толчков, получаемых извне, чем проведение какой бы то ни было продуманной до конца программы. А самое характерное в этом метании то, что демократический спаситель американского капитализма начинает с требования *диктаторских полномочий*, т. е. выключает машину демократии, заменяя ее бюрократической диктатурой, за которой скрывается часть кругов финансового капитала САСШ. «Мозговой трест»—профессорская группа, стоящая за Рузвельтом,—убежден, что он управляет событиями. На деле же события управляют им, и очень скоро может притти момент, когда этот «мозговой трест» поймет, а с ним поймет и американское общественное мнение, что он представляет собой только игрушку волн.

11 декабря 1918 г. демократ, полковник Гаус, телеграфировал Вильсону: «Автократия мертва. Да здравствует демократия и ее бессмертный вождь!» Демократия, получив эту телеграмму, очень скоро обанкротилась и прожила в состоянии прострации в продолжение более чем 12 лет. Полковник Гаус является и теперь советником нового демократического президента, пришедшего к власти в момент новой исторической бури. Но полковник Гаус пишет теперь статьи в защиту диктаторского метода разрешения вопросов кризиса. 20 лет назад он написал анонимный роман «Администратор Гру», в котором рассказывал, как поднялись народные массы против господства трестов и как возглавил их гениальный Гру. Он вылечил диктаторскими методами капитализм и восстановил позже демократию.

В романе это звучит очень благородно, но в действительности демократия не зонтик, который можно раскрыть во время дождя и после закрыть. Старик *Гегель*, размышляя о причинах якобинского террора, сказал, что, видно, демократия совместима только с известной степенью материальных противоречий, когда же эта степень превзойдена, демократия должна исчезнуть. Классовые противоречия, которые знал прусский регирунгсрат, продумывающий законы движения мира, были похожи на теперешние классовые противоречия, как буря в стакане воды похожа на бурю, от которой погиб «Акрон». Но в том-то и гений Гегеля, что он умел видеть в маленьких зачатках развитие грандиоз-

ных противоречий. Сегодня не надо быть Гегелем, чтобы увидеть, что *глубокий кризис монополистического капитализма захватил САСШ, и чем американский монополистический капитал сильнее, чем он выше по сравнению с монополистическим капитализмом европейских держав, тем острее будут разрывающие его противоречия. Кризис капитализма охватил весь мир. Вот великое значение тех потрясений, которые переживают САСШ.*

* * *

Только понимая это *расширение области* кризиса капитализма, только понимая, что он охватил *весь мир*, только понимая, насколько он *углубился*, можно понять те процессы, которые происходят в *Германии*. Если САСШ были самым сильным звеном капиталистического мира, то Германия была самым слабым его звеном, поскольку дело идет не об аграрных, а о крупнокапиталистических странах.

После мировой войны громадный механизм германского монополистического капитализма был лишен необходимого для его развития основного капитала. Страна, кормившая экспортом индустриальных изделий треть своего населения, выбита с мировых рынков, не будучи в состоянии противопоставить на них американскому и английскому вывозу капитала свой. Громадная страна монополистического капитализма, которая сохранила громадное туловище—тресты и картели, организованные лучше, чем во всех странах мира, потеряла руки для борьбы, т. е. армию и флот. Страна, где по крайней мере 85% населения живет на уровне пролетариата, поставила себе задачей восстановить капитализм. И эту задачу она пытается осуществить в период общего кризиса капитализма, в период, когда не только во всем мире поднимаются валы революции, но когда в самой Германии 5 млн. взрослых мужчин и женщин встали под знамя коммунизма. Мировой кризис не мог не потрясти этой страны больше, чем какой-нибудь другой. Она потеряла все капиталистические перспективы.

Одалживая за границей деньги, взваливая на себя громадное бремя долгов, Германия обновила свой производственный аппарат. Теперь этот аппарат работает с нагрузкой в треть своей производственной мощности. Стоят фабричные корпуса, чудо техники, и неизвестно, когда они оживут. Если даже кризис минует, разве будет достаточно места для развития германской промышленности, разве не вытеснят ее страны, которые сумеют предоставить покупателям займы? Можно ли полагаться на промышленность, на экспорт, стоит ли приносить громадные жертвы ради уплаты коммерческих долгов для того, чтобы сохранить кредит? К чему этот кредит? Мелкая буржуазия в продолжение десятилетий видела в развитии промышленности спасение. Хотя это развитие уничтожило преобладание в хозяйстве мелкой буржуазии, но ремесленники, мелкие купцы, бюргер все-таки могли прицепить к ее громадному кораблю свою маленькую ладью и как-нибудь просуществовать. А если им и неважно жилось, то дети устраивались в промышленности в качестве мастеров, техников. На основе промышленного развития Германии возникло ее мировое могущество. Германский флот грозно поднимал свой флаг на морях, германская армия была самой сильной в мире, и слова кайзера: «Я поведу вас навстречу

блестящим временам» не казались болтовней хвастунишки, а вернейшим векселем крупнейшей коммерческой фирмы. Когда эти надежды рухнули—первый раз во время войны, когда они рухнули во второй раз с крахом стабилизации, нельзя было уже не задать себе вопроса, не были ли они вообще миражем. Вот почва для *идеи об автаркии*, о государстве, которое решает свои дела, устраивает свое хозяйство, не оглядываясь на других, ничего от них не ожидая. Когда читаешь «Миф XX столетия» *Розенберга* с его проклятиями «нечестному мировому хозяйству», с его разоблачением капитализма, как «ассирийской» выдумки, с его идеалом Германии, в которой всякий человек имеет свой кусок земли, то, понятно, первое впечатление такое, как будто слушаешь экономическую дискуссию в сумасшедшем доме. Но в этом сумасшествии есть система. Оно социально определяется безысходным положением широчайших кругов германской мелкой буржуазии, которая потеряла доверие к крупнобуржуазному руководству и его старым путям.

Когда следишь за взрывами звериного антисемитизма, позорящего страну Лессинга, Гёте, Канта и Шиллера, то надо за ними видеть борьбу за кусок хлеба сотен тысяч германских адвокатов, врачей, журналистов, инженеров, которые кончили высшую школу, а сейчас не могут выработать столько, сколько зарабатывает промышленный рабочий. Они готовы перегрызть горло всякому конкуренту. Как им не подкрепить своего права на кусок хлеба ненавистью и презрением к «инородцам», людям другой религии.

Когда читаем, что в центре Германии организуются концентрационные лагери, куда после зверских истязаний запирают десятки тысяч революционных рабочих, то перед нами встает картина буржуа и помещика, у которых *трясутся колени*. Они помнят, что этот пролетариат когда-то уже поднялся и схватил рукой за горло имущие классы. Пролетариат руку, поднятую против буржуазии, опустил, поверив социал-демократии, что на почве демократии можно шаг за шагом реформировать капитализм, пока количество не перейдет в качество и контролируемый демократией капитализм не станет социализмом. Что эти массы не могут дальше лелеять надежду на пути демократии и на пути реформ—ясно самому тупому буржуа. Реформы стали невозможны, их поглотил кризис капитализма, а если невозможны реформы, то и невозможна демократия, ибо она дает рабочим базу, на которой они могут организоваться для борьбы с капитализмом. Разоренный мелкий буржуа мечтает о розе без шипов, о капитализме без разорения, без нужды, но от капитализма отказаться он не хочет. Он хочет сладкого капитализма. Он прислушивается к рассказам национал-социалистов о *третьей империи*, где не устранена частная собственность, отдельный «свой» горшок всякого мелкого буржуа, но где фашистская диктатура гарантирует, что волк мирно будет пить воду совместно с овечкой, а потому—долой рабочий класс, который мечтает о своей власти, о своей диктатуре, о социализме. Остерегайся льва, который может почувствовать свою силу! Долой демократию, которая позволяет организоваться рабочему! Да здравствует фашистская плеть и наручники! Крупный буржуа из страха перед пролетариатом приветствует коричневорубашечников, которые должны его оградить массовым барьером от пролетарской революции. Пусть они

помечтают при этом о реформе капитализма, о своем господстве, когда на деле защищают господство буржуазии!

Но разве социал-демократия не хотела реформировать капитализм, разве она на знамени своем не написала его реформы.

Да, она писала все эти лозунги, но после совместно с буржуазией проводила политику в интересах крупного капитала, облагала тяжелыми налогами мелкобуржуазную массу. Вожди социал-демократии стали «бонзами». Каждый из них хорошо устроился. Другое дело—фашисты. Они еще не были у дела. Мелкий буржуа снова сияет, когда слушает их разговоры о равенстве товарищей по окопам. Они обещают царство справедливости. Надо попробовать, не выведут ли они из тяжелого положения.

Но ведь коммунисты тоже были в окопах, они—часть народной массы и ведут ее на бой. Почему им не довериться? Но мелкий буржуа не верит, что рабочий класс может управлять сам собою. Мелкий буржуа боится, что революция до конца разрушит хозяйство. Ведь победить капитализм в Германии труднее, он организован лучше, чем в царской России. Он создал себе наемную армию. Германия окружена врагами, ей придется воевать. Как воевать без офицерства? Она втиснута между Везером и Одером. Ей не оставят времени. Вырваться из клещей врага можно только решительными ударами, которые может подготовить только офицерство, а вырваться надо. Нельзя дальше терпеть, чтобы Германия оставалась безоружной, когда все кругом вооружаются. Нельзя терпеть, чтоб она не имела воздушного флота, когда другие народы имеют бомбардировщики, способные долететь до Берлина в час и испепелить его... И мелкий буржуа, представляющий в Германии еще громадный человеческий массив, не верящий в социализм, желающий сохранить «исправленный» капитализм, не веря в силу рабочего класса, разделенного предательской политикой социал-демократии, мелкий буржуа, потерявший веру в капиталистов, но не в капитализм, полный презрения к грязным делишкам политиканов, набивающих в продолжение тринадцати лет карманы во имя демократии, поднялся под фашистским знаменем, чтобы навести «порядок».

* * *

Три месяца германский фашизм у власти. «Национальная революция» победила,—кричит буржуазная пресса. «Не национальная революция, а национал-*социалистическая*»,—отвечает Геринг на собрании фашистских фабзавкомов, заигрывая с рабочими и лумпенпролетарскими низами фашистской партии. Хороша революция, от которой фабриканты ожидают понижения заработной платы, устранения социального страхования и уничтожения профсоюзов! Хороша революция, которая, по мнению помещиков, должна согнуть в бараний рог батраков! *Фашизм есть диктатура монополистического капитала, сумевшего себе вернуть временно поддержку всей мелкой буржуазии*, которая не разглядела за фашистским флагом старых хозяев. Хороша революция великого германского народа, которая сжигает все прогрессивные произведения германской литературы, оставляя в качестве философии германского народа абракадабру Розенбергов.

«Горе народам, что преследуют своих пророков»,—писал когда-то

великий польский поэт *Мицкевич*. Не может победить народ, который сжигает свои библиотеки. Если вдуматься в историю германского разгрома в империалистической войне, то идейным источником отсутствия всякой реальной ориентировки в мировой обстановке был отказ германской буржуазии от Гегеля в пользу Канта. Немецкая стратегическая мысль объясняет поражение на Марне переброской двух армейских корпусов с Западного фронта в Пруссию, вопреки плану Шлиффена. Но сам план Шлиффена, исходящий из того, что главный враг—Франция, и стремящийся к ее разгрому, был создан в период, когда Англия не была еще врагом Германии, и поэтому даже если бы план Шлиффена был точно проведен, Германия все равно была бы разбита. Германская буржуазия, отвернувшись от диалектической философии, являющейся нитью Ариадны в сложном лабиринте событий, лишилась возможности ориентироваться в мировых событиях и не могла победить, ибо ставила себе нереальные цели. Но если нельзя было победить с кантовской «Критикой чистого разума» в кармане, то как можно победить с идейным вздором Розенбергов, как путеводной нитью? Германский фашизм может «уничтожать» рабочий класс и коммунистическую партию, сколько хочет,—отсеченная голова «гидры революции» будет постоянно отрастать—но он обращен лицом к тылу истории. Он привязывает лошадь за хвост. *И поэтому он не только не может победить, но он ускоряет гибель германской буржуазии.*

Фашистская диктатура, это—железные обручи, которыми германская буржуазия пытается связать треснувший боченок германского капитализма. Фашистские обручи могут сохранить этот боченок до тех пор, пока он стоит неподвижно и его не взорвут нагроможденные внутри противоречия. *Но исторический смысл германского фашизма, это—заковывание в кандалы рабочего класса, главной производительной силы Германии, для того, чтобы погнать рабочую массу на поля сражения за новый передел мира.*

Великий организатор германской армии в войне с Наполеоном *Шарнгорст* писал, что германский народ не может подняться на спине крепостного крестьянина. И это было верно. Тем более верно, что германский народ не может подняться на спине закованного в кандалы германского рабочего класса. Когда этот класс объединится,—а фашистская диктатура неминуемо спрессует его в одно целое,—никто не сможет его победить. К нему примкнут мелкобуржуазные массы, которым фашизм принесет только разочарование. Германский народ победит свою буржуазию и без войны. Но если германский фашизм, гонимый внутренними противоречиями, в своих попытках уклониться от исполнения данных им неосуществимых обещаний будет искать спасения на полях сражения, он только ускорит свою гибель.

Всякий, в ком бесчинства немецкого фашизма не могут уничтожить глубокой симпатии к завоеваниям германской культуры, к заслугам германского рабочего класса, всякий, кто умеет отличать варварство сбесившегося мелкого буржуа от того великого вклада в культуру человечества, который внесла и внесет еще Германия, не может освободиться от чувства тревоги за будущее германского народа. Ему придется пройти через величайшие испытания. Но то, что переживает теперь Германия, *не является доказательством силы герман-*

ской контрреволюции и силы германского капитализма, оно является доказательством его прогрессирующей слабости. Если кризис капитализма вызвал в Америке глубокий социальный кризис, то в Германии, где капитализм потрясен во сто крат сильнее, он должен был вызвать *судороги фашистской реакции.* Насколько слабой она сама себя чувствует, лучше всего показывает тот факт, что ей пришлось украсть у революционного пролетариата красное знамя и майский праздник. Собираясь «уничтожить марксизм», она из страха перед пролетариатом должна пытаться мистифицировать его его собственными силами. Но это ей не поможет.

Национал-социалисты чествуют Фридриха Великого как своего героя. Фридрих Великий вел семилетнюю войну, держа яд в кармане. Он ее выиграл, использовав противоречия между Англией и Францией, которые находились почти на равном уровне развития. Германские фашисты хотят выиграть на противоречиях между умирающим капиталистическим миром и рождающимся социализмом, ставя ставку на капитализм. В отличие от Фридриха Великого им придется воспользоваться ядом.

«Известия» от 1 мая 1933 г.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА и СССР

АНТИСОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ

Германский фашизм возник под знаменем борьбы не только против германского рабочего класса, но и под знаменем борьбы против Советского Союза—этой твердыни мировой социалистической революции. Придя к власти, германский фашизм выступил с принципиальными заявлениями о своей политике—политике войны с мировым большевизмом (предвыборная речь Гитлера), и одновременно с маневренным заявлением (первая речь Гитлера в Рейхстаге) о продолжении раппальской политики. Принципиальные заявления имели целью указать фашистским кадрам, что внешнеполитическая перспектива остается неизменной. Дипломатические декларации стремились к выигрышу времени и одновременно являлись уступкой промышленным кругам, не желающим терять советских заказов в тяжелое кризисное время. Продление Берлинского соглашения 1926 г. служило тем же целям. Но ухудшение англо-советских отношений, английское эмбарго на советский экспорт заставило скорее, чем это предполагали руководящие круги германского фашизма, попытаться *прощупать* почву, не пойдут ли английские твердолобые на сделку против Советского Союза. Неофициальная поездка Розенберга, вдохновителя внешней политики германского фашизма, так же как и меморандум Гугенберга, врученный Международной экономической конференции, имели своею целью прощупать в этом отношении международную империалистическую и в первую очередь английскую почву.

Германский фашизм будет и в дальнейшем пытаться объединить политику подготовки антисоветской коалиции с попытками убедить советское общественное мнение, что антисоветские выступления—это *частные* выступления, не являющиеся выражением общей принципиальной линии внешней политики Германии. Тем более необходимо проследить развитие германской послевоенной политики, понять стратегию германского фашизма и выяснить корни его антисоветской ориентации.

* * *

Германская буржуазия рассматривала крушение германского империализма после первого момента испуга, вызванного ноябрьской революцией, не как начало эпохи упадка капитализма вообще, а как *преходящее изменение соотношения сил на мировой арене*, вызванное «предательством рабочих масс», вонзивших кинжал в спину герман-

ской армии. Поэтому с первого момента крушения германского империализма германская буржуазия не считала поражение свое окончательным. Она надеялась на скорый распад Антанты и крах Польши, которую она рассматривала как «сезонное» государство. Ликвидация Польши должна была лишить Францию союзника и открыть путь к ликвидации французской гегемонии в Европе. Лелея эту перспективу, германская буржуазия выполняла требования победителей и выполняла основную свою задачу—ликвидацию позиций, завоеванных в ноябре 1918 г. рабочим классом.

Вплоть до 1933 г. политика германской буржуазии была направлена против попыток крайнего крыла французского империализма расширить путем захвата *рейнских провинций* Версальский договор (от этого Франция под нажимом Англии и Америки отказалась в Версале, получив взамен от них обещание гарантии по Версальскому договору).

Германская буржуазия, с одной стороны, беспрекословно выполняла все требования победителей, а с другой—пыталась опереться на Англию (период исключительного влияния английского посла *Д'Абернона* на германскую политику). Но уже в этот период намечаются тенденции к непосредственному сговору с Францией, нашедшие свое выражение в переговорах Ратенау с Де-Либерзаком. Протесты националистов против политики сделки с Францией (борьба Стиннеса с Ратенау и убийство последнего) и преувеличенные надежды на помощь Англии приводят к конфликту с Францией, который кончается занятием *Рурской области* французами и немецким пассивным сопротивлением в Рурском бассейне, приведшим к окончательному *краху марки*.

Рурское поражение Германии открывает период новых *попыток заключить сделку между Германией и Францией*. На этот раз сделка эта находится под *регулирующим влиянием Англии* и пользуется известной поддержкой правительства Соединенных штатов.

Американский и английский капитал совместно с голландским и швейцарским финансирует уплату репараций (план Дауэса и Юнга), и между Францией и Англией заключается *Локарнский договор*, при помощи которого германская буржуазия добивается известного разряжения в отношениях с Францией. Она платит за это *добровольным признанием перехода Эльзас-Лотарингии к Франции* и согласием на военную поддержку Франции Англией на случай германской попытки опрокинуть Локарнский договор.

В то же время Германия *не отказывается* от своих ревизионистских тенденций. Отказ от восточного Локарно, т. е. *отказ добровольно признать польско-германские границы* подобно признанию французской границы, установленной в Версале Локарнским договором, свидетельствует об этих тенденциях. Письмо Штреземана к кронпринцу, напечатанное во II томе материалов к биографии Штреземана, с полной ясностью показывает, что Германия надеялась путем сближения с Францией создать обстановку для ревизии польских границ.

За весь этот десятилетний период в перспективах немецкой внешней политики *Советский Союз играет не последнюю роль*. В конце 1918 и в начале 1919 гг. Германия пытается включиться в антисоветский фронт (выступления Эрцбергера в переговорах с генералом Вейганом в Компьене, попытка захватить Прибалтику как мост к СССР, отказ от возобновления дипломатических отношений с РСФСР). Однако

разгром интервенции показывает германскому империализму силу Советской России и вызывает желание завязать с ней отношения для давления на союзников.

После восстановления этих отношений начинается борьба между элементами, пытающимися во что бы то ни стало договориться с Францией (Ратенау, Эберт), и элементами, пытающимися использовать «русский козырь». Победа последних и подписание Раппальского договора были вызваны боязнью Германии, что в случае заключения советско-антантовского соглашения, по которому за нами будет признано право получить репарации за счет Германии, как это предлагала Антанта, Антанте удастся использовать советскую потребность в кредитах для создания сильных позиций в СССР, направленных против Германии.

Раппальский договор, создавая в империалистическом мире убеждение в наличии тайного военного германо-советского договора, усилил позиции Германии и облегчил одновременно советско-германское сближение.

Заключая договор в Локарно, Германия формально компенсирует его Берлинским соглашением (1926 г.), которое должно сохранить равновесие между восточной и западной германской ориентацией.

Восточная ориентация, центром которой является рейхсвер и националистические круги, получает поддержку со стороны части промышленников, в первую очередь металлургической промышленности, работающей на экспорт. Западная тенденция, опирающаяся на либеральные круги, находит поддержку в химической и калийной промышленности, связанной с французским капиталом. Линия раздела в общем идет через все слои, *четкого размежевания нет*. Так называемая восточная ориентация стремится отчасти к союзу с СССР против Польши и Франции, отчасти к временному использованию отношений с СССР для того, чтобы дороже продаться Западу. Но не подлежит никакому сомнению, что и представители восточной ориентации были также убеждены в неизбежности будущей борьбы с первой республикой труда—СССР.

Экономический кризис, ударивший весьма больно по Германии, и обострившиеся империалистические противоречия ускорили рост ревизионистских тенденций. Первым их выражением явился предварительный договор о *таможенной унии с Австрией*, от которого Германии пришлось отказаться под влиянием банковского краха. Одновременно выступления националистского министра Тревирануса ставят вопрос о ревизии *польско-германских границ*. Приближение конференции по разоружению заставляет поставить вопрос о *равноправии в вооружениях*. Невозможность уплаты *репараций* выдвигает вопрос об их ликвидации. Правительство Брюнинга, развертывая кампанию за ревизию Версальского договора, делает это и по внутриполитическим соображениям, чтобы выбить оружие из национал-социалистских рук. Но оно ставит все вопросы *гибко, не отрезая себе всех путей для отступления*. Эта политика, понятно, не в состоянии ослабить роста национал-социализма, а наоборот, она стимулирует настроение националистских настроений в народных массах.

Таким образом, подводя итоги внешней политике Германии до прихода к власти Гитлера, надо сказать, что *германская буржуазия в этот период не нащупала того противоречия, на основе кото-*

рого она могла бы вести агрессивную политику в борьбе за восстановление своего мирового положения.

Попытка использования франко-английского противоречия приводила всегда к тому, что *или Франция саботировала сближение Германии с Англией или, наоборот,* действительному сближению Германии с Францией мешал всегда тот факт, что Франция была готова к серьезному сближению только при условии подчинения Германии французской гегемонии (так ставил вопрос Бриан своим предложением пан-европейского пакта). Наоборот, Германия искала в сближении с Францией средство к освобождению от пут Версаля, средство к уравнению с Францией.

Отсутствие серьезного сближения в области политики не допускало и серьезного экономического сближения. Французский капитал избегал серьезных капитальных вложений в Германии, как и более серьезного кредитования ее. Он довольствовался временными соглашениями картелей насчет раздела мирового рынка, цен и т. д.

Постоянно повторяющаяся и *являющаяся самой основной струей германской послевоенной политики* попытка германской дипломатии двигаться в фарватере Англии разбивалась о нежелание английского капитализма итти на серьезное обострение отношений с Францией.

Серьезному сближению с СССР мешали классовые противоречия. *Веймарская Германия оказалась неспособной не только решить вопрос о ревизии Версальского договора, но даже нащупать пути этой ревизии.* Это явилось одной из причин ее крушения.

* * *

Политика ставших у власти национал-социалистов имеет глубокие корни в том состоянии, в котором находится *германское хозяйство вообще,* средние слои германской буржуазии и мелкая буржуазия в особенности. Основной факт—это прогрессирующее падение германской внешней торговли под влиянием кризиса. Немецкая внешняя торговля до сего времени давала работу 1/3 германского промышленного пролетариата. Мировой кризис и вызванные им в других странах мероприятия в области таможенной, валютной и кредитной политики создали угрозу для германской экспортной промышленности в размерах, которые Фердинанд *Фрид* в своей книге «Автаркия» (1932 г.) высчитывает в следующих процентах к вывозу 1931 г. Новые протекционистские пошлины и отказ от золотой валюты в Англии угрожают уменьшению германского вывоза на 12 проц.; в скандинавских странах и Финляндии—на 11 проц. Новые пошлины и контингентирование ввоза в Голландию—10 проц. Контингентирование во Франции—9 проц., Швейцарии—6 проц., Италии—3,5 проц., прибалтийских странах—1 проц. Запрет вывоза—девиз в странах юго-востока Европы—7 проц., Южной Америки—4 проц. В общей сложности «*две трети немецкого вывоза находятся под ударом благодаря переходу от мировой торговой политики к мировой торговой войне*».

Значительная часть не только мелкой буржуазии, но и буржуазных кругов Германии не считает такое состояние переходным. Она видит в нем начало распада международных экономических связей, *переход крупных капиталистических держав* к политике автаркий больших

империй. Эту тенденцию усиливает распад мирового кредита. Германия должна уплачивать по крайней мере 100 млн. марок в месяц как проценты по частным долгам, что становится с каждым месяцем труднее. Поэтому среди германской буржуазии растут тенденции к созданию условий для германской автаркии. Крупнобуржуазные круги, как Гугенберг, опираясь на эти автаркические тенденции и угрожая ими, пытаются добиться серьезного понижения процентов по частным долгам. Не стремясь к утопии полной автаркии, они безусловно считают необходимой борьбу за завоевание условий для максимальной независимости Германии в области хозяйства. Мелкая буржуазия видит в международных экономических связях только источник страданий: для того, чтобы при помощи демпинга выручить за границей валюту для уплаты долгов, тресты в Германии повышают цены на все товары. От этого страдает средняя промышленность, покупающая железо и уголь. Так создаются стремление к высвобождению Германии из-под зависимости от международного рынка и убеждение, что нечего с ним считаться, ибо при *прогрессирующем уменьшении германского экспорта терять нечего.*

В чем заключается стратегический план *национал-социалистов*? Совершенно очевидно, что не в борьбе за восстановление довоенных границ, которые по Гитлеру, являются недостаточными и были одной из причин мировой войны. Под прикрытием расовой теории Гитлер *восстанавливает всю восточную программу германского империализма, как она выкристаллизовалась в ходе войны.* Эта программа была построена с учетом поражения на Западном фронте. Как теперь стало известным из многочисленных документов, руководящие элементы германского империализма вскоре после поражения на Марне пришли к убеждению, что Германии железной стены на Западе не проломить. Поэтому, выдвигая в дальнейшем аннексионистские программы, касающиеся Запада, они на деле концентрировали силы для проведения плана захватов на Востоке. Этот план возник только *во время* войны. Объявив войну, германский империализм хотел нанести решающее военное поражение царизму, но с тем, чтобы позднее с ним договориться. У германского империализма не было первоначально намерения оторвать хотя бы *Польшу* от царской империи. Доказательством этому служит факт, что и командование и правительство являлись противниками создания независимой Польши, ибо боялись, что отторжение от России Царства Польского поставит на очередь дня вопрос о судьбах Познани и Галиции.

Безысходность положения на Западе выкристаллизовала план экспансии на Восток. Она должна была итти в юго-восточном направлении (линия Гамбург—Багдад). Экспансия эта не могла состоять в простом захвате. Между Турцией и Германией лежали Австро-Венгрия, Болгария, на фланге находилась Сербия, и дело шло об объединении этих стран с Германией *таможенной* и *железнодорожной* унией, которая облегчила бы работу германского финансового капитала. Вторая линия шла на *отторжение от России Прибалтики, Польши, Украины и, если события позволят, Кавказа.* Эти части царской России должны были быть или непосредственно присоединены к Германии, как Прибалтика, или представлять собой сеть формально независимых, а на деле вассальных государств, подчиненных герман-

скому финансовому капиталу. Поэтому германский генеральный штаб поддерживал во время войны самые близкие отношения с сепаратистскими кругами Украины и Грузии. *Именно эту программу восстанавливает* немецкий национал-социализм.

В этом направлении увязки между восточной программой германского империализма во время войны и теперешней программой национал-социалистов действовало и влияние Людендорфа, кооперировавшего с Гитлером в период 1921—1923 гг., и влияние балтийских эмигрантов (*Розенберг* перехватил только старую программу очень влиятельных во время войны кругов *Рорбаха*).

Программа национал-социалистов, удар которой направлен территориально в первую очередь против ближайшего соседа Германии—Польши, преследует цель через территорию последней направить удар против Советского Союза. Но Польша не представляет ни с точки зрения своих размеров, ни с точки зрения своих материальных ресурсов окончательной цели внешнеполитической экспансии германского фашизма. Мало того, германский фашизм не может надеяться на победу над германским рабочим классом, пока существует Советский Союз. Против Польши ему трудно найти союзников в капиталистическом мире. Даже политика, направленная на окружение Польши, на подчинение ее германскому империализму, не может достигнуть своих целей без того, чтобы Германия не представляла своей борьбы против Польши как необходимого этапа в борьбе против мирового большевизма. В скольких этапах и какими темпами германский империализм будет пытаться достигнуть своей цели, трудно предвидеть. Какие дипломатические варианты он выдвинет в своей борьбе,—это будет зависеть в значительной мере от исторической обстановки. Не вдаваясь в гадание насчет темпов и методов развертывания политики германского фашизма, надо не терять из виду того факта, что национал-социалистическое ядро состоит из людей, «мировоззрение» которых формировалось в продолжение десятка лет и имеет идейные истоки, уходящие в сорокалетнюю историю «пангерманского союза». Германские фашисты могут маневрировать, приспособляться, но нельзя недооценивать факта, *что мы имеем дело с исторически сложившейся программой, которая отвечает настроениям значительных кругов средней и мелкой буржуазии.*

Чем более национал-социалисты будут осознавать, что им трудно удовлетворить своей экономической политикой потребности широких мелкобуржуазных масс, тем более они будут искать выхода на путях авантюры против Советского союза.

С точки зрения соотношения вооруженных сил политика германского фашизма может казаться чистой *авантюрой*, не соответствующей ни сравнительной военной слабости Германии, ни силе ее возможных противников. В своей авантюрной политике германский фашизм придерживается того положения, что сила—понятие относительное. Если в Польше наступит экономический крах раньше, чем в Германии, если он вызовет революционное движение пролетариата, если украинско-белорусское крестьянское население Польши придет в движение раньше, чем германский пролетариат, если жажда мира крестьянских масс во Франции примет острые формы и затруднит французскому империализму выполнение его союзных обязательств по отношению к Польше, то германский фашизм сможет выступить для реализации первого этапа своей политики с ору-

жием в руках с некоторыми шансами на успех. Само собой понятно, что он сделает перед тем все, чтобы в ускоренном темпе усилить состояние своих вооруженных сил, в первую очередь, чтобы довооружиться в области современной военной техники, которая приобрела особенное значение на основе опыта прошлой империалистической войны (авиация, тяжелая артиллерия и танки).

Германский фашизм в своей политике исходит из того убеждения, что он наконец *нащупал то историческое противоречие*, которое позволит германскому империализму выскочить из версальских цепей, освободиться от последствий разгрома 1918 г. не в борьбе с мировым империализмом, а в качестве участника новой империалистической войны за новый передел мира. Это противоречие—*антагонизм капиталистического мира с СССР*. Если бы возник общий антисоветский блок, то это, по убеждению германского фашизма, позволило бы национал-социалистам во всяком случае вступить в борьбу за осуществление их внешней программы. Другой вопрос, в какой мере согласились бы другие империалистические державы предоставить им свободу реализации их целей. *Создание общего антисоветского фронта неправдоподобно.* Даже перед лицом опасности социалистической революции вряд ли объединятся все капиталистические державы из-за острых противоречий между ними. Но если невероятно создание общекапиталистического блока против СССР, то возможно создание блока некоторых империалистических держав, направленного против Советского Союза. Такой блок пытаются национал-социалисты сколотить в форме *англо-германского союза.*

Имеются ли налицо *элементы создания такого блока?* На этот вопрос надо ответить *утвердительно. Главным нашим врагом в Европе являлся и во время интервенции и после нее английский империализм*, несмотря на то, что он раньше других отказался от интервенции. Французский империализм может в случае нападения германского фашизма на Советский союз не поддержать германского империализма, ибо победа германского фашизма угрожала бы не только существованию Польши, связанной с Францией союзом, но и позициям, завоеванным французским империализмом в мировой войне. Совершенно другое отношение *английского империализма к СССР.* Англия находится в постоянном страхе перед нашим влиянием на положение в колониях, и в наших отношениях с Англией мало таких элементов, которые могли бы парализовать влияние этого страха. Тяга к советскому рынку ослабляется стремлением ограничить советский ввоз в пользу доминионов. Поэтому попытка английских консерваторов ухудшить отношения с Советским Союзом закончились разрывом дипломатических отношений с СССР в 1926 г. Не может подлежать ни малейшему сомнению, что последним конфликтом с СССР крайние твердолобые хотели стимулировать обострение наших отношений с фашистской Германией, подбивая ее на конфликт с нами.

На данной стадии антисоветский маневр английских твердолобых потерпел крушение. 1 июля британское правительство вынуждено было отменить эмбарго и этим самым признать, что его попытки оказать империалистическое давление потерпели крах. Этот короткий, но острый отрезок англо-советских отношений остается позади, поскольку английское правительство сделало еще шаг, предложив возобновить прер-

ванные переговоры о новом торговом соглашении. Однако, хотя на данном этапе расчеты твердолобых провалились, Страна советов должна помнить, что твердолобые будут искать и использовать любые благоприятные возможности для усиления агрессивности всех антисоветских сил в сторону организации интервенции против СССР.

Эти расчеты английских твердолобых и расчеты германского фашизма безусловно были связаны с надеждой на то, что удастся толкнуть *японский империализм* на войну с Советским Союзом. Английский империализм играл в продолжение всего манчжурского конфликта роль пособника японского империализма. Он делал все, чтобы парализовать попытки американского империализма мобилизовать другие капиталистические державы против японской экспансии на азиатском материке. Английский империализм, вынужденный участвовать в решениях Лиги наций, направленных против Японии, делал все, чтобы выступления Лиги наций не выходили из рамок платонических протестов. Но японский империализм, не получая никаких займов для ведения борьбы в Манчжурии, ударил демпингом по английскому карману. Кроме того, не добившись формальной капитуляции Китая, японский империализм может попытаться не только захватить Пекин и Тянь-Цзин, т. е. места наибольшей заинтересованности Англии, но может искать победы над Китаем в Центральном Китае—средоточии главных интересов английского империализма. *Повернуть японский империализм на север против Советского союза*—это то самое средство, при помощи которого английские империалисты надеялись сразу убить много зайцев.

Поворот Японии против Советского Союза связал бы на много лет японские силы и оттянул бы их от экспансии на азиатском материке, как рассчитывают английские твердолобые, ослабил бы влияние успехов социалистического строительства на освободительное движение угнетенных народов. Он ослабил бы настолько Японию, что возможность войны между Японией и Соединенными штатами, а тем самым необходимость для английского империализма выбирать между японским и американским империализмом создали бы сложную политическую обстановку для английского капитализма.

Союз Англии с Японией во время войны против САСШ мог бы иметь последствием отпадение Канады и Австралии; война же Англии и САСШ против Японии означала бы потерю союзника против Соединенных штатов—основного империалистского врага Англии. Не последнее место занимает и то соображение, что ослабление Японии в борьбе против СССР усилило бы ее зависимость от Англии и помогло бы последней тесней связаться с Японией, чтобы целиком включить ее в фарватер своей борьбы против Америки. Третья цель, которую надеются твердолобые достигнуть натравливанием Японии на СССР, состоит в создании международной обстановки, которая позволила бы начать интервенцию против СССР с запада.

Германский фашизм требует от английских твердолобых удовлетворения ряда условий для нападения на СССР. В первую очередь он требует передачи ему той части Верхней Силезии, которая находится в польских руках, как и польского Поморья. Эти планы находят сочувствие в известных кругах твердолобых, но более реалистические элементы английского империализма понимают, *что польские господ-*

ствующие классы не могут согласиться добровольно на новый раздел Польши в угоду германским фашистам. Потеря Верхней Силезии с ее угольной, металлургической и химической промышленностью означает потерю самой важной технической базы польской армии. Потеря Поморья означает не только потерю морской связи с Францией, но *окружение Польши со стороны Запада и Севера.* Обещание компенсировать Польшу коридором, идущим через Литву, представляет просто пустышку. Это дало бы Польше выход к морю через национально враждебную территорию, но это не устранило бы стратегических щипцов германской армии, которые лишили бы Польшу возможности наступательных действий против Германии и таким образом уничтожили бы военное значение Польши как союзника Франции. Попытка компенсировать Польшу советской Украиной уже не может прельщать более трезвые элементы польской буржуазии не только потому, что эту Украину пришлось бы раньше завоевать, но и потому, что они знают великолепно план германского фашизма, состоящий в том, чтобы в случае захвата Украины Польшей выдвинуть идею «независимой» Украины, которая была бы *орудием в руках германского империализма.* Что Украина—цель вожделений немецкого империализма, ясно и для польской буржуазии. Предложение Украины вместо Поморья означает на деле обещание окружения Польши с севера и юго-востока, после чего сама Польша стала бы вассалом германского империализма.

Английский империализм понимает, что требование германских фашистов, *чтобы Англия помогла им получить Поморье и Верхнюю Силезию за участие в походе против СССР, означает на деле сначала войну Германии с Польшей и Францией при поддержке Германии Англией, а затем по ликвидации Польши—войну против СССР.* Но английские империалисты стремятся к войне с СССР в первую очередь для того, чтобы избежать на ближайший исторический период войны между империалистскими державами, которая неминуемо окончится победой пролетарской революции в Европе. Война же с СССР, по их мнению, открыла бы мировому капитализму новый громадный рынок с 160-миллионным населением, а также облегчила бы ликвидацию большевистской «смуты» во всем мире. *Недружелюбный прием Розенберга английской твердолобой печатью означал поэтому не отклонение антисоветских целей германских фашистов, а только отклонение твердолобыми предварительных условий немецких фашистов* за готовность к борьбе против СССР. План английских твердолобых рассчитан на то, чтобы, втянув в войну с СССР *сначала Японию, создать обстановку, которая должна показать другим империалистическим державам, что интервенция против СССР с запада такая легкая вещь и обещает такой успех, что есть смысл образовать единый империалистический фронт против СССР.* Наконец на данном этапе английский империализм в своей антисоветской политике преследовал и более *непосредственные* задачи *давления* на СССР в связи с эмбарго.

Тяжелая промышленность *Франции* исконно проявляет тенденцию к сделке с тяжелой промышленностью Германии. Можно было бы попытаться прельстить Германию предоставлением ей значительной сферы влияния в СССР за отказ от реваншистских целей на Западе

и от экспансии в бассейне Дуная и на Балканах. Тогда можно было бы добиться от французского империализма отказа от поддержки Польши, в случае если бы в этой обстановке Польша не удовлетворила германских требований. Но английские империалисты убеждены, что при подобном положении в Польше взяли бы верх антисоветские тенденции и она включилась бы в единый антисоветский фронт добровольно, пытаясь этим ослабить влияние Германии и угрожающую с ее стороны опасность. Что касается окончательного разделения сферы влияния в европейской части СССР, то она была бы разделена между *Германией, Англией и Францией* соответственно их финансовой, промышленной и военной мощи. Для оценки этих планов следует припомнить, что английский империализм был противником предоставления Польше Поморья и Верхней Силезии, а что касается восточных границ Польши, то он предлагал ей так называемую линию Керзона, совпадающую с линией Буга, т. е. *английский империализм стоял в Версале по отношению к Польше на точке зрения создания третьестепенного польского государства, незначительно превосходящего своими размерами Чехо-Словакию.* Надежда склонить Польшу дипломатическим путем к согласию на подобное положение беспочвенна, пока интервенция против СССР не началась, и поэтому английский империализм, отклоняя розенберговские притязания, обучал фашистов реализму: *никаких конфликтов с Польшей и Францией, центр тяжести развития на Дальнем Востоке, и если удастся там начать интервенцию, тогда создастся положение, при котором не переговорами, а фактами можно будет перекраивать карту Европы.*

* ■ *

Мы не будем здесь конкретно разбирать этот стратегический план английских твердолобых, который выдвигается ими вместо плана германских фашистов. Оба плана имеют *одну и ту же цель*—искание выхода из кризиса на путях войны против Советского Союза; *разница* же между ними только *в методах* развертывания. Если английские твердолобые и германский фашизм примутся за осуществление этого плана, они *поставят на карту существование капиталистической системы в Европе.* Открывая *новый тур* войн войной против первого отечества международного пролетариата, они неминуемо откроют новый *тур революций* в Европе и в Азии.

Германский фашизм разгромил только легальную организацию рабочего класса. Он не сломил его силы. Ликвидируя все завоевания пролетариата, убивая его демократические и реформистские иллюзии, германский фашизм, если он решится перейти от мечты об империалистической экспансии к попыткам ее осуществления, только развяжет силы гражданской войны. Что французский рабочий класс, который уже в 1919 г. не допустил использовать себя как пушечное мясо интервенции, теперь не возьмет на себя роли борца за уничтожение социализма в СССР, мы не сомневаемся. Попытка же подчинить миллионные массы польского крестьянства германскому фашизму, объединить их против СССР, также вряд ли будет иметь успех, не говоря уже о нашем старом боевом соратнике—польском пролетариате, в преданности которого отечеству трудящихся мы не сомневаемся. Как встретит

советский пролетариат и крестьянство всего СССР опасность интервенции, об этом господа интервенты должны знать из исторического опыта. Если бы удалось направить силы японского империализма на север, к областям Сибири, то это привело бы к ослаблению японского нажима на Китай и неминуемо вызвало бы в нем волну революционного движения, направленную не только против японского империализма.

Незачем здесь разбирать германо-французские противоречия, противоречия между итальянским и германским фашизмом, роль САСШ, чтобы указать, что дело пока что дальше планов не идет. Они являются только опасностью. *Но борьбе с этой опасностью должна служить наша внутренняя и внешняя политика, борьба мирового революционного пролетариата и крестьянства.*

Что касается нашей внутренней политики, то главные расчеты английских твердолобых и германских фашистов сосредоточены на наших затруднениях в области сельского хозяйства, на том, что мы еще окончательно не овладели техникой вновь построенных заводов. Посевная кампания весны 1933 г.—вот наш первый ответ на всякие интервенционистские планы. Организация успешной уборки хлеба, обеспечение хлебом города, деревни и Красной армии будет являться вторым нашим ответом. Удесятерение усилий на преодоление всех технических затруднений будет третьим ответом. Чистка партии не только от всех разложившихся элементов, но и от всех, кто не готов бороться с величайшей энергией за проведение линии партии, бороться под руководством нашего ленинского Центрального комитета во главе с вождем международного пролетариата т. *Сталиным*, еще более укрепит партию, сделает партию нашу непобедимой фалангой.

Мирная политика Советского Союза, проводимая под руководством т. Сталина, направлена *к сотням миллионов* пролетариев, полупролетариев и крестьян всего мира. Через несколько недель мир будет «праздновать» 19-ю годовщину мировой войны. Мирная политика нашей партии показала народным массам всего мира, *что СССР—единственная страна, которая ищет не отсрочки войны для усиления своего вооружения, а является страной, не нуждающейся в войне. Крупной победой ознаменовалась мирная политика СССР фактом заключения в Лондоне конвенции 8 держав и конвенцией между СССР и странами Малой Антанты.*

Мировой капитализм ищет выхода из кризиса на путях войны. Все его мирные конференции—только ширма, за которой он готовится к войне, ибо невозможно распутать проклятых противоречий капиталистического строя, невозможно избежать все растущего противоречия между производительными силами и производственными отношениями. СССР построил фундамент социализма, *СССР может достроить все здание социализма*, может в течение нескольких лет обеспечить новый невиданный мощный подъем *благосостояния народных масс*, ибо диктатура пролетариата может неслыханно быстро развивать свои производительные силы, создавать огромные потоки материальных богатств, ибо при диктатуре пролетариата рабочий класс может повести за собой крестьянство, вывести его на великую историческую дорогу, дать ему средства для завершения индустриальной революции в деревне и помочь освободиться от ярма карликовой, мелкой собственности и стать членом социалистического общества. *Победа социализма*

в СССР имеет *международное* значение, ибо она доказывает преимущества социалистического строя перед капиталистическим. Доказательство этого преимущества имеет громадное международное *революционизирующее значение.* Капитализм держится еще сегодня только на штыках. Мировая буржуазия, империалисты, фашисты знают не только, что СССР *хочет*, но и что СССР может победить мировой капитализм без войны, строя у себя социализм и этим примером поднимая на революцию народные массы во всем мире. *То, что сегодня знаем мы и знают передовики рабочего класса, знают, но пытаются скрыть заправилы мировой буржуазии, то должно стать известным народным массам всего мира.* Этой цели служило предложение советского правительства на конференции по разоружению, требующее *общего разоружения.* Оно не было маневром, рассчитанным на то, чтобы его отклонили империалисты. Советский Союз сделал это предложение серьезно, и он был бы только рад, если бы оно было принято, ибо нам для победы не нужна война. Этой цели—ознакомлению сотен миллионов с нашей мирной политикой—служило предложение признать *нападающей стороной того*, кто первый перейдет чужую границу или совершит нападение на вооруженные силы другой стороны. И это предложение советского правительства не было маневром, об этом ярко говорит заключенная конвенция между 8 государствами, ибо наш Союз не нуждается для своей победы в чужой территории, не намерен нападать ни на кого.

Этой цели служат все *пакты о ненападении*, заключенные советским правительством, его настойчивая политика мира по отношению *к японскому* империализму, его предложение *продажи* КВЖД. Если империалистическая печать объясняет эту политику нашей слабостью, то факты покажут, как жестоко она ошибается. Но что сказать о якобы «левом» и даже независимом социалисте—небезызвестном трусливом герое английского реформизма *Феннер Броквее*, который в «Нью лидер» пишет, что «первым правительством, которое заключило *договор с Гитлером* после его триумфа, было советское правительство, пополнившее Берлинский договор финансовым и экономическим соглашением. Из-за этой экономической кооперации между Россией и Германией Коммунистический интернационал сопротивлялся международному бойкоту Германии, который является единственно возможным методом низвержения гитлеризма в период его экономической слабости». Мы не будем опровергать вздорного рассказа о том, как Коммунистический интернационал саботировал своей оппозицией намерение господина Феннер Броквея низвергнуть Гитлера при помощи чудесного средства—экономического бойкота. Все знают, сколько сил имеет господин Феннер Броквей хотя бы для низвержения председателя лейбористской фракции, выслуживающегося на задних лапках перед империалистским правительством, поддерживающим Гитлера. Когда Феннер Броквей считает, что советское правительство жертвует революционной политикой, заключая с гитлеровским правительством договор, сводящийся к пакту о ненападении, то мы оставляем читателям выбор, считать ли Феннера Броквея дураком или сознательным *помощником империализма.* Всякий рабочий поймет, *что Гитлер будет подготовлять войну, крича, что Советский Союз хочет напасть на невинную фашистскую Германию. Именно потому, что Гитлер попытается усилить свое*

влияние на националистические мелкобуржуазные массы рассказами о военных приготовлениях Советского Союза, подписание Берлинского соглашения советским правительством является ударом по этим военным маневрам Гитлера. Такую же клевету на советскую власть представляет броквейская «оценка» советской политики на Дальнем Востоке.

«Русское приспособление к японскому империализму на Дальнем Востоке путем признания Манчжоу Го, путем предложения *продажи Японии* КВЖД—вот другой пример. Россия не желает войны. Это всякий поймет, но *оппозиция международного рабочего класса империализму не должна быть пожертвована даже в пользу интересов России*».

Салонный социалист выступает здесь прямым агентом английских империалистов, которые бесятся, что до этого времени им не удалось натравить Японию на СССР. Надо иметь медный лоб, чтобы, зная это, притворяться, что предложение продажи КВЖД означает приношение в жертву интересам «России» борьбы против империализма. Феннер Броквей за всю свою жизнь пальцем не двинул, чтобы помешать английскому империализму эксплоатировать сотни миллионов индийских рабочих и крестьян, за все время существования Независимой рабочей партии не нашлось в ее рядах пяти человек, которые бы пошли за решетку из-за помощи, оказываемой революционной борьбе в колониях. После такого героического прошлого как же не требовать Феннеру Броквею, чтобы советское правительство объявило войну японскому империализму для выражения чувств господина Феннера Броквея против японского империализма. Что это самое желают английские империалисты, это, понятно, только случайное совпадение, ибо господин Феннер Броквей дудит в ту же самую трубу, что и твердолобые провокаторы, из самых высоких побуждений.

Второй интернационал, издыхая, будет помогать международному империализму и фашизму в подготовке нападения на Советский Союз своей клеветой против мирной политики Советского Союза, которая вооружает миллионные массы на борьбу с подготовкой империалистской войны, на борьбу с интервенцией. Тем выше поднимут мирное знамя советского правительства рабочие революционеры во всех странах. Это знамя вело русских рабочих в бой за власть, под этим знаменем международный пролетариат соберется для борьбы с империализмом, для борьбы с фашизмом, подготовляющим нападение на Советский Союз.

Борьба за мир, борьба с опасностью интервенции—это не только борьба против нападения на страну социализма, но и одновременно борьба за победу рабочего класса над фашизмом, за победу социализма в капиталистических странах. Пролетариат СССР знает, что каждый год мира усиливает его позиции, ибо диктатура пролетариата оказалась способной развивать производительные силы в невиданных размерах и неслыханными темпами. Фашисты знают, что каждый месяц, каждый год мира увеличит их затруднения, ибо они не в состоянии выполнить своих обещаний. Сердцевина их экономической политики—государственный капитализм, который и социал-фашисты пытались представить как средство преодоления кризиса, как средство обеспечения благосостояния народных масс,—является не чем иным, как средством увеличения власти трестов над всем народным хозяйством, средством пере-

качки народного достояния в карманы вождей монополистического капитализма, закабаления народных масс.

Фашизм не в состоянии преодолеть кризиса, и поэтому он окажется только методом организации хозяйства перед войной для войны. Подготовка этой войны представляет реальную цель фашизма, и поэтому борьба СССР за мир—это одновременно борьба против фашизма. Германский фашизм, как и его японские союзники, представляет коммунистов как изменников. Этим он говорит, что он пытается сокрушить рабочее движение, чтобы очистить себе путь для ведения войны, чтобы уничтожить союзников, которых Советский Союз имеет во всякой капиталистической стране. Но фашизм не достигнет своей цели, а наоборот, покажет даже отсталым рабочим и мелкобуржуазным массам, что их интересы неразрывно связаны с интересами советского пролетариата.

Фашисты разгромили легальную рабочую организацию в Германии, чтобы облегчить себе подготовку войны против СССР. Но только победив СССР, закабалив 160 млн. рабочих и трудящихся крестьян Союза, открыв себе путь в Китай, империализм-фашизм мог бы хотя на момент добиться прилива крови к своему дряхлому сердцу и собраться с силами для действительного сокрушения рабочего класса Запада.

Война против СССР—это война за победу «железной пяты», это война за новую передышку для мирового империализма. Эта попытка еще более усилит единство пролетариата СССР с пролетариатом всех капиталистических стран, в первую очередь с пролетариатом стран, в которых победил фашизм.

«Большевик» от 15 июня 1933 г., № 11

РЕВИЗИЯ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА

Миновало 13 лет с момента, когда державы Антанты, победив совместно с Соед. штатами Америки державы Тройственного союза, приступили к «урегулированию» мирового положения. Мирные договоры Версаля, Трианона, Неи, Лозанны, вашингтонский договор 1922 года имели целью создать такие условия дальнейшего существования капитализма, при которых пенки снимала бы буржуазия победивших стран. Все, что писал об этих договорах и созданном ими положении Коммунистический интернационал (см. резолюцию I конгресса, принятую в марте 1919 г. и являющуюся в основном по сегодняшний день вернейшей характеристикой противоречий, заложенных в этих, тогда еще неоформленных, договорах), все, что писал *Ленин* о версальском договоре, оказалось жестокой правдой. Кто посмеет теперь оспаривать слова Ленина, написанные 11 мая 1920 г., что

> «крах капиталистических правительств неминуем, ибо все видят, *что новая такая же война неизбежна, если у власти останутся империалисты и буржуазия*. Между *Японией* и *Америкой* вырастают новые споры и конфликты. Они подготовлены десятилетием дипломатической истории обеих стран. Война неизбежна на почве частной собственности. Война между *Англией*, которая награбила колонии, и *Францией*, которая считает себя обойденной, неизбежна. Никто не знает того, где и как она прорвется, но все

видят и знают и говорят о том, что война неизбежно готовится снова».

Когда Ленин писал эти слова, ему неизвестно было и не могло быть известным многое из того, что мы знаем теперь на основе громадной мемуарной литературы, появившейся за это время, на основе массы документальных данных, которые стали за это время известными. Ленин не мог знать тогда, что *Клемансо*, вернувшись из Индии и посетив в Лондоне Ллойд-Джорджа, упрекал его в том, что Великобритания немедленно после войны повернула фронт против Франции и что Ллойд-Джордж ответил ему с улыбкой: «Англия ведь вернулась только к своей старой политике. Чему вы удивляетесь?» Ленин не мог знать тогда письма главного советника Вильсона, полковника *Гауза*, который, отправившись после заключения версальского договора в Лондон, писал Вильсону 30 июля 1919 г.:

«Отношения обеих стран (Англии и САСШ) начинают принимать тот же самый характер, что и отношения Англии и Германии перед войной» [1].

Ленин не мог знать тогда, что, как пишет один из лучших английских морских писателей *Байватер*:

«Зимой 1920—21 г. Вашингтон получил через свою дипломатию и через секретную службу сведения, что Япония готовится ответить на сооружения в Кавита и Гуаме войной». (H. Bywater. «Their Secret proposes». London, 1931 г., стр. 282).

Не зная всего этого, просто на основе марксистского анализа создавшегося положения, Ленин в своем конспекте к брошюре о продовольственном налоге в марте 1921 года составил следующую табличку отношений между империалистическими державами, возникших после войны:

«Антанта versus Германия
Америка versus Япония (и Англия)
Америка versus Европа
Империалистический мир versus «Азия» [2].

С того времени, понятно, произошел ряд конкретных изменений во взаимоотношениях разных капиталистических держав. Какова будет конкретно расстановка империалистических сил в случае войны, теперь еще с полной точностью сказать нельзя. Но основные начертания и основные причины невозможности сохранения отношений, созданных исходом войны 1919 года, ясны.

Репарации обанкротились, неслыханно обострив послевоенный кризис капитализма. Тяжесть межсоюзных долгов представляет собой узел, затянутый на шее международного капитала, который он распутать не может. Границы, начерченные мечом, разрезали живое тело ряда европейских народов, и раны эти гноятся, вызывая постоянно лихорадку. Колониальная политика великих держав находится беспрерывно на вулкане. Индия не успокоилась ни на один момент. Если английскому империализму удается от времени до времени дикими репрессиями разбить поднимающуюся волну народного движения, то в борьбе против английского империализма складываются все социальные силы, которые призваны положить конец господству английского империализма на гро-

---

[1] Hause «Intimated — papers», т. IV, стр. 495.
[2] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 313.

мадном Индийском континенте. Китай не может в тисках мирового империализма решить задачу, без решения которой он должен помирать с голода и стать источником глубочайших потрясений Азиатского материка.

Мало того, в основе версальского договора было заложено противоречие, состоящее в том, что французский империализм победил при помощи английского и американского, но эти последние после войны не хотят защищать завоеваний французского оружия. Ряд империалистических держав вышел из войны неудовлетворенным. Италия и Япония требуют передела мира. Соединенные штаты,—самая крупная империалистическая держава, наиболее богатая,—не только не имеют значительных колоний, но и не имеют баз для своего флота, который со времени войны поставил себе задачу стать по крайней мере равным английскому.

Ревизии версальского договора требуют разбитые в мировой войне капиталистические страны. В 1933 году они уже не те, какими были в 1919 г. Они восстановили свой экономический и военный аппарат. У них подросло поколение, которое не помнит поражения, но которое видит его последствия. Против *крика о ревизии* версальского договора, за которым скрывается лозунг общего передела мира, поднимается крик о защите *статус-кво*.

22 марта 1853 г. в своей статье «Национальности Турции» *Маркс* писал:

> «Бессилие легитимистской, монархической системы находит—со времени первой Французской революции—свое выражение в одном положении: *сохранить статус-кво*. Это всеобщее соглашение—упорно сохранять вещи в таком виде, в каком они очутились вследствие случайных обстоятельств,—является свидетельством о бедности, признанием руководящих держав своей полной неспособности подвинуть вперед дело прогресса или цивилизации... Сохранить в Турции статус-кво—*с таким же правом можно бы попытаться удержать лошадиную падаль на одной и той же ступени гниения, не давая наступить полному разложению*» [1].

* * *

Буржуазные противники версальского договора, которым хватало ума понять, что он не может служить базой для дальнейшего развития капитализма ломали себе голову с 1919 г. над тем, как бы выдумать такой хороший мирный договор, который позволил бы удовлетворить потребности всех капиталистических держав. Со времени выхода в свет книги *Кейнса* о версальском договоре о его ревизии возникла целая литература, которая очень напоминает литературу о квадратуре круга. Ни одно из предложений, выгодных германскому империализму, не принимается французским, ни одно выгодное американскому империализму не принимается японским, ни одно «примирительное» предложение английского империализма не принимается французским, не говоря уже о всех планах перекройки юго-востока Европы, решения вопроса о польском Поморье, известного под названием вопроса о «коридоре».

Это показывает, что дело идет не просто о том, что империалистиче-

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. IX, стр. 372—373.

ские державы-победительницы, зазнавшись благодаря своей победе, пострадали от головокружения от успехов, и не о том, чтобы, опомнившись, они решили «справедливо» вопрос о мире.

Даже такой вопрос, как вопрос *о репарациях и межсоюзных долгах*, основой решения которого должен являться простой экономический факт, что ни одна страна не может платить долгов иначе, как своим экспортом, и что поэтому, взваливая на нее гору долгов, ее заставляют наносить противнику раны демпингом,—даже этот вопрос не может быть решен на основе этого простого соображения; против ликвидации межсоюзных долгов говорит факт, что эти долги в случае освобождения от них Франции, Англии и т. д. легли бы на спину американского налогоплательщика. Единственное решение, а именно: уничтожение всего военного долга, означало бы громадный удар по ренте, по финансовому капиталу, на что буржуазия итти не может.

Державы, добивающиеся ревизии версальского и вашингтонского договоров, требуют во имя справедливости передела *колоний*. Достаточно указать, что даже Германское колониальное общество требует возвращения Германии захваченных в войне Японией колоний в виду того, что Япония вышла из Лиги наций. Но это требование выдвигается в тот момент, когда десятки миллионов колониальных народов поднялись против самого существования колоний, когда нашли полное оправдание слова Ленина, что

> «невозможно миллиарду с четвертью людей жить так, как хочет их поработить «передовой» и цивилизованный капитализм, а ведь это 70 проц. населения земли. А ничтожнейшая кучка богатейших держав, Англия, Америка, Япония (Япония имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может), эти 2—3 страны не в состоянии наладить экономические отношения и направляют свою политику к срыву политики своих участников и партнеров по Лиге наций»[1].

А как обстоит вопрос с *переделом границ* Европы под углом зрения интересов наций, страдающих от теперешних границ?

Вся область *низовья Вислы* являлась в продолжение сотен лет предметом борьбы германских и славянских племен. После она являлась предметом сознательной колонизационной политики ордена крестоносцев. После раздела Польши имперская Германия вела в этих областях последовательную колонизационную экстерминационную (вытеснение коренного населения) политику. Она пыталась продвинуть рубежи германского народа, выживая экономическим и политическим давлением поляков. Получив обратно территорию над Нотечью, которую Фридрих Великий захватил, чтобы объединить так называемую королевскую Пруссию с княжеской (Польша получила обратно эту территорию не потому, что, как рассказывает немецкая легенда, Падеревский уговорил Вильсона при помощи подложных карт, а потому, что возвращение Поморья Польше лежало в интересах французского генерального штаба), поляки со своей стороны решительным экономическим и политическим нажимом выжили сотни тысяч немцев из областей, которыми они владели больше

---

[1] *Ленин*, Доклад о международном положении и основных задачах Коминтерна 9 июля 1920 г.

сотни лет. Может ли капитализм решить этот вопрос справедливо, т. е. так, чтобы от этого решения не страдали народные массы?

Он не может этого сделать ни под углом зрения удовлетворения их национальных, ни под углом зрения удовлетворения их экономических интересов. При социализме возможно ближайшее экономическое сотрудничество двух народов, разделенных административно, имеющих национальные границы. При капитализме всякий экономический прогресс, всякое экономическое дело есть предмет борьбы за преобладание буржуазии одной страны над буржуазией другой.

Нет справедливого решения национального вопроса на северо-востоке Европы и нет справедливого решения еще более запутанных национальных отношений *придунайских и балканских* стран. Через эти страны шли в давние времена целые народные потоки, оставляя после себя этнографическую смесь, из которой кристаллизовались новые народы. Только революционное объединение юго-востока Европы, базируясь на интересах его народных масс, создало бы основу для справедливого решения национального вопроса. Интересы молодой и жадной буржуазии, интересы румынских, венгерских помещиков, пытающихся сохранить свою власть над крестьянскими массами, интересы бюрократии, с пеной у рта, жадно вырывающей друг у друга местечко, наконец, интересы империалистических держав не допускают такого решения.

Поэтому лозунг ревизии мирных договоров есть лозунг передела мира в ущерб одного империалистического лагеря и в пользу другого. Версальский мир не может быть основой не только развития народов, но даже развития капитализма. Но тот мир, который на место версальского установила бы победоносная противоположная империалистическая коалиция, был бы таким же самым миром тюрем, кандалов и стона народных масс.

13 лет миновало с момента версальского договора. К сожалению, за эти 13 лет пролетариат руководящих капиталистических держав не сумел пойти тем путем, по которому пошел советский пролетариат, не сумел еще вырвать власть из рук империалистических клик, не сумел еще взять в свои руки решение вопросов о жизни о развитии народных масс. *И империализм, который обанкротился при попытке навязать миру версальские условия, не в состоянии дать миру условия жизни, которые в основах своих отличались бы от версальских.*

Лучшим доказательством этого является факт, что знаменосцами ревизии стали *фашистские правительства*, правительства, осуществляющие в своих странах самое беспощадное подавление народных масс, правительства, опирающиеся на самую средневековую идеологию, правительства, которые превзошли Ирода, которые углубили империалистическую теорию господства белого человека над цветными еще более зверской теорией господства выдуманных северных рас над всеми другими народами. *Уже тот простой факт, что ревизия версальских договоров связывается с победой фашизма, показывает, насколько эта ревизия могла бы считаться с национальными интересами масс наций, признанных фашистами за «низшие».*

Путь к ревизии грабительского, мучительного версальского мира ведет через *новую мировую войну*. Все попытки заинтересованных представить дело так, что вопрос идет о мирном перерешении старых дого-

воров никак не могут обмануть. Дипломатическая возня вокруг ревизии версальских договоров является только одной из форм подготовки войны. Она должна мобилизовать массы собственного народа. Она должна представить противника в качестве изверга и она, наконец, служит средством нащупывания возможности блоков и союзов для военного решения вопроса. *Слово «ревизия» является только другим названием новой мировой войны.* Нет поэтому ничего удивительного, что одно из основных требований ревизионистов есть требование права на те вооружения, которые им запрещает версальский договор. Дискуссия о ревизии является дымовой завесой, за которой империализм готовит самую страшную, самую жестокую войну, которую может выдумать человеческий мозг, войну, перед которой побледнеют все ужасы империалистической войны 1914—1918 гг.

Сказанного достаточно, чтобы определить *отношение международного пролетариата к шумихе о капиталистической ревизии версальских договоров и к тому, что реально скрывается за этой шумихой.* Международный пролетариат остается врагом версальских договоров. *Но только его собственная победа может эти договоры заменить мирными договорами на основе самоопределения наций*, мирными договорами, которые, удовлетворяя национальные потребности даже самых отсталых народов, откроют путь к их совместной борьбе за преобразование мира и совместной борьбе с нуждой, нищетой и развалом, которые создал послевоенный капитализм. *Но это будет «ревизия» социалистическая.* Никакая перегруппировка империалистических держав и никакой передел мира на основе перевеса новой империалистической группировки над группировкой держав-победительниц не могут создать справедливого мира. Они могли бы создать только новый империалистический мир, в котором на месте минуса был бы плюс, а на месте плюса—минус.

И только победа пролетарской революции и революции колониальных народов могла бы освободить мир от кошмара новой империалистической войны, открыть путь к действительно мирным решениям спорных вопросов.

Исходя из своего отношения к империализму, к самоопределению наций и империалистическим войнам, *международный пролетариат—враг версальского мира—не может стать на сторону тех империалистических сил, которые в пожаре новой империалистической войны хотят провести новый передел мира. Борьба против опасности новой империалистической войны становится центральной задачей международного пролетариата.* С ней связана самым глубочайшим образом борьба с фашизмом. Историческая функция международного фашизма—это попытка оттянуть момент свержения капитализма при помощи полного закабаления народных масс для того, чтобы погнать их на истребление в новой империалистической войне.

Пролетариат Советского Союза—вождь международного пролетариата в его борьбе за мир. Государство рабочих и крестьян родилось в борьбе за мир и все 16 лет своего существования стояло не только на страже своего собственного мира, но и выступало на международной арене всегда с громадной последовательностью как борец за мир. Оно боролось за мир не только потому, что мир нужен советскому пролетариату

для создания социалистического строя на землях, освобожденных от ига буржуазии. Оно боролось за мир, ибо оно глубоко убеждено, что мир является лучшей предпосылкой для победы социализма в мировом масштабе. Жалкие защитники международной буржуазии обвиняли всегда советское правительство, что оно спекулирует на войнах, ибо только через военные потрясения оно надеется на победу международного пролетариата.

Этот вздор не заслуживает серьезного ответа. Война означает не только развязывание буржуазией бешеной националистической травли, но она при современном характере своем означала бы такой подрыв производительных сил всего мира, что победоносному пролетариату пришлось бы бороться за постройку социализма в самых трудных условиях. Непосредственные интересы советского пролетариата и интересы международного пролетариата властно диктуют политику мира, властно диктуют советскому государству политику невмешательства в преступную борьбу империалистических клик и властно диктуют защиту мирного труда Советской страны от всяких попыток втянуть ее в водоворот империалистических противоречий.

Было бы величайшей ошибкой думать, что империалистические державы будут благодарны за то, что, вопреки их легендам, Советский Союз не пытается разжигать их противоречий, что, наоборот, он проклампровал многократно устами своих ответственных представителей политику невмешательства в империалистические распри и противоречия. Империалистические державы, подготовляя новую империалистическую войну, одновременно очень ее боятся. Они понимают, что если им даже удастся сломить сопротивление народных масс и погнать их на поле сражения, то после первых поражений революционное пролетарское движение охватит массы и при затяжном характере войны неминуемо приведет к социалистической революции.

Они боятся, что наличие Советского Союза, который в этом море крови будет являться единственным островом мира, будет влиять на народные массы стран, ввергнутых в хаос мировой войны. И поэтому во многих империалистических странах возникают группы, разрабатывающие планы, как бы передел мира начать с войны против Советского Союза.

Если толкнуть Японию на войну с СССР, то эта война могла бы ослабить СССР и наверно ослабила бы самую Японию настолько, что ее противникам или даже «союзникам» не пришлось бы бояться молодого японского империализма.

Если толкнуть Польшу на войну против СССР, то легче будет навязать ей за счет украинских компенсаций, которые надо еще завоевать, отказ от Поморья и таким образом открыть германскому фашизму выход из создавшегося положения.

Эта программа искания ревизии версальского договора на путях восстановления ухудшенного брестского мира,—эта программа является внешнеполитической программой германского фашизма. Незачем говорить, что «гениальные» творцы этих программ родились немножко поздно. Брестские времена давно миновали, и всякая попытка «ревизии» версальского мира за счет СССР поставила бы под вопрос самое существование тех капиталистических держав, которые попытались бы такую программу реализовать. *Советский Союз не вмеши-*

вается во взаимную драку империалистических группировок. Но всякая попытка повернуть дело против него поставила бы в порядок дня не вопрос о нашем отношении к версальскому миру или к попыткам заменить его другим империалистическим миром, а скорее всего вопрос о существовании капитализма вообще.

Капиталистический мир не в состоянии решить ни мирным ни военным образом ни одного вопроса, поставленного перед человечеством. Советский Союз доказал на деле проведением программы пятилетки и коллективизации, что он в состоянии решить основные проблемы человечества, строя социализм. Советский Союз доказал своей национальной политикой, которая позволяет объединить все производительные силы всей громадной страны в пользу всех народов, живущих в пределах Советского Союза, что он сумел решить национальный вопрос. Развитие в СССР даже самых отсталых наций, которые не имели до этого времени даже азбуки, показывает, что победоносный социализм означает не только решение экономических вопросов, но означает решение национальных вопросов, из которых капитализм сделал клубок неразрешимых противоречий. Если мировой капитализм посягнет на Советский Союз для того, чтобы оттянуть свою гибель, чтобы повернуть кровавый дождь на социалистические поля, то советский пролетариат станет перед задачей возглавить мировой пролетариат в борьбе за решение тех задач, которых не смог и никогда не сможет решить мировой капитализм. Тогда советский пролетариат сказал бы всему мировому пролетариату и колониальным народам: если ревизовать, то уже ревизовать до конца.

«Правда» от 10 мая 1933 г.

БРЕСТ, ВЕРСАЛЬ И РАППАЛО

«Кельнише цейтунг» от 23 августа помещает статью под заглавием «*Версаль и Раппало*», которую кончает следующей «грозной» формулировкой: «Основной вопрос германо-советских отношений—это вопрос: за Версаль или за Раппало? Если Москва ведет действительно мирную политику, то она не может отказаться от ответа на этот вопрос».

Мы и без заклинаний и без ссылок на мирную политику советской власти с удовольствием дадим «Кельнише цейтунг» ответ на беспокоящий ее вопрос. Но раньше, чем успокоить бурную любознательность «Кельнише Цейтунг», мы хотим заняться не только поставленным «Кельнише цейтунг» вопросом, но и всей ее аргументацией.

* * *

Статья «Кельнише цейтунг» указывает, что рейхсканцлер Гитлер в своей «исторической мирной речи» перед рейхстагом заявил о желании продолжать дружественные отношения с СССР на основе Раппало, что в начале мая Германия утвердила берлинский договор, являющийся продолжением Раппало. Указав на эти факты, газета заявляет патетически: «Этим должны быть устранены всякие сомнения по поводу возможной перемены позиции Германии после национальной революции».

Но если для «Кельнише цейтунг» достаточным мерилом внешней по-

литики являются речи государственных людей и дипломатические документы, то в таком случае незачем «Кельнише цейтунг» обращаться к нам вообще с вопросами.

В СССР не произошло никаких перемен в правительстве. У власти находится то же самое советское правительство, возникшее в октябре 1917 г., то же правительство, которое подписало с Германией раппальский договор. Ни один советский государственный или партийный деятель не выступал с идеями, прокламирующими расчленение Германии, а поэтому руководителям советской политики и не было никакой надобности выступать с успокаивающими заявлениями о желании сохранить дружественные отношения с Германией.

Что касается берлинского договора, то он скреплен не только подписями представителей германского правительства, но и подписями представителей правительства СССР. Но, видимо, по мнению «К. Ц.», одно дело—подпись германских, а другое—советских представителей. Первая—«достаточная» гарантия курса внешней политики Германии, советские же подписи—недостаточны?! Не это ли хочет сказать «Кельнише цейтунг»?

Газета этого не говорит *откровенно*, но все же предъявляет нам претензии—целый счет «грехов», совершонных якобы советской прессой, советскими общественными деятелями против духа названных выше дипломатических документов. По «Кельнише цейтунг» выходит, что, кроме дипломатических актов, имеются еще и *другие факторы*, которые могут ослаблять значение дипломатических соглашений и дипломатических выступлений. В *этом* мы не можем не согласиться с «Кельнише цейтунг»!

Отношения народов не исчерпываются дипломатическими документами, хотя мы к ним не относимся безразлично, ибо *Советский Союз всегда уважал подпись, которую добровольно ставил на дипломатических документах*. Но посмотрим, какие «грехи» предъявляет нам «Кельнише цейтунг», и приведем *наш контрсчет*.

«Кельнише цейтунг» утверждает, что советская печать публикует сведения о внутреннем положении Германии, которые не дышат дружбой к режиму, установившемуся в Германии, что она публикует сведения о германских вооружениях и что все это, видно, отражает не плохое настроение советских журналистов, а политический курс. Мы готовы уплатить «Кельнише цейтунг», сколько она пожелает, если она покажет хотя бы одну статью, напечатанную в германско-фашистской печати, дышащую любовью к строю, господствующему в Советском Союзе. И мы признаемся откровенно, что мы этой любви не ожидали и что мы ее не жаждем. Подобную любовь мы считали бы неестественным явлением.

Если «Кельнише цейтунг» думает, что существуют средства, которые могли бы заставить нашу печать относиться благосклонно к курсу внутренней политики Германии, то она глубоко ошибается. *Рабочая печать не может относиться иначе к режиму, который рубит головы рабочим в интересах господства капитализма*. На эту тему вообще между нами не может быть дискуссий.

Иначе обстоит дело с вопросами о германских вооружениях. Мы являемся врагами империалистической войны и видим в росте вооружений всех империалистических держав величайшую опасность для человече-

ства. Советская печать дает сведения о вооружениях *всех* империалистических держав. Не наша вина, что о вооружениях *Японии* приходится часто давать сведения в первую очередь по *американской* печати, о вооружениях *Америки*—по *японской*, о вооружениях *Германии*—по *французской и английской*, о вооружениях *Франции* и *Англии*—по *германской*.

Не наша вина, что империалисты любят писать про вооружения *других*, а не любят писать про *свои* собственные. Что же требует «Кельнише цейтунг», чтобы мы в угоду германскому фашизму скрывали все, что пишет о германских вооружениях вся мировая печать? Или, чтобы мы не читали германской статистики, которая показывает, что за первые полгода 1933 г.—при общем падении германского импорта на 13 проц.—импорт железа (из которого, как известно, делают не пряники), возрос в 4 раза? Подобные претензии кельнской газеты весьма необоснованны.

Когда же «Кельнише цейтунг» начинает читать нотации пишущему эти слова или советским летчикам за их поведение в Польше, когда «Кельнише цейтунг» выражает свое неудовольствие по поводу похорон тов. Клары Цеткин в Москве, то на это мы можем возразить только следующим: мы готовы полностью предоставить фашистам выработку самостоятельного церемониала похорон для своих вождей; мы в это дело, как внутреннее, не намерены вмешиваться.

* * *

«Кельнише цейтунг» искала всеми средствами доказательств «перемены» курса Советского Союза по отношению к Германии. Доказательств «враждебности» СССР к Германии она, понятно, никаких найти не смогла. Тем самым выявляется, что ее претензии ни на чем не основаны. Это позволяет нам перейти к нашему контрсчету. Мы не будем заниматься мелкими булавочными уколами и разными пустяками (предоставив это занятие другим), а приведем основные факты последних дней.

«*Дейче дипломатиш политише корреспонденц*», как известно, официоз германского министерства иностранных дел. Она печатает ежедневно одну короткую статью, документирующую отношение германской дипломатии к очередному политическому вопросу. Статьи эти не подписаны и являются, таким образом, высокоофициозными. В номере от 23 августа этот официоз печатает статью «*Путь Японии*». Статья дает принципиальную оценку не только захвату Манчжурии, но и плану нашедшему свое выражение в брошюре японского военного министра *Араки*, носящей название «Квода», т.-е. «имперский путь».

Чтобы судить о содержании этой брошюры, достаточно указать на замечание немецкого официоза, что «идейная близость брошюры Араки с известным меморандумом Танаки не подлежит сомнению». О том, что такое меморандум Танаки, знает весь мир. Это—программа самой неудержимой захватнической политики японского империализма. И что же пишет по поводу брошюры Араки германский официоз? Объясняя, что такое «имперский путь», «ДДПК» говорит:

> «Напрашивается понимание этого термина, как империализм, в европейском смысле этого слова. Но это было бы неправильно.

Дело идет не о теории собственной корысти или притеснении других, а о требовании Японии, опирающемся на ее моральные принципы, завести порядок и свободу на Азиатском континенте... Эти политические моральные принципы не представляют никакой агрессии против Европы, хотя они могут столкнуться на азиатской почве с интересами других держав. Цель этих принципов—объединение монгольской расы не в государственно-правовом порядке, а моральном, на основе великих традиций многих десятилетий... Молодые активные силы Японии чувствуют, что мировые интересы Японии были представлены недостаточно сильно, и было бы тенденциозным преувеличением утверждать, что новый японский национализм представляет опасность для других народов и культур».

Мы отказываемся комментировать это заявление германского официоза. Такой комментарий совершенно излишен. Всякий, знающий мировое положение, поймет, что означает подобная статья.

Перейдем с Дальнего Востока к Восточной Европе. Читатель помнит, сколько раз «Кельнише цейтунг» пыталась (говоря деликатно) отбрыкаться от факта наличия программы интервенции против СССР и раздела СССР у руководящих кругов германского фашизма. Боясь сказать, что книги Гитлера и Розенберга не имеют никакого значения, господа из «Кельнише цейтунг» намекали, что, мол, все это—дело старое, зачем о нем вспоминать, лучше-де давайте образумим фашистских вожаков.

Но существует журнал «*Фольк унд рейх*», издаваемый роскошно и стоящий больших денег. Этот журнал издается (пусть это пытается опровергнуть «Кельнише цейтунг») на деньги германского правительства. Он посвящен специально разработке вопросов *Восточной Европы* с точки зрения германской внешней политики. И этот журнал в своем августовском номере посвящает большую статью *украинскому вопросу*. Статья заслуживает внимания со всех точек зрения. Приведем из нее только несколько цитат.

«Населенная украинцами территория занимает 824 тыс. кв. километров и насчитывает 41,7 млн. украинцев. Таким образом Украина, не считая России, территориально является самой большой страной в Европе и по числу жителей уступает только Германии, равняясь по населению Франции и Италии. Этих фактов достаточно, чтобы показать, какую центральную проблему в Европе представляет Украина. До тех пор, покуда 40-миллионный украинский народ не образовал своего собственного государства, до тех пор Восточная Европа не успокоится...

Для соотношения сил в Восточной Европе имеет решающее значение, существует ли в Восточной Европе выдающаяся великая держава в форме объединения Великороссии с Украинской или же вместо этого—три государства: Великороссия, Украина и Польша, которые находятся на-стороже по отношению друг к другу. Так как уже сейчас в Польше первую роль играет Франция, то естественно, что Украина будет опираться на Англию или Германию. Подобный раздел Восточной Европы на три крупных государства, наряду с существованием окраинных государств, освободил бы Германию от опасности попасть в клещи между Востоком и Западом, как это было в мировую войну...

До недавнего времени в Германии было принято считать Советскую Россию ответственным партнером в германо-польских противоречиях (!—*К. Р.*). От этого придется отказаться. Становится все более очевидным, что Советская Россия начинает все больше склоняться к Франции и Польше. Предложение Литвиновым в Лондоне восточного пакта является наилучшим к тому доказательством... Эта новая ориентация Советской России уже сама по себе должна заставить Германию вновь обратить внимание на украинскую проблему, которая за последние годы, под давлением злободневных вопросов, отодвинута на задний план. Но было бы ошибочным рассматривать украинский вопрос лишь как вспомогательное средство в германо-польских осложнениях. Правильнее будет сказать, что Германия и Украина политически связаны друг с другом и экономически друг друга прекрасно дополняют.

Германо-украинское сотрудничество в будущем мыслимо лишь при условии, если будут учтены жизненные права украинского народа. Поэтому необходимо отвергнуть те планы, которые выражают стремление к соглашению с Польшей за счет Украины. Чтобы облегчить Польше отказ от Польского коридора предполагалось, например, открыть Польше выход к Черному морю. Иными словами западная часть Украины, примерно до линии Киев и Одесса должна отойти к Польше. Подобная политика прежде всего привела бы к тому, что остальная часть Украины, дабы обезопасить себя от дальнейших потерь, связалась бы на жизнь и смерть с Великороссией. Но, с другой стороны, Польша с усиленной энергией стала бы стремиться к выходу к Балтийскому морю... Бессмыслицу коридора можно оспаривать лишь в том случае, если на основе принципов самоопределения превратить Польшу в чисто национальное государство, не пытаясь компенсировать ее украинскими областями за справедливое отнятие Польского коридора».

Статья кончается формулой:

«Если считать правильной концепцию о том, что распад исполинской царской империи выгоден для Германии, то нужно эту мысль последовательно довести до конца и разбить Восточную Европу на этнографические части. При таком переделе Восточной Европы 12 млн. поляков (!!—*К. Р.*) и 40 млн. украинцев противостояли бы 100 млн. великороссов...

До тех пор, покуда это стремление не осуществилось, в Восточной Европе не наступит успокоения».

Мы не станем комментировать этих размышлений, помещенных в органе, издаваемом на деньги германского правительства. Мы не будем здесь доказывать «Кельнише цейтунг», что *украинский народ уже создал свое Украинское государство в форме советской республики, объединенной с другими республиками в Советский Союз.*

Мы устанавливаем только тот факт, что *орган, издаваемый на деньги германского правительства, развертывает программу расчленения и раздела Советского Союза.* При этом этот орган скромно добавляет, что, мол, «лишь при благоприятной мировой ситуации мыслимо, чтобы украинский вопрос был разрешен». Не означает ли статья «*Дейче дипломатиш политише корреспонденц*» извест-

ных попыток со стороны кое-кого поощрять это «создание благоприятной мировой ситуации»? Однако оставим все это на усмотрение читателя.

Но газете «*Кельнише цейтунг*» следует сказать: арбитраж, который она предлагает по поводу частых нарушений советских интересов фашистскими органами—вещь хорошая. Не назовет ли однако «Кельнише цейтунг» такого арбитра, который указал бы тем, кто несет ответственность за официальные, официозные и т. п. органы печати, что антисоветская пропаганда (образцы которой мы выше привели) имеет для общественного мнения СССР больше значения, чем многие официальные кисло-сладкие заявления о дружбе.

* * *

После всего этого легко удовлетворить любознательность «Кельнише цейтунг» насчет Раппало и Версаля. Для этого хватит двух цитат из статьи «*Ревизия версальского договора*», напечатанной в «*Правде*» 10 мая. В этой статье я писал:

> «Лозунг ревизии мирных договоров есть лозунг передела мира в ущерб одного империалистского лагеря и в пользу другого. Версальский мир не может быть основой не только развития народов, но даже и развития капитализма. Но тот мир, который на место версальского установила бы победоносная противоположная империалистическая коалиция, был бы тем самым миром тюрем, кандалов и стонов народных масс... Международный пролетариат остается врагом версальских договоров, но только его собственная победа может эти договоры заменить мирными договорами на основе самоопределения наций... Но это будет ревизия социалистическая. Никакая перегруппировка империалистических держав и никакой передел мира на основе перевеса новой империалистической группировки над группировкой держав-победительниц не могут создать справедливого мира. Исходя из своего отношения к империализму, к самоопределению наций, к империалистическим войнам, международный пролетариат—враг версальского мира, не может стать на сторону тех империалистских сил, которые в огне новой империалистической войны хотят провести новый передел мира».

Это насчет Версаля, а насчет Раппало и Бреста в статье сказано:

> «...Советский Союз не вмешивается во взаимную драку империалистических группировок, но всякая попытка повернуть дело против него поставила бы в порядок дня не вопрос о нашем отношении к версальскому миру или к попыткам заменить его другим империалистским миром, а скорее всего вопрос о существовании капитализма вообще».

На вопрос: за Версаль или за Раппало мы отвечаем очень точно: за Раппало, т. е. за отношения между Германией и Советским Союзом, опирающиеся на взаимную выгоду, но не направленные против третьей стороны. Против Версаля, но не за другой *Версаль*, тем более не за *Версаль*, который когда-то Людендорфы пытались установить в Брест-Литовске и который пропагандируют сегодня некоторые органы, издаваемые на правительственные деньги.

«Правда» от 3 сентября 1933 г.

ПОСЛЕ УХОДА ГЕРМАНИИ ИЗ ЛИГИ НАЦИЙ

Когда 14 октября Германия заявила о своем выходе из Лиги наций и об уходе с конференции по «разоружению», английская, американская и французская печать заявила, что этот неожиданный и ничем не мотивированный шаг фашистской Германии не может ничем изменить положение; Германия ушла с конференции—тем хуже для Германии; конференция продолжается, как будто ничего не случилось. Английский министр иностранных дел сэр Джон Саймон высказывал в своей речи в парламенте глубочайшее изумление по поводу ухода Германии с конференции в момент, когда «чуть-чуть» не было достигнуто соглашение.

Но прошло только несколько недель, и тон печати «великих» держав в значительной мере изменился. Он очень напоминает объявление, напечатанное перед войной в одной из иностранных газет: «Альфред, вернись, все тебе прощено, ребенок не от тебя». Особенно сильно изменился тон печати и выступлений государственных людей в Англии.

В статье, посвященной уходу Германии с конференции, помещенной в «Дейли мейль» от 21 октября, бывший высокий комиссар британского империализма в Египте, один из «будущих» мужей британского империализма, лорд *Ллойд*, заявил:

> «Теперь, когда Гитлер повернулся спиной к Женеве и покинул конференцию по разоружению, весь мир ждет, что намерено предпринять британское правительство».

В британском правительстве, а тем более в партиях, его поддерживающих, пока-что завязалась ожесточенная драка по поводу того, что делать. Сэру Джону Саймону стали усиленно разъяснять, почему Германия вышла из Лиги наций. Мартовские предложения Макдональда состояли в том, что в продолжение ближайших пяти лет Франция уменьшает свои вооружения, а Германии разрешается увеличить армию до 200 000 солдат и вводить те роды оружия, которые до этого времени были ей запрещены (танки, тяжелая артиллерия). Германия торговалась, но, казалось, почва для торга найдена.

В сентябре и октябре, после длительных переговоров между Англией и Францией, макдональдовский план был изменен. Германии было заявлено, чтобы она не жаловалась на отсутствие у нее вооружений, ибо она вооружается, никого не спрашивая, и что поэтому нужен сначала испытательный период, во время которого будет установлено состояние вооружений всех держав. Только после этого можно будет думать, разрешить ли Германии введение известного рода оружия или нет. Германские империалисты, боясь, что контроль может установить неприятные для них вещи, ударились в амбицию и заявили, что дело идет, таким образом, об отсрочке вопроса о разоружении на много лет, об увековечении германского неравенства и что поэтому они уходят из Лиги наций и с конференции и вернутся только в том случае, если им будет предоставлено равенство.

Указывая, таким образом, на изменение макдональдовских предложений как на причину выхода Германии из Лиги наций, лорд *Лотьен* и лорд *Ренель* продолжали игру Макдональда, являющегося застрельщиком уступок Германии, против сэра Джона Саймона, находящегося под известным влиянием франкофильской клики консерваторов. Не-

удивительно, что поползли слухи о том, что министр Саймон падет жертвой намечающейся политики уступок Германии.

Против правительственной политики, проводимой на женевской конференции, и тем более против намечающейся политики уступок выступил ряд консервативных групп. Группа Черчилля и лорда Ллойда, находящая свое публицистическое выражение в газетах лорда Ротермира, требует «прекращения политики уменьшения вооружений», *которую Англия, конечно, никогда не вела*, требует увеличения вооружений и твердого союза с Францией. *Пять тысяч самолетов*—таков тот минимум, которого добивается лорд Ротермир, проливая слезы над разоруженной и безоружной Англией.

Выдвигая лозунг союза с Францией, группа Черчилль—Ротермир—Ллойд одновременно заявляет, что этот союз не должен помешать хорошим отношениям с Германией и обращению с ней, как с великой державой (см. «*Дейли мейль*» от 9 ноября). Позиция ротермировской группы сводится, таким образом, к возвращению к *политике гонки вооружений, к политике союза с Францией*, с одновременным предоставлением Германии делать, что она захочет. А если все это кончится войной, то тем хуже для Германии.

Группа так называемых *изоляционистов*, с лордом *Бивербруком* во главе, отклоняет самым решительным образом политику Локарно, политику уменьшения вооружений. Англия,—вопит Бивербрук,—обязалась защищать Францию от Германии, а Германию от Франции, но кто же будет защищать Англию? Вся Лига наций и конференция по разоружению не стоит ни одного английского солдата. Если дело дойдет до войны из-за европейских дел, доминионы порвут свою связь с Англией. Надо сконцентрировать все силы на усилении экономических и политических связей с доминионами, усилить вооружения Англии, чтобы быть готовым к тем потрясениям, которых ожидает весь мир. На какой же стороне будет стоять Англия в случае катастрофы?

Не подлежит ни малейшему сомнению, что английская политика в окончательном счете будет состоять именно в увеличении вооружений и выжидании, пока окончательно не выяснится положение, не связывая себя преждевременно. Когда министр Джон Саймон или его помощник капитан Антоний Иден присягают, что Англия остается при локарнских обязательствах, что она выступит с оружием в руках против той державы, которая начнет войну, то все это—фразы, долженствующие прикрыть истинное положение. Ведь сэр Джон одновременно подчеркивает, что установление нападающей стороны должно быть результатом единогласного решения Лиги наций, что таким образом Англия оставляет за собой окончательное решение вопроса о том, воевать или не воевать. Если же дело обстоит так, то в чем состоят локарнские обязательства Англии?

Когда заместитель министра Иден в Женеве выступал против советского предложения об определении агрессора, аргументируя тем, что советское предложение считать агрессором того, кто пройдет чужую границу, нападет на чужие вооруженные силы,—чрезвычайно схематичное, то в этом находили выражение стремления британского империализма не связывать себе преждевременно руки. И когда старый «честный» Болдуин заявляет, что Англия всегда держала свое слово, то не менее почтенный лорд Бивербрук в речи в Кембридж-театре осыпает его насмешками, спрашивая, соблюдает ли Англия договор об

уплате своих долгов САСШ или она пытается толковать этот договор таким образом, чтобы ничего не платить?

Лорд Ллойд в цитированной уже статье заявляет насчет локарнского договора откровенно:

> «Оглядываясь назад, мне кажется просто неправдоподобным, что английское правительство могло принять такие неопределенные и далеко идущие обязательства... Что касается технического вопроса, имеет ли локарнский договор значение после ухода Германии из Лиги наций, то я этот вопрос оставляю экспертам. Но в таком вопросе правда состоит в том, что буква умирает, и только дух остается жив, а дух Локарно, как его раньше понимали, сегодня мертв. На этот счет не может быть никаких сомнений.

Анонимный канадец, мобилизованный лордом Бивербруком, заявляет («*Дейли экспресс*» от 17 октября):

> «день, в который Великобритания пойдет на войну, а доминионы откажутся ее поддерживать, будет днем начала упадка и развала Британской империи. С того момента Канада не сможет сопротивляться громадному влиянию САСШ. Наша судьба будет связана с их судьбой».

Великобретания не хочет связаться в данный момент ни с Францией, ни с Германией. Она хочет сохранить свободу действий. Это вытекает уже из того, что Великобритания предпочитала бы, чтобы война началась не в Европе, а на каком-нибудь другом континенте и началась таким образом, чтобы легче можно было мобилизовать силы в разных капиталистических странах в наиболее выгодном для Англии направлении. Один простодушный английский солдафон в письме, направленном в редакцию твердолобого органа «Морнинг пост», следующим образом определял направление английской политики:

> «Германия не показывает никаких признаков антагонизма по отношению к Великобритании и, наверно, приветствовала бы всякий признак дружбы с нашей стороны. Почему же мы не должны устранить наших разногласий с ней, почему же мы не должны разрешить ей вооружиться при условии, что она не будет нападать на Францию? Германия является плотиной против коммунизма. Дело может дойти до разрыва между ней и Россией. Разве мы будем стоять на стороне правительства, которое выдвигает принципы, противные нашему понятию о справедливости и морали, разве мы будем с этим правительством против Германии? Мало того, Япония может очутиться в войне с Россией. Если мы займем антигерманскую, прорусскую позицию, то мы должны занять антияпонскую позицию. Разве это умно? Япония защищает порядок против анархии и бандитизма. Наша политика должна сохранить хорошие отношения с Японией, что дало бы чувство безопасности Австралии. Само собой понятно, что мы никогда не объединились бы с ней против Соединенных штатов Америки. Наша политика могла бы принять форму антанты между Великобританией, Германией и Японией, но не против Франции и САСШ» [1].

Этот английский солдафон, пытающийся заглянуть истории под юбку,—человек не только дальнозоркий, но и хитрый. Он пытается

---

[1] Майор *Мальколь Сендеман*, «Морнинг пост», 30 октября.

скрыть, что подобная антанта была бы направлена по необходимости и против Франции и САСШ, а также против СССР. Но так далеко дело еще не зашло, и пока-что английское правительство предпринимает все, чтобы втянуть Германию обратно в «честную» семью великих империалистических держав. Вся империалистическая печать Англии открыто предлагает плюнуть пока-что на Лигу наций и вести сепаратные переговоры с Германией вне Лиги, переговоры, предметом которых должен явиться *пересмотр версальского договора*.

Лондонская «Таймс» высказывает это открыто с самой невинной в мире миной. Она устанавливает, что «становится все более ясным, что никакой существенный прогресс не возможен до тех пор, пока вопрос о пересмотре договора (версальского) не будет совершенно открыто поставлен и разрешен в ту или иную сторону». Одновременно газета сетует на Лигу наций, что ее аппарат непригоден для разрешения подобной задачи, хотя, как известно, Лига наций была создана именно якобы для того, чтобы регулировать вопросы, могущие вызывать войну, пересматривать устаревшие договоры и блюсти дело мира. Лига наций оказалась, по авторитетному заявлению руководящего органа английского империализма, неспособной выполнить задачи, для которых была создана. Сам же версальский договор, по мнению этого органа, хотя и не оказался никуда негодным, но оказался достаточно негодным, чтобы его пересмотреть.

В том же направлении, что и английская дипломатия, работает итальянская. Она распускает слухи о возможности выхода Италии из Лиги наций, о необходимости переговоров четырех западно-европейских империалистических держав с целью достижения соглашения, которое должно дать Германии «равноправие». Разногласия между английской и итальянской дипломатией состоит в первую очередь не в том, *кто из них будет главным маклером и получит причитающиеся посреднику выгоды*.

Из этого положения французское правительство не может найти никакого выхода. В Париже знают, что если начать переговоры с Германией *после ее ухода из Лиги наций*, то это, во-первых, означает действительный крах Лиги как органа, в котором господствовали Франция и Англия; во-вторых, там понимают великолепно, что в момент, когда представители Франции сядут за стол для сепаратных переговоров с Германией, придется признать необходимость уступок германскому стремлению к вооружению наравне с другими капиталистическими державами. Это не улыбается французской дипломатии. Но она боится изоляции от Англии и от Италии. Эта боязнь толкает ее на сепаратные переговоры, причем Франция надеется, что Германия, считающая, что ей удалось разрушить фронт противников, предъявит такие высокие требования, которые снова сколотят направленный против нее фронт.

Франция добивается от Германии, чтобы она перед началом подобных переговоров сказала открыто и точно, чего же она хочет. Германская дипломатия отклоняет это требование предварительного выяснения германской точки зрения. Она заявляет, что не Германия должна разоружаться, ибо она разоружена; разоружаться должны на основе принятых в Версале обязательств другие, но тогда эти другие и должны сказать, как они будут разоружаться. Она не требует, боже сохрани, никаких вооружений. Она требует только равноправия. «Фунт мяса, и ни капли больше или меньше»,—как говорил честный человек в городе Венеции, когда пытался надуть небезызвестного Шейлока.

Германия не довольствует тем фактическим положением, которое выражается в разрушении единого фронта, заключенного в октябре в Париже между Англией и Францией. Она продолжает добиваться своего. Первый ее удар имел целью заставить Великобританию покинуть единый фронт с Францией и взять на себя инициативу новых переговоров *вне Лиги наций и вне конференции по «разоружению»*. Этой цели Германия добилась предложением начать переговоры, сделанным в самом сердечном, вкрадчивом тоне по адресу Франции, и нападками германского министра Нейрата на сэра Джона. Теперь надо заставить Францию сдаться. Этого можно лучше всего достигнуть, ослабляя французские позиции.

Позиция Франции состояла в том, что прямые переговоры невозможны, так как Германия подготовляет удар по Польше—союзнице Франции. Германия продемонстрировала свои «намерения» жить в мире с Польшей. Она заявляет в декларации от 14 ноября, что не собирается решать своих спорных вопросов с Польшей при помощи оружия. Близкая к рейхсверу «*Берзенцейтунг*», с грацией, характерной для этого органа, сопровождает немецкое заявление замечанием: ну-ка, господа французы, какой аргумент вы теперь выдвинете! «Немецко-польское сближение уничтожает главный французский аргумент против непосредственных переговоров с Германией»,—такой заголовок дает «Берзенцейтунг» от 17 ноября. Одновременно спустя несколько дней в обозрении международного положения, эта газета рейхсвера ставит Польше вопрос: «Не заставит ли Польшу отказаться от непримиримой позиции в вопросе о разоружении тот факт, что Германия идет ей навстречу?»[1].

Германский удар имеет целью использовать польские тревоги, что Франция может сделать уступки Германии за счет Польши, и одновременно использовать французскую тревогу, что Польша может повести политику непосредственной сделки с Германией, которая бы ослабила Францию. Нечего говорить, что, играя такую крупную игру, Германия одновременно пытается уплатить по возможности малую цену.

Агентство Конти, официоз германского правительства, подчеркивает, что дело идет не о восточно-локарнском пакте, т. е. о добровольном признании Германией западных границ Польши, подобно тому, как Германия добровольно признала в Локарно восточные границы Франции. Агентство Конти подчеркивает, что дело идет только о повторении старой немецкой декларации об отказе от применения оружия для решения спорных вопросов. То же самое подчеркивает и официоз министерства иностранных дел «*Дейче дипломатиш-политише корреспонденц*».

Понятно, все это есть танцы на исходных позициях и борьба за исходные позиции, ибо когда лондонский «Таймс» заявляет, что версальский договор не может остаться без изменений, но что он не совсем дрянь, то встает вопрос: что же готова *Англия* изменить в этом договоре, готова ли она вернуть Германии ее колонии, разрешить ей построить первоклассный флот вместо того, который лежит на морском дне у Скапа Флоу? А если дело идет о границах Германии, готова ли бывшая Антанта вернуть ей, если не Эльзас и Лотарингию, от которых Германия «добровольно» отказалась в Локарно, то Верхнюю Силезию и «Коридор» с прибавлением разрешения на объединение Австрии с Германией? Если же ни Англия, ни Франция на это не готовы, то что остается от ревизии

[1] «Берзенцейтунг» от 21 ноября 1933 г.

версальского договора! Разрешение на сухопутные и воздушные вооружения? Но вооружения есть орудия войны. *Таким образом в результате краха конференции по разоружению Германия, не получив никаких территориальных изменений, получила бы разрешение вооружаться для того, чтобы эти изменения провести вооруженной рукой в случае какой-нибудь мировой завирухи.*

Версальский мир трещит по швам, но мировой капитализм не знает, чем его заменить. Боясь войны, которая, по правильному предчувствию Болдуина (см. его речь в Бирмингаме), приведет к краху «капиталистической цивилизации», *все империалистические державы делают все, чтобы эту войну подготовить.*

Такова диалектика развития.

«Правда» от 26 ноября 1933 г.

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ФАШИЗАЦИЯ ПРИБАЛТИКИ

Эстонское правительство произвело аресты среди руководителей организации эстонских немцев. У барона фон-Цур-Мюлена найдена была маленькая печать, носящая невинную надпись: *национал-социалистический комитет эстонской области.* Основные германские организации в Эстонии оказались просто разветвлением национал-социалистической партии Германии. Не подлежит сомнению, что так же обстоит с немецкими «братствами» и организациями в Латвии. Вся германская печать в Латвии с «Ригаише рундшау» во главе полностью фашизирована. Снято старое «демократическое» руководство с Павлом Шиманом во главе и действительное руководство германской прессы и германских организаций в Латвии перешло в руки представителей гитлеровцев в Латвии. Связи, объединяющие финских фашистов с германскими, никогда не скрывались. В буржуазных кругах Прибалтики, не перешедших еще полностью на фашистские рельсы, возрастает беспокойство, вытекающее не столько из любви к демократии, которая в этих странах, объявивших коммунистическое движение вне закона, не существует, а *из боязни потери независимости балтийских стран.*

Мы думаем, что эта боязнь вполне обоснована. Присмотримся сначала к фактам, говорящим об этом очень внушительным языком, а после — к тем свидетельским показаниям германской фашистской печати, которые устраняют остатки возможных сомнений.

* * *

Начнем с Латвии, оставляя пока в стороне Литву, хотя она является важнейшим звеном в совокупности отношений прибалтийских государств и Германии. Незачем подробно говорить о тех позициях, которые занимали германские помещики в продолжение 700 лет в жизни Латвии. 25 тысяч германских помещиков держали в своих руках 50 процентов латвийских земель. Роль крупной германской буржуазии в промышленности и торговле Латвии была преобладающей. Вокруг германских помещиков и капиталистов кормилось большинство германского населения в Латвии, составляющего 120 тыс. Это был широкий слой адвокатов, врачей, пасторов, учителей, приказчиков, считавшихся членами

господствующего класса и смотревших с глубочайшим презрением на латышей, как на низшую расу. Возникновение независимой Латвии, вызванное крахом царизма и разгромом германского империализма, позволило латвийскому крестьянству разгромить германских помещиков. Аграрное законодательство независимой Латвии оставило за германскими помещиками только кулацкие хозяйства. Германские бароны, которые любят говорить о привязанности к земле, о том, что помещик и крестьянин представляют ту же самую категорию людей, кровно связанных с землею, пришли к убеждению, что земля—вещь очень хорошая, но когда имеешь по крайней мере 2 тысячи гектаров, когда же надо добывать хлеб на 40 гектарах, то не стоит возиться с навозом. Значительная часть германских помещиков эмигрировала из Латвии в Германию, влившись в германские националистические организации, которые ставили себе задачей завоевание Прибалтики. Другие отхлынули в латвийские города, создавая там центры людей, ненавидящих независимую Латвию и ждущих своего времени. Германская крупная буржуазия осталась нетронутой. Она взяла на себя подкармливание остатков помещичьего класса и националистической интеллигенции, плачущей о потерянном рае, в котором господа балтийские бароны могли так красиво объединять эксплоатацию латвийских крестьян со службой в царской охранке. Осколки эти кормились надеждой, что экономическая связь Латвии с Германией сделает свое и позволит переждать до момента, когда германский орел расправит потрепанные крылья и когда германские всадники оседлают лошадей с песней: «Wir wollon nach Ostland reiten» («повернем своих коней на Восток»).

Экономический кризис, жестоко ударивший по латвийскому кулачеству, вывозящему продукты сельского хозяйства в Германию и Англию, поразивший мелкую буржуазию, вызвал фашистские течения в самом латвийском населении. Речь идет не только о таких организациях, как *Перконкруст*, так называемое «Объединение латышского народа», занявшее место закрытой в марте 1933 г. организации Угункруст (огненный крест—свастика). Эта организация городской мелкой буржуазии, ратующая за полную фашизацию латвийской политики, проявляющая крайнюю ненависть к СССР, собирает фашистские элементы латвийского мещанства. Но за ней стоит кулацкая партия «*Крестьянский союз*», возглавленная Ульманисом, опирающаяся на кулачество, заинтересованное в росте экспорта в Германию. Несмотря на то, что «Крестьянский союз» был почти постоянным участником всех латвийских правительств и порядочно замарал свои руки в коррупции, свойственной буржуазной демократии, господа из «Крестьянского союза» ведут теперь демагогическую агитацию против «партийных правительств», требуя сильной власти, независимой от парламента, и ставя примером фашистскую Германию. После прихода к власти национал-социалистов в Германии господин Ульманис поет песню в честь германского фашизма. Организация «Перконкруст» на словах выступает против германских империалистических тенденций в Прибалтике, ибо она ведет националистическую демагогическую агитацию. Но германские фашисты в Прибалтике, как мы это покажем дальше,—люди дела, знают цену фразам и знают очень хорошо *логику событий*. Они видят во всем фашистском движении в Латвии своего союзника или, лучше говоря, *лошадь, которую им легко удастся оседлать*.

Социальная обстановка в *Эстонии* очень похожа на латвийскую. Разбиты, но не добиты остатки германских помещиков, полные ненависти к независимой Эстонии, в которой они не имеют руководящей роли. Они великолепно организованы, ведут энергичную работу по сколачиванию всех немцев в одну национал-социалистическую организацию, которая должна в будущем сделать из Эстонии «Гау-Эстлянд»— «Эстонскую область» империалистской Германии. Они проникают в эстонскую администрацию и армию, но, понимая великолепно, что эстонские немцы чересчур слабы для захвата власти, они ставят ставку на организацию так называемых *ветеранов*, которая охватывает участников войны и националистическую молодежь и опирается на социальное недовольство деревенской и городской мелкой буржуазии. Эта организация подобно латвийскому Перконкрусту на словах антинемецки настроена, на деле же является трамплином германских баронов, пытающихся захватить власть в Эстонии.

Фашистское движение в *Финляндии*, перешедшее от лапуасского периода массовых демонстраций к так называемому легальному периоду «патриотического народного движения», имеющего свое представительство в парламенте, борется за полную фашизацию Финляндии и за направленную против СССР *программу так называемой «великой Финляндии»*. Германские элементы не играют в этом движении непосредственно руководящей роли, ибо германские помещики и капиталисты не представляют никакой величины в Финляндии, но внешнеполитическая программа финляндских фашистов, противопоставляющая их СССР, неминуемо вызывает у них стремление опереться на германский фашизм, как силу, направленную против СССР.

Если попытаться подытожить развитие фашистского движения в прибалтийских странах, то надо установить три момента: *первый* состоит в *единстве стремлений* латвийских, эстонских, финляндских фашистов и германского фашизма, что лучше всего выразил орган эстонских фашистов «Витвус» в следующих словах:

> *«Германия вступает в новый период, период народного управления. Победа Гитлера—новое доказательство банкротства партий. Победа Гитлера симптоматична для нашего будущего».*

Во-вторых, надо установить, что во всех балтийских странах существует *мост, переброшенный от местного фашистского движения к германскому фашистскому движению*. Газета «Бальтишер беобахтер» от 15 октября 1932 г. засвидетельствовала это, поскольку речь идет об Эстонии, в следующих словах:

> «Между эстонскими немцами и эстонскими ветеранами официальной связи нет. Но между ними существуют известные симпатии, имеют место неофициальные и несвязывающие переговоры, которые ведутся обеими сторонами».

С того времени эти переговоры наверно стали более определенными и более насыщенными.

Наконец берлинская газета «*Дер таг*» от 20 июля поставила точку над «i» следующими словами:

> *«Фашисты маленького государства не могут существовать без поддержки. Так как таковой нечего ожидать от Советской России, то необходимо обратиться к Германии».*

Вот факты, которые может установить всякий газетный читатель. Они говорят о том, что во всех балтийских государствах возникло на основе кризиса капитализма фашистское движение, что в этих государствах представители низверженного помещичьего класса, представители немецких баронов организуют *отделения национал-социалистической партии Германии*, входят в связь с местным фашистским движением с целью, *взяв в свои руки руководство этим движением, начать борьбу за захват власти*. После того как это движение приведет к победе внутри страны, оно должно *облегчить присоединение Прибалтики к Германии*.

* * *

Но, может быть, мы имеем здесь дело с беспочвенными мечтами разбитых историей групп, у которых выросли аппетиты и под влиянием кризиса, и под влиянием прихода к власти в Германии национал-социалистов? Такой взгляд на дело был бы глубоко ошибочным. Прежде всего: чем более уходит почва из-под ног определенных социальных групп, тем более они способны на политику авантюр, тем более они пытаются подменить социальную почву, уходящую из-под их ног, политической властью. Если земля не кормит, пусть кормит казенный пирог. Но речь идет о мечтах далеко не одних только балтийских баронов, ищущих опоры в фашистском движении прибалтийских стран. Речь идет *о политической программе германских национал-социалистов, о программе германского фашизма*.

В журнале «клуба господ» «*Дер ринг*» от 8 декабря, журнале, как известно, стоящем очень близко к вице-канцлеру *фон-Папену*, помещена статья «*Слово по адресу польских патриотов*». В этой статье мы читаем:

> «Мы убеждены, что в Польше существуют патриоты, которые многому научились из истории немецко-польских отношений и истории Европы, которые из нее научились не меньше, чем мы. А эта история доказывает, что не только немцы и поляки, но все народы Центральной Европы являются слишком соседями, слишком объединены судьбой, чтобы они могли быть нейтральными по отношению друг к другу. Эта история определила особенным образом духовное содержание этих наций, она показывает, что *Азия стоит у ворот Центральной Европы*. Нападения гуннов, татар, турок приходилось отбивать на полях сражения *Центральной Европы. А теперь чем же другим является большевизм, если не Азией?*
>
> Мир принял другую форму. Существует *союз британских народов, Союз социалистических советских республик, Франция, связанная с Северной и Центральной Африкой, пан-Америка, возникает Японская империя*. Вот реальности сегодняшнего дня. *Центральная же Европа разбита на 13 государств:* Болгария, Данциг, Германия, Эстония, Финляндия, Югославия, Латвия, Литва, Австрия, Польша, Румыния, Чехо-Словакия, Венгрия. *Великим замкнутым хозяйственным областям противостоит атомизированная Центральная Европа*».

Изобразив так плачевное положение Польши, Эстонии, Латвии перед лицом наступающих гуннов, татар и турок, орган, близкий вице-канцлеру фон-Папену, пишет:

«Стремление объединить всю географическую Европу разбивается о реальность Британской империи и европейско-африканской империи Франции. Попытаемся поэтому сделать первый шаг. Создадим из внутреннего единства Центральной Европы, выражающегося в общности духа, в совместной христианской вере, в хозяйственной связанности, в одинаковых политических судьбах, *хозяйственное и политическое объединение*».

Орган, близкий фон-Папену, который вчера еще предлагал Франции военный союз, выдвигает *программу центрально-европейского объединения*. Он, понятно, заявляет, что эта программа не направлена против Франции, но он не считает необходимым хотя бы на словах заявить, что эта программа не направлена против СССР. Таким образом мы видим восстановление *программы наумановской «Миттель-Европе», программы объединения срединной Европы под германским владычеством, под знаменем которой, как известно, германский империализм шел на войну*. Является ли господин фон-Папен изолированным с этой своей программой? Возьмем другой, очень видный орган германского империализма—журнал «*Фольк унд рейх*», стоящий близко к рейхсверу.

В ноябрьском номере этого журнала за 1933 г. помещена статья писателя под истинно германской фамилией *Фрица фон-Шамье* под заглавием «*Балтика и позиция Германии*». Эта статья обращается не к Польше, а к совокупности балтийских стран. Она берет прямо быка за рога. Она начинается со слов, что

«*вопрос о национальном существовании балтийских государств—Эстонии, Латвии и Литвы—стоит теперь в форме вопроса об их внутренней конституции*. Этот вопрос является для государств, которые впервые в истории получили государственную независимость в теперешних своих размерах, *вопросом жизни и смерти*».

Почему это так грозно ставит вопрос господин Шамье? Он мотивирует свою постановку вопроса следующими аргументами: Европейский капиталистический мир опирался на Версальский договор и на демократическую систему. И Версальский договор и демократическая система обанкротились. Теперь надо себя спросить, что же дальше? Господин Шамье делает обзор положения.

Что касается *Литвы*, он пишет: «Вольдемарас пал потому, что тогдашняя правительственная политика не понимала и не могла его понимать и предпочла человека политической рутины Сметону—неуклюжему и хитрому энтузиасту». Вольдемарас был, по мнению Шамье, национал-социалистом. Его заменила не демократия, но полицейский режим, который может существовать лишь до тех пор, пока у литовцев есть что кушать. Кризис ухудшает положение Литвы, и Германия не имеет причины ускорять решений насчет своей политики по отношению к Литве, пока не урегулирован вопрос о Мемеле. Смысл этого ясен. Когда литовцы сделают уступки в мемельском вопросе, Германия сделает уступки, позволяющие литовцам использовать германский рынок, т. е. поставить вопрос о *включении Литвы в таможенную унию*.

Что касается *Эстонии* и *Латвии*, то экономический кризис подорвал их экономическую стабильность. «*События последнего времени в Эстонии*—уход правительства и плебисцит против парламентского режима—

позволяют ожидать скорого прорыва фронта в Ревеле». В Латвии автор считает, что ««Перконкруст» является интеллигентским движением, не могущим самостоятельно взять власть, и ставит ставку на «Крестьянский союз». «Более вероятным является переход власти к сельским организациям, т. е. «Крестьянскому союзу» и милиции, созданной из его кругов». Что же дальше? «Допустим,—пишет автор,—что в Эстонии к власти придут ветераны, в Латвии—имеющий сильно фашистскую ориентацию «Крестьянский союз» совместно с кругами «Перконкруста». Тогда в обеих странах станет *вопрос о руководстве».* О каком руководстве говорит г-н Шамье? Послушаем его нарочито туманный и несмотря на это достаточно ясный ответ:

«Мы даем себе отчет в том, что в настоящее время еще надо основательно подумать с точки зрения внешней политики, прежде чем ответить с немецкой стороны на поставленный выше вопрос указанием на *глубокую духовную связь эстонцев и латышей с германским народом,* связь, которую часто так страстно отрицают и ненавидят. Это указание с германской стороны (автор употребляет слово «*рейхсдейч*», т. е. со стороны немцев из Германии) сегодня необходимо не для агитации, а для выяснения положения. Экономическая связь с Германией? Да, *экономическая зависимость от германского рынка балтийских государств является фактом,* известным всем сведущим людям и не поддающимся изменению. Но из этого материального факта вытекает больше недоверия и отчуждения, чем аргументов для политики сближения».

Так что же тогда делать? Народы балтийские должны понять, что им нельзя жить по-старому, а по-новому они могут жить только как часть Германии.

«Они принуждены сегодня искать *новых дорог,* хотят ли они, или не хотят. Это не немецкий приказ, как приказом Франции являлась европейская демократия. Это веление тысячелетней европейской истории. Искать новые пути в форме поисков *рынков сбыта для масла* и ничего больше окажется *через очень короткое время недостаточной духовной установкой перед лицом судьбы собственного народа.* Новые практические пути можно найти только в рамках *большой концепции совместной жизни европейских народов,* которая базируется не на фразеологии буржуазной революции против абсолютизма и дворянства, происшедшей 150 лет назад, а на исследовании духовных и материальных потребностей жизни теперешних народов. Оформление будущего—вот натуральный смысл конституционных кризисов балтийских государств, а *дух и воля, с которыми эти старые, но одновременно новые народы приступают к решению гадачи, определят и их отношение к Третьей империи».*

Если отбросить всю философию г. Шамье,—а без философии господа фашисты писать не умеют,—то статья сводится к следующему: балтийские страны экономически зависят от Германии. Они добиваются новых рынков сбыта для своих сельскохозяйственных продуктов. *Они получат германский рынок, если создадут у себя фашистское правительство и пойдут в той или в другой форме на объединение с Третьей империей.*

В изданной в Риге в 1933 г. брошюре «Германская революция и ее влияние в Прибалтике» немецкий фашист *Кауль* пишет: «Латыши—маленький народ. В отношениях с маленькими народами надо применять такую же самую тактику, как в отношениях с маленькими детьми. Но мы обращались с маленькими народами, как со взрослыми. В обращении с маленькими детьми надо придерживаться правила, *пряник и кнут*, т.-е. мягкость и одновременно строгость». И вот господа германские фашисты в качестве пряника выдвигают перспективу *таможенной унии*, которая должна создать рынок сбыта для балтийских продуктов сельского хозяйства, но одновременно они угрожают балтийской буржуазии *кнутом фашистских заговоров*. Это сегодня. *А чем будут угрожать завтра—это еще увидим.* Одно ясно,—господин Шамье абсолютно прав. *Вопрос о внутренних отношениях балтийских государств стал вопросом об их политической независимости. В тот день, в который фашизм победит в балтийских государствах, независимость этих государств придет к концу. Они будут съедены германским империализмом, который захочет сделать из них плацдарм против СССР.*

Теперь, в период, когда германский империализм борется за создание орудия своей внешней политики за довооружение, он пока-что только *подготовляет* направление и плацдарм своего внешнего политического удара. Он ведет с Польшей переговоры, чтобы прельстить ее перспективой признания ее западных границ, но одновременно он создает *опорные пункты* в Эстонии, Латвии, Литве, *чтобы создать в тылу Польши продление восточно-прусского плацдарма.* Комбинация удара на Грудзенц и Гродно—неплохая стратегическая идея. Включение Эстонии, Латвии и Литвы в таможенную унию с Германией может быть только подготовительной фазой для ликвидации так называемого коридора, ибо экономическое овладение Прибалтикой было бы только вступлением к военной и политической унии ее с Германией. Тогда отсутствие сплошного сухопутного пути от Берлина на Ковно, Ригу и Ревель потребовало бы исправления.

* * *

Происшествия в Ревеле, в Риге кажутся событиями локального значения. Но на деле мы имеем здесь события большого международного значения, события, посредством которых германский империализм пытается подготовить почву для продвижения путями Гинденбурга, Людендорфа и Фон-дер-Гольца. Общественное мнение Советского Союза смотрит с глубоким вниманием на эти события, ибо оно *видит в независимости балтийских стран залог мира на Востоке Европы, в нарушении этой независимости—опасность для дела мира.*

«Известия» от 17 декабря 1933 г.

ИТАЛИЯ
И РЕВИЗИЯ ВЕРСАЛЯ

КУРЯТНИК И ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Следуя лозунгу, который, по некоторым сведениям, украшал спасательную станцию на Неве: «*спасание утопающих есть дело самих утопающих*», руководители правительств капиталистических стран в последнее время заметно засуетились. После года заседаний конференции по разоружению, во время которых состоялось по крайней мере сто свиданий разных глав разных правительств, глава английского правительства *Рамзей Макдональд* полетел со своим министром иностранных дел в Рим для свидания с главой итальянского правительства *Муссолини*. Оба бывших члена II интернационала решили, что если никто не спасает капиталистического мира, то это должны сделать они, несмотря на то, что между ними нет единодушия в вопросе о принципах спасательной миссии: г. Макдональд до сегодняшнего дня продолжает быть убежденным демократом и пацифистом, а г. Муссолини—наоборот. Что предлагали друг другу оба государственных мужа, доподлинно неизвестно. «Коммюнике», выпущенное по поводу этих переговоров итальянским правительством, содержит только туманные слова. Речь Макдональда в палате депутатов от 23 марта прибавила к итальянскому туману английский. Но, судя по всем сведениям печати, оба деятеля пришли к убеждению, что нужно, чтобы *четыре западно-европейских капиталистических великих державы*—Англия, Франция, Германия и Италия—создали консорциум для спасения человечества. Они должны решить между собой, в каких лекарствах и в каких операциях нуждается капиталистический мир. А так как оперировать придется не их (консилиум ведь врачи устраивают между собою, а не с больными!), то те, кому надлежит подвергнуться операции, должны дать свое согласие на эту процедуру.

Обыкновенно больным перед операцией для успокоения говорят, что дело не так страшно, что нужно только «известное вмешательство». Лондонский «Таймс», следуя этому обычаю, в № от 20 марта успокаивал заинтересованные мелкие державы, что ни о какой хирургии,—сиречь территориальных перекройках,—речи быть не может, что дело идет о «психологических изменениях». Господин Макдональд к уже указанной речи добавил от себя, что надо в первую очередь признать равноправие Германии, ибо она очень страдает от сознания своего неравенства, но не может быть и речи о том, чтобы Германия увеличила свои вооружения, что, наоборот, надо уменьшить вооружения,

чему и служит английский план (неизвестно который по счету), представленный им в Женеве и впервые содержащий конкретные цифры, хотя в их точности господин Макдональд не убежден.

Французская империалистская печать, считая, повидимому, что соловья баснями не кормят, не поверила на слово в безболезненность методов, предлагаемых Муссолини и Макдональдом. Она, во-первых, взволновалась по поводу неравенства, которое хотят создать итальяно-английские любители равноправия. Франция не признает консорциума великих держав,—заявляла французская империалистическая печать. Ведь равенство является французским лозунгом со времен Великой революции. Франция—защитник маленьких наций. Почему не должны принимать участия в спасении мира и Чехо-Словакия, и Румыния, и Югославия, и совсем не малая страна Польша? Во-вторых, французская печать не верит, что гитлеровская Германия стремится только к удовлетворению чувства равноправия. Она подозревает, что германским фашистам наплевать на принципиальное равноправие, если им не позволят построить соответственное количество танков и военных аэропланов, причем—чем больше, тем лучше. Наконец она высказала предположение, что люди, жалующиеся на то, что у них была отнята территория, хотят строить эти танки и аэропланы не для прогулок по суше и по воздуху, а для того, чтобы иметь средства, позволяющие исправить Версальский договор. Но ввиду того, что французы народ исключительно вежливый, они не отклонили сразу итальянских предложений, переданных им Макдональдом, а начали эти предложения «перерабатывать». Если в этих предложениях подчеркивается, что уже Версальский договор в 19-м параграфе допускает возможность ревизии тех своих пунктов, которые окажутся несоответствующими времени, то тот же самый Версальский договор указывает, что Лига наций должна принять меры против всякого, кто нарушит этот договор и посягнет на территориальную целостность своего соседа. Разве можно рассматривать изолированно 19-й параграф? Это противоречит диалектической логике, которая требует полного опосредствования явления. Кроме того, четыре великих западных державы, солидарность которых, понятно, необходима, хотя так трудно достижима, являются постоянными членами Совета Лиги наций. Они должны высоко уважать Лигу наций и поэтому не должны принимать никаких решений, вопреки ей и минуя ее.

Малая Антанта оказалась не вполне удовлетворенной версальски-вежливыми методами французской дипломатии. Она совсем недавно, очевидно, в предчувствии намерений г. Муссолини спасать мир, создала себе постоянный представительный орган, который позволяет Румынии, Югославии и Чехо-Словакии выступать на международной арене как одно целое. Г. Муссолини, как известно, обрушился в «Морнинг пост» на эти претензии, заявляя, что из блока трех территориально разъединенных маленьких держав, из которых каждая болеет другой болезнью, нельзя создать одной великой державы. Малая Антанта, не соглашаясь с этим мнением, заявила в решительной декларации, что она не намерена давать согласия ни на какие «операции» своей территории и вообще не позволит распоряжаться своими интересами без ее согласия. Г. Титулеску, который еще недавно находился в великолепных отношениях с соответствующими английскими кругами, поспешил в Па-

рик восстанавливать французские империалистические круги против «коварного Альбиона».

Польша официально не высказывалась по поводу всей этой шумихи, но только-что назначенный польским послом в Рим граф Потоцкий отказался ехать на место своего назначения, что является одним из показательных жестов, предпочитаемых в подобных дискуссиях маршалом Пилсудским, великим знатоком старого польского крепкого языка. Польский официоз «*Газета польска*» не только выступила против плана Муссолини и Макдональда, но заявила Франции, что если, как это думают некоторые в Париже, четыре джентльмена будут сидеть в глубоких креслах и вызывать для допроса обвиняемых с тем, чтобы предоставлять им скромный стул, то этот стул окажется пустым. В номере от 9 апреля «Газета польска» печатает большую передовицу под заглавием: «*Проект пакта четырех или четыре проекта пакта*», где вычисляет, что уже существуют четыре проекта пактов: *проект Муссолини* был под давлением французов *переработан* очень основательно *Макдональдом*. Этот второй проект Макдональда тоже не принят Францией, и *Франция* вырабатывает *третий* проект. *Германия* же, которая приветствовала проект Муссолини, наверно противопоставит *свой проект* английским и французским попыткам изменить итальянский. Польский официоз выступает против деления держав на великие и малые. Он заявляет, что «в современном мире нет возможности вернуться к открытому или скрытому *торгу живым телом народов* соответственно потребностям нескольких государств, хотя бы объединенных более или менее святым союзом». Не довольствуясь этим, «Газета польска» указывает, что «*так называемые великие державы не являются больше величиной несравнимо большой по отношению к другим державам*». Иначе говоря, польский официоз подчеркивает, что мировой экономический кризис, затруднения, им вызванные, позволяют и меньшим державам бить посуду. Наконец польский официоз переходит в лобовую атаку, указывая на источник относительной силы и меньших держав:

> «История последних лет показывает, что *великие державы далеки от гармонии в вопросах, непосредственно их касающихся*. Наоборот, *интересы их противоречат друг другу по всем направлениям*, в наиболее важных, узловых пунктах современной международной жизни. *Разве они думают, что легче создадут эту гармонию, когда займутся чужими делами? Кто ищет солидарности этих четырех держав, тот ищет фикции, которая не может уже никого обманывать. Ясно, в проектируемом пакте всякий из контрагентов ищет чего-то другого*».

Кошачий концерт, который вызван попыткой создания блока четырех держав для ревизии Версальского мира, еще не улегся, как президент Соединенных Штатов господин Рузвельт пригласил Англию и Францию послать своих представителей в Вашингтон для переговоров с ним, добавляя при этом, что Соединенные Штаты готовы любезно принять и представителей всякой другой «признанной» (кем признанной?) державы, если она считает необходимым что-нибудь сообщить Соединенным Штатам. Как неизвестно в нашу эпоху «демократии» и «полной гласности в международных делах», что говорил г. Муссолини г. Мак-

дональду и что ответил ему Макдональд, какие разговоры шли между Францией и Англией и чего добивается г. Гитлер, так *неизвестно и то, о чем хочет говорить президент Соединенных Штатов с представителями «признанных» держав.* Можно только догадываться. Итак одни догадываются, что г. Рузвельт хочет предостеречь эти державы от всякой попытки совместного выступления по *вопросам о долгах.* Кредиторы любят, когда все должники отвечают друг за друга при уплате долгов, но не любят их солидарности в отказе от уплаты долгов. По догадкам других г. Рузвельт хочет обратить внимание четырех держав на то, что *Азия тоже является частью мира* и что, если уже спасать человечество от опасности войны, то стоило бы позаботиться и насчет умиротворения Азии, где некая держава захватила провинцию, равную по величине Франции и Германии вместе взятым, и, принимая любезно участие в конференции по разоружению, открыто заявила, что ввиду возросшей с присоединением этой территории ответственности она должна увеличить свой флот и свою армию. Третьи догадываются, что господин Рузвельт попытается проверить, не намерена ли Англия понизить свои *тарифы.* Иные наконец считают, что если столько великих и цивилизованных держав потратятся на поездки своих представителей в далекую Америку, то неплохо было бы поговорить, *нельзя ли добиться соглашения (такого трудного по другим вопросам!) за счет «непризнанных варваров», которые, как известно, имеют то неприятное свойство; что явятся наследниками капиталистического мира, если дело спасания утопающих самими утопающими не выйдет.* Во всех этих догадках опасения и желания смешаны в одно, и, как говорит немецкий философ, неизвестного знать нельзя. Но не подлежит сомнению тот факт, что Соединенные Штаты Америки не согласны с тезисом господина Муссолини о том, что они имеют *особую ось*, вокруг которой вертятся, СССР—особую, и только Италия, Франция, Англия и Германия вертятся, хотя и со скрипом, вокруг одной оси. Очевидно, президент Соединенных Штатов не пригласил представителя Италии и позволил ему только в качестве «признанной» державы самому «пригласиться» для того, чтобы он мог выразить господину Муссолини недовольство по поводу этой теории об осях.

* * *

Если современный Плутарх, пишущий хронику последних недель, не может пользоваться возвышенным повествовательным стилем древнего историка, ибо картина суетни может быть нарисована только кистью сатирика, то все-таки эта суетня имеет свои очень *серьезные основания.* Испуганное кудахтание кур около разрушенного курятника может быть вызвано серьезными *подземными толчками, предвестниками землетрясения.* И так именно обстоит дело теперь. Не подлежит сомнению, что благодаря целому сплетению исторических событий *ревизия Версальского договора стала предметом борьбы, которая будет обостряться с каждым днем.* Мы не хотим сейчас анализировать, почему эта борьба поставлена теперь в порядок дня истории, и входить в оценку позиции разных великих держав по существу. Мы хотим только установить, *что ни одна из них не выдвинула не только конкретного плана*

ревизии договора, но и принципов, на которых она хочет обосновать эту ревизию. Ни одна из них не выдвинула плана, как можно устранить страдания, причиняемые миру Версальским договором, не создавая предпосылок для новых страданий. Обвинять в этом капиталистический мир мудрено. Один из героев романа *Ильи Эренбурга* на упреки своей Дульцинеи, что он совсем не похож на других дон-жуанов, рассказывает, что некий бедный еврей продал другому корову, которая оказалась очень плохой поставщицей молока. На жалобы пострадавшего он ответил: «*Чего кричишь, разве она не дает молока потому, что не хочет? Она, повидимому, не может*». Капиталистический мир перед лицом потрясений, которым он идет навстречу, не может выдвинуть *никакой конструктивной идеи* и поэтому постоянно дискутирует вопросы, так сказать, процедурного порядка.

Часть великих держав обрушилась на *мелкие державы*, представляя их в качестве единственного препятствия для приведения мира в порядок. Но ведь не эти маленькие державы создали Версальский мир, который теперь явственно для всех затрещал по всем швам. В своих записях о Версальской конференции главный советник Вильсона полковник *Хауз* записывает под датой 31 мая 1919 г.:

> «Я не пошел на пленарную конференцию, я в корне не согласен с тем, как она ведется. *Договоры фактически заключаются за закрытыми дверями, и малые нации, наиболее в них заинтересованные, ничего не знают о выработанных условиях, пока им не прочтут их на пленарном заседании*»[1].

Малые державы получили на Версальской конференции название «держав со специальными интересами». Все вопросы решали представители четырех великих держав, вызывая маленьких мира сего только выслушать их мнение насчет этих «специальных интересов». Из военной и территориальной комиссии, подготовлявших самые важные решения, большинство этих держав было просто исключено. Они обивали пороги передних Вильсона, Ллойд-Джорджа и Клемансо, чтобы подсунуть «организаторам мира» меморандумы, которые не удостаивались прочтения. После того как Версальский мир, состряпанный «великими», оказался, по мнению части самих его организаторов, не очень-то идеальным, они теперь обрушиваются на «малые» нации, требуя от них спокойствия, смирения и невмешательства в дела «отцов человечества».

Мы не убеждены, что представители малых держав имеют особенные головы и что эти головы наполнены гениальными идеями, которых мы впрочем не замечаем и у представителей великих держав. Но ясно одно,—что всякая попытка решения вопросов о мире без представительства *всех* держав, без их ближайшего участия, кончится войной, ибо теперешний развал капиталистического мира действительно лишил великие державы тех рычагов, при помощи которых они могли раньше навязывать свою волю меньшим державам. Во времена, когда Швейцария поставляла наемных солдат во все армии Европы, говорили: «Нет денег,—нет швейцарцев». А денег теперь и у великих держав, страдающих под ударами кризиса, не так уж много.

---

1 House «Intimated papers», т. IV, стр. 472. Нью-Йорк, 1928.

* * *

Советский Союз не принимал участия в Версальской конференции, которая вынесла ему смертный приговор. Он живет и здравствует, так сказать, «противозаконно». Он не связан ни с какой империалистской группировкой, стоит на *собственных ногах*. Он готов защищать свои интересы против попыток их нарушения, откуда бы они не исходили. Не вмешиваясь в драку империалистских держав, он будет *следить с величайшей бдительностью за всякими антисоветскими тенденциями капиталистического мира*. Державы, подчеркивающие, что их решения не касаются Страны Советов, только *усилили* бдительность Советского Союза. Кудахтанье куриц вокруг разрушенного курятника нас мало интересует. Но насчет полезности землетрясений мы особого мнения.

«Известия» от 12 апреля 1933 г.

ПАКТ ЧЕТЫРЕХ

По газетным сведениям, предстоит подписание пакта четырех держав—Англии, Франции, Италии и Германии. Значение этого пакта можно уяснить себе только на основе изучения его истории.

Приход в *Германии* к власти национал-социалистов еще более обострил вопрос о ревизии Версальского договора, уже с 1930 г. все чаще ставившийся в порядок дня: достаточно вспомнить конфликт, возникший в связи с проектом австро-германской таможенной унии, постановку вопроса о ревизии польско-германской границы, постановку вопроса о равноправии Германии в вооружениях. Приход к власти национал-социалистов, которые в продолжение многих лет мобилизовали народные массы под лозунгом борьбы против Версальского договора, вызвал в международной дипломатии убеждение, что вопрос о ревизии входит в решающую стадию. И Франция, стоящая на защите ненарушимости Версальского договора, и Англия, опасающаяся оказаться перед необходимостью выбора между Францией и Германией, видели главную опасность в возможности возникновения твердого *итало-германского блока*. Поэтому *английская* дипломатия поставила себе в качестве первой задачи использование своих связей с итальянским правительством для урегулирования вопроса. С этой целью английский премьер Рамзей Макдональд и английский министр иностранных дел сэр Джон Саймон посетили 18 марта 1933 г. Рим, где им главой итальянского правительства Муссолини был предложен проект пакта четырех. Не подлежит никакому сомнению, что этот проект был подготовлен совместно и английской и итальянской дипломатией путем официальных или неофициальных переговоров. Текст этого проекта долго скрывали от общественного мнения, передавая очень неточно его содержание. Он был предан гласности только *10 мая* в приложении к докладу комиссии по иностранным делам итальянского парламента.

Решающее значение в этом варианте пакта имели два пункта: § 2 проекта гласит: «Четыре державы *подтверждают принцип ревизии* мирных договоров соответственно статуту Лиги наций в случае, если бы возникло положение, которое могло бы привести к конфликту между государствами». Этот параграф определял таким образом задачу пакта, как подготовку *проведения ревизии Версальского договора*.

Конкретизируя эту задачу, проект пакта устанавливал в дальнейшем, что реализация равноправия Германии в вооружениях должна пройти этапами и путем переговоров между названными четырьмя странами.

Но римский вариант проекта пакта четырех не ограничивал его задачи одними лишь вопросами, связанными с ревизией Версальского договора. Четвертый его параграф гласил: «*Четыре державы обязываются проводить по возможности общую линию во всех политических и неполитических вопросах как в Европе и вне ее, так и в колониях*». Этот параграф таким образом имел в виду создание *единого фронта руководящих капиталистических держав Европы*, как в европейских, так и во внеевропейских вопросах. Пакт четырех держав должен был стать орудием, направленным и *против САСШ*, и *против СССР*, и *против малых стран Европы*, и наконец *против колониальных народов*.

Основная идея пакта четырех была поэтому тождественной с основной идеей пан-европейского пакта, который в свое время предлагал Бриан. Но так как этот проект провалился из-за стремления германской буржуазии играть в нем равную роль с французской, то английская дипломатия, вынимая из рук французской буржуазии *знамя священного союза европейских капиталистических держав*, подготовляла его организацию путем хотя бы частичного удовлетворения требований германской буржуазии или по крайней мере обещаниями эти требования в дальнейшем удовлетворить.

Пакт четырех в его римском варианте *провалился*. Во-первых, он встретил *отпор французской дипломатии*, протестующей против официальной постановки английской и итальянской дипломатией вопроса о ревизии Версальского договора. Он встретил еще более решительной отпор со стороны *Малой Антанты* и *Польши*, которые видели в нем попытку решения великими державами вопроса о территориях, требуемых Германией и Венгрией. Малая Антанта и Польша произвели громадный натиск на французскую дипломатию, добиваясь от нее заявления, что ни один вопрос, касающийся ревизии договоров, не будет не только решаться, но и обсуждаться без их участия. Польская официозная печать заявила, что о так называемом коридоре можно разговаривать только языком пушек. Проект пакта четырех встретил сопротивление и в *самой Англии*. Он был выдвинут в момент, когда политика германского фашизма вызвала большое возмущение в так называемом общественном мнении стран Западной Европы. Этим воспользовалась часть английских твердолобых для выступления против ревизии Версальского договора, прикрывая свои стратегические расчеты гуманитарными соображениями. Эти твердолобые, понятно, не менее, чем режиссеры пакта, хотели бы создать единый фронт капиталистических держав Европы против СССР, Соединенных Штатов и колониальных народов. Но они считают, что попытка купить мощь Германии ценой ревизии Версальского договора кончилась бы войной между капиталистическими державами, а не походом против СССР. Их план состоит из поощрений нападения на СССР японского империализма, который должен втянуть и другие капиталистические державы. Так, под давлением военной необходимости может легче возникнуть тот единый фронт, который нельзя создать дипломатическим путем.

Сопротивление, которое вызвал проект пакта четырех, не прекра-

тило переговоров об его осуществлении. Германское правительство попыталось разрядить атмосферу речью рейхсканцлера Гитлера от 17 мая, в которой он заверял мир о своем желании решать все спорные вопросы дипломатическим путем, о своих пацифистских настроениях и уважении к интересам других народов. Французская дипломатия со своей стороны требовала, чтобы пакт упоминал не только о 19-м параграфе устава Лиги наций, предвидящем возможность ревизии Версальского договора, но и о параграфах 10-м и 16-м, обязывающих всех участников Лиги наций поддержать страну, подвергшуюся нападению. Из долгих переговоров, которые велись за последние два месяца за дипломатическими кулисами, родился *новый проект пакта, опубликованный в Риме 31 мая.*

Этот новый проект пакта пытается тщательно замести все *следы* своего возникновения. Ввиду того, что малые державы протестовали против решения их судеб четырьмя крупными державами, заявляя, что для этого именно создана Лига наций, новый проект божится беспрерывно Лигой наций. Он заявляет, что четыре великие державы заключают этот договор из «ответственности по отношению к Лиге наций и ее членам». Он клянется верностью «обязательствам устава Лиги наций, Локарнского договора и пакта Келлога». Одним словом, авторы пускают в ход всех святых, к которым за помощью обращались малые державы. Само собою понятно, что эта маскировка предназначена только для того, кто хочет дать себя обмануть. В какой мере великие державы верны статуту Лиги наций и пакту Келлога, об этом может рассказать *Китай*. Но, оставляя в стороне всю лигонационную мифологию, вопрос стоит так: *или решение о ревизии принимает Франция и ее союзники, или это решение принимает Франция совместно с другими участниками пакта.* Что французская дипломатия не может действовать, не запрашивая своих союзников, это само собою понятно, ибо она заинтересована в том, чтобы не терять союзников. Но *основной* вопрос, поскольку дело идет о ревизии Версальского договора, состоит в том, будет ли фращузская дипломатия считать более важным для себя сохранение единого фронта с Англией или со своими союзниками.

Новый проект пакта пытается скрыть не только это обстоятельство, но *и тот факт, что речь идет о переговорах о ревизии Версальского договора.* В то время как первый проект говорил открыто о ревизии, второй проект не упоминает даже этого слова, а говорит только о применении 10-го, 16-го и 19-го параграфов устава Лиги наций. Но, как уже указывалось выше, параграф 19-й устава Лиги наций есть именно параграф, трактующий о ревизии Версальского договора. Что касается вопроса о *равенстве вооружений*, то разница между первым и вторым вариантом состоит в том, что первый подчеркивал необходимость равноправия Германии в вооружениях, а второй—необходимость достижения этого равноправия этапами и «в рамках режима, обеспечивающего безопасность всех государств».

Наконец в новом проекте совершенно отсутствует четвертый параграф первого проекта, который предусматривал *совместную политику четырех великих держав во всех европейских, внеевропейских и колониальных вопросах.* Авторы нового проекта следовали примеру тех прусских чиновников предвоенных времен, которые, будучи отко-

мандированы для надзора на социалистические собрания, обращали внимание докладчиков, что о теме доклада говорить нельзя.

Новый вариант пакта обнаруживает следы усилий французской дипломатии найти *среднюю линию* между двумя противоположностями: *между желанием успокоить союзников и желанием не допустить изоляции Франции от Англии.* Французская дипломатия пытается парировать стремления Германии возложить на Францию ответственность за обострение международного положения. Она пытается избегнуть поворота в общественном мнении капиталистических стран в пользу Германии. Дело Польши и Малой Антанты, как они отнесутся к этой попытке французской дипломатии. Для общественного мнения страны, стоящей вне борьбы капиталистических группировок, не подлежит сомнению, что решающими для оценки являются *не намерения, а объективные последствия.* Чем больше будет обостряться обстановка, тем больше будет усиливаться борьба версальской и антиверсальской группировки, тем серьезнее станет перед Францией вопрос о выборе между ее союзниками и желанием избегнуть конфликта за их счет.

Но если вопрос о влиянии пакта на ревизию Версальского договора есть в первую очередь дело заинтересованных сторон, то для общественного мнения Советской страны далеко не безынтересен вопрос, *исчезло ли стремление обратить этот пакт в орудие, направленное против СССР, только с листа бумаги, на котором этот пакт напечатан, или оно исчезло и из политики держав, собирающихся этот пакт подписать.* Мы знаем, что во всех капиталистических странах существуют тенденции к созданию единого империалистского фронта против СССР, что ряд великих держав стремится перекрыть империалистические противоречия созданием единого фронта против Советского Союза. Исходя из этого, общественное мнение СССР *не может быть успокоено* указанием на отсутствие в новом проекте параграфа, касающегося совместной политики четырех великих держав.

Понятно, мы знаем цену дипломатическим документам, которые теперь в таком изобилии пекутся на примусах послевоенной дипломатии. Кто вспоминает еще о заключенном в 1932 году в Лозанне договоре Англии и Франции о «доверии», к которому позже присоединились Италия и Германия? Доверие, созданное этим договором, было так сильно, что на его основе эти четыре державы ни один раз не вели переговоров, предпочитая не доверять без договора о недоверии. Мы знаем, что если бы устранять капиталистические противоречия при помощи дипломатических договоров было так легко, то капиталистический мир сажал бы картошку и эксплоатировал бы рабочих под безоблачным небом. Но это не значит, что можно хотя бы на один момент забывать о тенденции к созданию единого фронта против СССР, которая получила столь яркое выражение в четвертом параграфе первого варианта пакта четырех. Общественное мнение Советского Союза не только не верит слезам, но и не верит горячим заверениям и декларациям. Оно знает, что все капиталистические державы представляют враждебную нам общественную систему. Когда они собираются создавать трест для проведения одной политической сделки, то народные массы СССР должны помнить, что и *в коммерческом мире ловкие люди пытаются потери на одном деле компенсировать прибылями в другом.*

«Известия» от 2 июня 1933 г.

НА АНГЛИЙСКИЕ МЕЛОДИИ

В романе *Уэльса* «*Автократия господина Перхама*», изданном в 1930 году, описывается, как в доме крупного промышленника—выскочки Бьюси Уткока собрались за столом английские и американские банкиры и промышленники. Мистер Перхам—писатель и кандидат в фашистские диктаторы—за кофе рисовал им следующую картину мирового положения.

«В действительном центре старого мира находится страна безграничных размеров, потенциально более сильная, чем остальной мир; совместно взятый,—*Россия*. В окончательном счете это неважно—царская ли она, или большевистская. Она представляет собой предельную опасность—громадного врага. *Она не может не расти. Она имеет пространство, она имеет громадные средства*. Она ударяет по нас, как всегда, через Турцию, как всегда, через Афганистан и теперь также через Китай. Она это делает по инстинкту, по необходимости. Я ее за это не порицаю, но мы должны принять средства предосторожности. Что сделает *Германия*, останется ли она верна Западу? Останется ли она верна Востоку? Кто это может сказать. Образованная, но второстепенная нация с территорией, находящейся под знаком вопроса! Мы ее приберем к рукам, если сможем. Но я не рассчитываю твердо на нее. Политика, которую должен твердо вести остальной мир, ясна. *Мы должны окружить Россию, мы должны окружить эту угрозу с великой равнины раньше, чем она победит нас, так, как мы окружили Гогенцоллернов, которые представляли меньшую опасность*. Это потребует времени. С запада мы будем ей угрожать при помощи нашего союзника Франции и ее ученика Польши, на востоке—при помощи нашего союзника Японии. Мы доберемся до нее через Индию. Мы попытаемся направить против нее острие афганского копья. Мы из-за нее держим в руках Гибралтар. Из-за нее мы сторожим в Константинополе. Соединенные Штаты будут втянуты в наши ряды как наш союзник, хотят они этого или нет, ибо они не могут позволить России пробраться через Китай к океанам. Вот вам мировое положение, как я его вижу в широких линиях».

Уэльс создал в своем романе в лице мистера Перхама фигуру, представляющую *мечтания английских твердолобых*. Он относится к этой фигуре иронически. Господин Перхам мечтает о фашистской

диктатуре для того, чтобы начать поход против Советского Союза. Он—только литератор, и осуществления своих мечтаний он достигает только в спиритическом трансе. Он начинает войну против Советского Союза, но все его расчеты оказываются *карточным домиком*. Ему не удается создать единого фронта против СССР и, торпедируя американские корабли для проведения блокады против него, он нарывается на войну с Соединенными Штатами. (Мы не намерены здесь разбирать роман Уэльса, его оценку расстановки международных сил, хотя этот роман действительно заслуживает внимания нашего общественного мнения, как и появившийся недавно роман *Харрольда Никользона:* «The political faces», в котором сын организатора Антанты и сам бывший английский дипломат дает картину полной пустоты, бессмысленности буржуазного политического мира, его неспособности к какой бы то ни было продуманной политике перед лицом военной опасности.) Важно для нас здесь то, *что Уэльс, знающий великолепно английский буржуазный мир, свидетельствует о том, что в центре мечтаний английских твердолобых находится война против Советского Союза.* Понятно, что господин Уэльс не выдает нам никакой тайны. Всякий, кто следил за английской послевоенной политикой, не мог иметь на этот счет ни малейших сомнений. Политика твердолобых по отношению к СССР продолжает только политику английского империализма по отношению к России, как она развивалась после наполеоновских войн. Великобритания воевала против России во время Крымской войны, она воспрепятствовала походу царского правительства на Константинополь в 1878 г., она подготовлялась к войне с Россией из-за центрально-азиатских дел, она заключила союз с Японией в 1902 г. для того, чтобы толкнуть Японию против России, она пыталась включить в этот союз Германию. От этой линии английский империализм отошел только на *короткое время так называемой Антанты*, когда разбитый на Дальнем Востоке царизм отказался от своих целей в Азии и дал себя использовать для окружения Германии, ставшей тогда главным конкурентом английского империализма. *Но уже во время мировой войны английский империализм подумывает о будущей войне против своего русского союзника.* На этот счет можно найти *великолепное свидетельство* в документе, напечатанном в 33-м томе *Красного архива*. *Агент царского правительства Сватковский*, поддерживавший связь с чешским национальным центром, сообщает Сазонову—министру иностранных дел—в телеграмме от 27 мая 1915 г. следующее:

> «Профессор Массарик, приехавший в Женеву из Лондона, представил Грею меморандум по чешскому вопросу в русском духе. Из бесед по этому поводу с английскими и французскими политиками и журналистами он убедился в растущем в последнее время охлаждении союзников к России. После взятия Перемышля в этом преобладала нотка страха перед Россией, которая однако сменилась недовольством по поводу хода военных действий на Востоке. Ныне недоброжелательство сказывается особенно по поводу нашей галицийской политики: в старых либеральных кругах Массарику пришлось слышать о ней самые резкие суждения. Ему указывалось, что для обеспечения западных парламентарных держав, принужденных допускать в составе пра-

вительства радикальные, социалистические элементы, станет невозможным поддерживать тесные отношения с державой, в которой преобладают настроения, ведущие к галицийской политике. *Один из влиятельных политиков Англии*, имени которого Массарик не хочет называть, не желая участвовать в порче англо-русских отношений, *сказал ему, что, к его сожалению, ближайшей войной будет, вероятно, война Англии и Германии с Россией*. Участие в нынешней войне *Италии*, по сведениям Массарика, связано с обеспеченным теперь планом позднейшего тесного единения Италии с Англией и, вероятно, *Франции*, причем сближение первых будет намеренно или в силу вещей направлено против России и Франции, вероятно, будет втянута в эту комбинацию».

Само собой понятно, что причины, подсказывавшие влиятельным империалистским политикам Англии мысли о будущей войне против русского союзника на стороне Германии, которую английская империалистская пресса этого времени представляла в качестве гуннов, были самые благородные. Английский империализм вообще воюет только по благородным соображениям. Но факт налицо, что английские империалисты уже во время мировой войны думали о *пакте четырех держав против России*. Поэтому нечего удивляться, что когда революция уничтожила царизм, то английские империалисты, пролив море слез по поводу судеб царизма и русской буржуазии, искренно возмущаясь по поводу коварства большевиков, прекративших участие в совместной войне на стороне Англии, раньше чем английский империализм решился... совместно с Германией воевать против России, использовали по возможности отсутствие советского государства на Версальской конференции, чтобы обделать свои делишки. Они не только аннулировали все договоры, заключенные с царизмом, но начали направо и налево признавать отделение от территории бывших союзников новых государств. Английский консервативный писатель *Диллон*, близко связанный с русскими империалистскими кругами, писал (1922 г.) по этому поводу в своей книге о Версальском мире:

«Конференция постоянно отказывалась от всякого вмешательства во внутренние дела других государств, и ирландский, египетский и ряд аналогичных вопросов были ею признаны внутренними вопросами. На какой же основе из этой категории исключены финский, латышский, эстонский, грузинский, украинский вопросы? *Трудно представить себе более яркое нарушение суверенитета государства, чем отторжение и раздача его территории против его воли. Этот акт—открыто враждебный*, и конференция совершала такие акты только по отношению к враждебным государствам. Почему она применяла эту политику к своему *бывшему союзнику?*»

Господа английские империалисты не признавали Советского Союза. Они признавали только русских белых. После Версальской конференции они признали формально и Деникина и Колчака. Но это не мешало им вопреки воле Деникина и Колчака признавать возникновение независимых государств на бывшей территории царской империи. Господа английские империалисты, которые всегда руководствуются наиболее благородными мотивами, наверно решили, что справедли-

вость требует, если уже пришлось поддерживать оружием белых, для равновесия признавать принципы самоопределения, провозглашенные Советской республикой... Но шутки в сторону! Их политика означала, что они, считая неизбежным разгром Советской России и замену ее белой Россией, пытались заранее ослабить и эту последнюю.

Английские империалисты ошиблись. Советская Россия вышла победительницей из гражданской войны. Нажим английского пролетариата, нужда в рынках заставили английскую буржуазию пойти на *признание Советского Союза в 1924 г. Но это не означало, что наступил конец мечтаний английских империалистов о нанесении ударов Советскому Союзу, в котором они ненавидели не только рождающийся социализм, но и великую страну, расположенную в Европе и в Азии и влияющую на развитие азиатских народов.* Советский Союз не вел никакой политики захватов в Азии. Тем хуже для него. Если бы он вел политику захватов, то можно бы было с ним сговориться, *сойтись на компромиссе,* разделить сферы влияния, как это сделал английский империализм по отношению к Персии, Афганистану в компромиссах, заключенных с царским правительством в 1907 г. Но разве правительство, которое не хочет делить сферы влияния, а, наоборот, устанавливает свои отношения с азиатскими народами, как равный с равным, разве оно не портит дела другим, не говоря уже о том «плохом примере», который оно показывает азиатским народам своей внутренней политикой?

И мы видим, что советско-английские отношения переживают *постоянно критические моменты.* Ни одно европейское государство, признавшее Советский Союз, до этого времени не разрывало с ним отношений, Англия же порвала отношения с Советским Союзом в 1927 г. и притом без всякого видимого повода. Джойнсон Хикс—английский министр внутренних дел—искал этого повода... в железных шкафах Аркоса, но он их ведь и там не нашел. Причина была проста. Английские твердолобые решили нанести Советскому Союзу удар, за которым должны были последовать другие. *Дело не вышло.* За Англией *не* последовали другие державы. Удар повис в воздухе. Пришлось отношения восстановить. Теперь мы являемся свидетелями неслыханного в истории события. Под предлогом протеста против осуждения двух английских разведчиков, сознавшихся в вине, английское правительство объявляет СССР *торговый бойкот.* Оно делает это в тот момент, когда по его инициативе собирается международная конференция, которая должна облегчить дело международной торговли и искать выход из международного кризиса. Где найдутся такие наивные люди, которые поверят, что этот бойкот вызван приговором московского суда, вынесенным английским разведчикам? Кто поверит, что этот бойкот имеет целью только заставить Советский Союз пойти на уступки в торговых переговорах? Мы думаем, что таких наивных людей среди политиков нет. *Последние действия английского правительства приподняли только краешек занавеса, и стала видна часть панорамы.* Английские твердолобые *ждут дальнейшего развития.* Кризис обостряется. Везде успливаются авантюристические группы, ищущие выхода в войне. Быть может, удастся натравить их на СССР.

* * *

Когда телеграф разнес сведения об англо-советском конфликте, господин Розенберг, вдохновитель внешней политики германских фашистов, написал, что *германо-советские отношения являются функцией англо-германских*, и поспешил немедленно в Лондон для торгов. Русско-немецкий белогвардеец пришел к убеждению, что ищут *ландскнехтов*, что надо поспешить торговаться на счет цены. Поездка кончилась большим конфузом. Господин Розенберг был принят в Лондоне очень недружелюбно не только теми кругами, которые по внутриполитическим соображениям должны были повернуться спиной к герольду немецких фашистов, но и открыто империалистской, консервативной печатью. Господин Розенберг вернулся очень разочарованный и в глубоком недоумении. Германская буржуазная печать, которая находится теперь полностью в руках фашистов, устанавливает факт неудачи миссии Розенберга, но не может его объяснить. Мы попытаемся растолковать господину Розенбергу тот урок внешней политики, который он получил в Лондоне, ибо всегда надо помогать просвещению людей.

Господин Розенберг уповал на то, что *Англия всегда вела свои войны при помощи других стран, которым взамен за оказанную ей услугу платила соответствующую мзду*. Герой национал-социалистов—*Фридрих Великий* отвоевал у Австрии Силезию, но эта война была только частью борьбы между Англией и Францией за колониальное господство. Фридрих II, борясь на английские субсидии с Австрией, как с союзником Франции, помог англичанам отвоевать у Франции Канаду. Так называемая «освободительная война» Германии против Наполеона была частью войны, которую английская буржуазия вела против Наполеона. И хотя господа национал-социалисты наверно считают марксистской клеветой утверждение *Маркса*, что Германия играла в этой «освободительной войне» роль «наемных ландскнехтов английской буржуазии» («Германская идеология», стр. 176), то достаточно прочесть письма *Гнайзенау* к жене, чтобы убедиться в том, что руководители германской армии, подготовлявшие эту войну, отдавали себе великолепно отчет в своей зависимости от Англии. Ландскнехты или нет, а в семилетней войне Пруссия за поддержку Англии получила Силезию, а в 1713 г. восстановила свое могущество, разрушенное в битве под Иеной. Исходя из этих исторических воспоминаний и помня также еще и из Иловайского, что «англичанка любит гадить России», *гениальный внешнеполитический советник германского фашизма сделал вывод, что достаточно предложить английским твердолобым союз против СССР, чтобы получить в награду все, что пожелает сердце германских фашистов*. Но господин Розенберг не учел *многих изменений*, которые произошли за последнее время и *которые очень мешают английскому империализму сосредоточить свои усилия на борьбе с СССР и награждать своих союзников за оказанную ими помощь*.

Так как господин Розенберг наверно неохотно примет поучения от марксиста, то мы позволим себе процитировать такого свидетеля, как организатор германского рейхсвера генерал *Сект*, который в брошюре

«*Германия между Востоком и Западом*», изданной несколько месяцев тому назад, писал:

«Положение Англии принципиально изменилось. Сила крупного боевого флота значительно уменьшилась по мере того, как выросло значение подводных лодок—оружия слабых государств. *Американский флот* стремится достигнуть той же силы, что и английский, и в состоянии перегнать последний. Тем самым морское господство Англии сломлено и ее безопасность поставлена под угрозу, ибо эта безопасность зависит от беспрепятственной связи с внешним миром. Развитие военной авиации уничтожило преимущества островного положения и поставило Англию под угрозу и на ее собственной территории. Место господствовавшего прежде опасения десанта чужих войск заняло сейчас более сильное опасение воздушного нападения, отразить которое гораздо труднее, если это вообще возможно. Защита от такого нападения заключается лишь в контратаке. Последняя требует содержания такого воздушного флота, который превышал бы по силе флот воображаемого противника. Но даже при этом условии Англия оказалась бы в невыгодном положении по отношению *к Франции*, потому что на маленьком острове все жизненно важные объекты нападения значительно более стеснены и уплотнены, чем на более обширной территории материка. Английский флот в настоящий момент больше не является недоступным для воздушной атаки даже в столь надежных до сего времени портах Северной Шотландии. Потрясение центра английского могущества не могло бы не оказать влияния на внешнее положение Англии. Влияние Англии в *Средиземном море* покоится исключительно на ее флоте, и здесь ему угрожают воздушная атака и подводные лодки, имеющие близко расположенную и надежную базу на непринадлежащих Англии берегах. *Значение крепости Гибралтара и Мальты сильно пострадало. Вместе с этим Англия потеряла решающее влияние на Италию и итальянскую политику.* Италия не позволит больше соображениям об отношениях к Англии влиять определяющим образом на свои решения, как это имело место во время мировой войны. Но зато она в меньшей степени, нежели прежде, может рассчитывать на английскую поддержку в конфликте с Францией. *Турция* уже однажды показала, что появление английских судов перед Константинополем не в состоянии больше ее испугать. Греция, старое детище Англии, должна в большей степени строить свою политику на материке, а за свободу проливов, ведущих к Черному морю, Англия больше воевать не будет. Этим создается *угроза морскому пути в Индию*, и там, в Индии, это изменившееся положение учитывают в растущем стремлении к независимости. Но и связи с *доминионами* ослабли. Ценная помощь доминионов в мировой войне вызвала рост их стремлений к независимости, и интересы доминионов все в большей и большей степени устремляются по своим путям. Доминионы не позволяют больше метрополии предписывать им эти пути. Англия в сильнейшей степени втянута во *всеобщий экономический кризис. Времена, когда Англия покупала добавочные отряды, при помощи которых вела свои войны на*

материке, давно миновали. Америка—упрямый кредитор, а *Франция* стала мощным конкурентом на том, денежном рынке, на котором когда-то господствовало лондонское Сити».

Исходя из этого, генерал *фон-Сект* пришел к следующим выводам о надеждах Германии на английскую помощь:

«Антигерманская политика не влечет за собой (для Англии) никакого риска, антифранцузская—может привести к катастрофе, наконец Англия избавилась от навязчивого конкурента не даром, а ценой войны, которая потрясла ее позицию в самой основе. Не для того это было сделано, чтобы сейчас собственными руками помогать укреплению этого соперника. Англия безусловно не примет участия, если Франции заблагорассудится осуществить свои намерения на рейнской границе. Она будет предостерегать и, быть может, протестовать в случае захвата Польшей с помощью Франции Данцига и Восточной Пруссии. Но, невзирая на Локарно и Лигу наций, *Англия безусловно не будет из-за Германии вести с Францией войну, которая поставила бы под угрозу ее собственное существование... Англия довольна тем, что Франция из боязни Германии сосредоточивает силы и внимание на своей восточной границе и тратит там свои миллиарды вместо того, чтобы тратить их на подводные лодки и самолеты.* Англия в том противоречии интересов, которое существует или может возникнуть между Францией и Германией, будет направлять свое влияние по линии наименьшего сопротивления».

События последних недель подтвердили *правильность* общего анализа генерала Секта. *Английский империализм, наобещав германским фашистам через своих агентов поддержку и толкнув таким образом Германию на обострение внешнеполитического курса, теперь умывает руки и даже выражает свое возмущение германской неумеренностью.* Германские национал-социалисты требуют возвращения Германии *Поморья и Верхней Силезии*, требуют *свободы вооружений, обещая за это помощь против Советского Союза.* Но так как английские империалисты убеждены, что Польша не согласится на отказ от Поморья и Верхней Силезии, ибо это означало бы для нее отказ от главных промышленных районов, от выхода к морю и от стратегической инициативы, так как они знают, что Франция не откажется от своей гегемонии в Европе без войны, то предложения германских фашистов свелись бы на деле *к предложению, чтобы Англия согласилась сначала на решение спорных вопросов между империалистическими державами войной, взамен чего в будущем победоносная фашистская Германия изъявляет готовность драться с Советским Союзом.*

Вот причины, по которым английские империалисты *попросили господина Розенберга «подождать». Это не означает, что английские твердолобые не готовы итти на сделку с немецкими фашистами*, с которыми они связаны ненавистью к революционному пролетариату.—*Душите революционных рабочих в Германии,*—это очень хорошо, без этого в будущем не сумеете воевать!—говорили, наверно, твердолобые Розенбергу.—*Ухудшайте отношения с Советским Союзом, создавайте невозможные условия для его экспорта!* Ваши

молодцы, нападающие на «Дерон», хорошее дело делают. На этом не только заработает ваш друг Детердинг, но это ослабит Советский Союз. Если *польские твердолобые* увидят, что удалось изолировать Советский Союз от Англии и Германии, то, быть может, им удастся толкнуть Польшу на авантюру против СССР, быть может, удастся таким образом толкнуть и *японских твердолобых* на авантюру. И вот, когда Польша и Япония будут обессилены борьбой с СССР, тогда придет *и наше, и ваше время*. Когда Япония будет обессилена в авантюре против Советского Союза, то это придаст бодрости Соединенным Штатам. Драка между Соединенными Штатами и Японией освободит руки Англии, позволит ей больше концентрироваться на старой, исконной ненависти. Если Польша завязнет в борьбе с СССР, то легче ее будет «уговорить» согласиться уступить Поморье взамен за помощь, оказанную ей Германией в борьбе с большевиками. Пока-что *не бейте богатых евреев, а бейте рабочих, усиливайте национальный дух и ухудшайте отношения с СССР*. Это есть лучшая подготовка для будущего.

Господину Розенбергу, быть может, не улыбается, что английские твердолобые требуют, чтобы *он дрался с большевиками в кредит*. Ландскнехты не любят кредитовать, они хотят получить награду чистоганом. Но время теперь такое, что *сила Англии как кредитора очень ослабла*. Господин Розенберг вернулся домой с пустыми руками. Плохое время для ландскнехтов. Но он человек не унывающий и не без фантазии и, наверно, будет убеждать германских фашистов, что это для них очень лестно... давать в кредит одной из самых крупных империалистских держав. Это все-таки форма хотя бы только теоретического восстановления Германии в роли мирового кредитора.

Но согласятся ли с господином Розенбергом люди, не выжившие из ума, остается все еще вопросом.

«Известия» от 18 мая 1933 г.

ПОЛЬША
БАРЬЕР
ИЛИ ПЛАЦДАРМ

ВОССТАНОВЛЕННАЯ ПОЛЬША И СССР [1]

Польская пресса печатает статью московского корреспондента польского официоза *«Газеты польской» Отмара*, посвященную внешней политике Советского Союза. Эта статья, рассылаемая официозным агентством «Искра», содержит следующее место:

«Мы можем действительно с удовлетворением констатировать, что *СССР не питает никаких захватнических тенденций по отношению к Польше*».

«Новая Россия не только не хочет в этой области стать наследницей мрачного царизма, а наоборот, я бы сказал, что советский режим может стать самым могущественным союзником Польши против какой бы то ни было националистической России, которая явилась бы естественно нашим закоренелым врагом, о чем свидетельствует хотя бы вооруженная часть эмиграции под гитлеровским знаменем».

Корреспондент «Газеты польской» Отмар—молодой пилсудчик, получивший свое боевое крещение в советско-польской войне, в которой участвовал 18-летним юношей. Он принадлежит к тому поколению, которое не связывают никакие личные воспоминания с освободительным движением в России, не чуждые старшему поколению пилсудчиков. Он воспитался в убеждении, долгие годы господствующем в умах патриотической польской интеллигенции, что большевистская внешняя политика может являться только продолжением завоевательной политики царизма. И достаточно было года пребывания в СССР, чтоб он убедился в отсутствии захватнических тенденций по отношению к Польше в Советском Союзе и чтобы выступил свидетелем этого факта перед лицом польского общества.

Часто люди придают значение только сообщениям министров, сделанным за закрытыми дверями кабинетов или прочтенным с парламентской трибуны размеренным голосом по бумаге. Кто знает, как слагаются в действительности отношения народов и государств, для того заявление молодого пилсудчика, который следил зоркими глазами—и наверное вначале с недоверием—за нашей внешней политикой, является не менее важным свидетельством *перелома настроений непролетарской общественности Польши*, чем дружелюбные заявления министров. А тот

[1] Статья эта появилась одновременно в «Газэтэ польской».

факт, что польское официозное агентство распространяет эту статью, показывает, что *непреклонная политика мира*, которую ведет советское правительство, добилась *большой победы: она вызвала доверие к нашей политике и в тех кругах, которые до этого времени искренно питали к ней недоверие.* Мое пребывание в Польше, разговоры с выдающимися представителями польской общественности сказали мне то же самое. Я рад, что молодой пилсудчик Отмар сформулировал это выражение доверия к мирной политике советского правительства гласно.

В своих московских корреспонденциях в «Газете польской», посвященных всем сторонам развития Советского Союза, Отмар многократно высказывал *непонимание* того, что у нас происходит. Это не удивительно. Происходит у нас стройка социализма, нового общества, и не коммунисту, не участнику этой великой стройки трудно понять ее движущие силы, глубину процессов, происходящих в нашей стране, даже если он не ставил бы себе задачу убедить себя и других в превосходстве капитализма над социализмом. Нельзя понять рождения нового мира, стоя вне его. Поэтому нет ничего удивительного, что непонимание нашей идеологии, незнание ее истории не позволяют Отмару понять и пружины нашего отношения к Польше и, тем больше, его принципиальный характер. Отмар объясняет нашу политику по отношению к Польше великим размахам нашего экономического строительства, опасностью, угрожающей с Востока миру. Пусть будет мне дозволено, пользуясь случаем, указать на более глубокие причины, почему *Советский Союз не только не имеет никаких захватнических тенденций по отношению к Польше, но, наоборот, приветствовал возникновение независимой Польши как один из немногих прогрессивных фактов, которые дала мировая война в Центральной Европе независимо от воли ее организаторов.*

Всем известно, что основоположники научного социализма Маркс и Энгельс добивались освобождения Польши и до конца своей жизни выдвигали лозунг независимости Польши. Но мотивы, приведшие Маркса и Энгельса к такому отношению к независимости Польши, были многократно неверно истолкованы. На основе высказываний Маркса и Энгельса у многих их учеников сложилось убеждение, что Маркс и Энгельс выступали за независимость Польши только потому, что в России царила реакция, в Польше же существовали революционные движения, направленные на завоевание независимости, и что победа их ослабила бы по расчетам Маркса и Энгельса царизм. Недавно Институт Маркса и Энгельса опубликовал VI-й том своего архива, и среди других писем Энгельса он опубликовал замечательное его письмо к Каутскому от 7 февраля 1882 г., в котором *Энгельс* излагает с необычайной яркостью основные мотивы своего и своего друга отношения к польскому вопросу. В этом замечательном письме он пишет:

> «Одной из действительных задач революции 1848 г. (а *действительные*, не иллюзорные задачи революции всегда разрешаются в результате этой революции) было восстановление угнетенных и раздробленных национальностей Средней Европы, поскольку они вообще были жизнеспособны и в частности созрели для независимости. Эта задача была разрешена для Италии, Венгрии и Германии душеприказчиками революции—Бонапартом, Кавуром, Бисмарком—соответственно тогдашним отношениям. Остались Польша

и Ирландия. Ирландию можно здесь оставить в стороне, она только косвенным образом влияет на дела континента, но *Польша* расположена посреди континента и *борьба за сохранение ее раздробленности есть именно та связь, которая вновь и вновь сплачивает Священный Союз;* Польша интересует нас поэтому в высшей степени».

Указав на значение завоевания независимости как предпосылки освободительной борьбы народных масс, Энгельс писал дальше:

«Вопрос о том, возможно ли восстановление Польши *до* ближайшей революции, не имеет значения. *Мы ни в коем случае не призваны удерживать поляков от стремления отвоевывать себе жизненно необходимые условия для их дальнейшего развития* или внушать им, что национальная независимость с международной точки зрения—дело второстепенное, в то время как она на самом деле является основой для всякого интернационального сотрудничества. Кроме того, в 1875 г. между Германией и Россией едва не разразилась война, и следовательно была налицо возможность восстановления *в той или иной форме* зародыша позднейшей доподлинной Польши»[1].

Окостенение европейских отношений после Франкфуртского мира создало у многих предвоенных социал-демократов убеждение, что впредь до социалистической революции границы государств стали чем-то неизменным, восстановление независимости Польши вне социалистической революции казалось многим утопией. Это отношение продолжало существовать и в эпоху империализма, у которой на лбу было написано, что она неминуемо взорвет многое из того, что считалось окаменевшим. *Ленин*, как никто, чувствовавший революционные толчки эпохи и дающий им сознательное выражение, боролся с этим фетишизмом границ, как он боролся с национальным нигилизмом. В своей статье «Национальный вопрос в нашей программе», напечатанной в «Искре» 15 июля 1903 г., не зная вышеприведенного письма Энгельса, Ленин писал[2]:

«Несомненно, что теперешнее положение польского вопроса коренным образом отличается от того, что было 50 лет тому назад. Но нельзя считать вечным это теперешнее положение. Несомненно, что классовый антагонизм далеко отодвинул теперь на задний план национальные вопросы, но нельзя категорически утверждать, не рискуя впасть в доктринерство, что невозможно временное появление на авансцене политической драмы того или другого национального вопроса. Несомненно, что восстановление Польши до падения капитализма крайне невероятно, но нельзя сказать, чтобы оно было абсолютно невозможно, чтобы польская буржуазия не могла при известных комбинациях встать на сторону независимости, и т. д. И русская социал-демократия нисколько не связывает себе рук. Она считается *со всеми* возможными, даже со всеми вообще *мыслимыми* комбинациями, когда выставляет в своей программе признание права на самоопределение наций».

Речь идет у Ленина не об одном спорадическом высказывании. Он

---

[1] Подчеркнуто мною. — *К. Р.* Архив Маркса и Энгельса, том VI, стр. 189, 190, 191, 1932 г. Москва.

[2] *Ленин*, Сочинения, т. V, стр. 341—342. 3-е изд. Подчеркнуто мною. — *К. Р.*

защищал свою точку зрения во всех дискуссиях перед войной и во время войны. Он воспитывал свою партию не только в ненависти к политике обрусения Польши, но в понимании значения вопроса ее независимости. Всем известна борьба, которую вел по этому вопросу Ленин с Розой Люксембург и ее единомышленниками, особенно в период 1912—1914 гг. и в годы войны. В декабре 1914 г. Ленин писал в статье о «Национальной гордости великороссов»:

> «Мы полны чувств национальной гордости и именно поэтому мы *особенно* ненавидим *свое* рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, *Польши*, Персии, Китая) и свое рабское настоящее, когда те же помещики, сопутствуемые капиталистами, ведут нас на войну чтобы *душить Польшу* и Украину, чтобы давить демократическое движение в Персии и в Китае... Никто не повинен *в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам»*[1].

После захвата «русской» части Польши германским империализмом Ленин писал в феврале 1916 г.:

> «Русская демократия... *выиграла* безусловно от того, что Россия *теперь* не угнетает Польши, не держит ее насильно. Русский пролетариат безусловно в выигрыше от того, что он не угнетает одного из народов, который он помогал угнетать вчера. Немецкая демократия проиграла безусловно: пока немецкий пролетариат будет терпеть угнетение Польши Германией, он останется в положении хуже чем раба, в положении хама, помогающего держать в рабстве других. Выиграли безусловно только юнкера и буржуа Германии»[2].

И Ленин призывал *помогать в освобождении Польши от империалистической Германии* борьбою против германских юнкеров и капиталистов.

Ученики Ленина разделяли его точку зрения. Это показывает хотя бы статья *Сталина*, напечатанная в 1913 г. под царской цензурой в журнале «Просвещение», в которой этот лучший ученик Ленина и—после смерти его—руководитель революции писал о «возможности известных внутренних и внешних конъюнктур, *при которых вопрос об отделении Польши снова может стать на очередь*». (Статья «Марксизм и национальный вопрос» перепечатана в сборнике статей, посвященных национальному вопросу, изданном в Москве в 1920 г., стр. 23.)

Крах царизма, крах монархии Гогенцоллернов и Габсбургов, *победа русского пролетариата над националистической русской буржуазией и помещиками* создали условия для возникновения независимости Польши, и вожди Октябрьского переворота видели в этом не просто исторический факт, с которым надо временно считаться, а факт, являющийся *частью великого переворота*, который переживает мир, переворота, который, имея более далекие цели, завершает и процессы

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XVIII, стр. 81, 3-е изд. Подчеркнуто мною. — *К. Р.*
[2] *Ленин*, Сочинения, т. XIX, стр. 31, 3-е изд.

национального объединения, не завершенные в период буржуазных революций. Советский Союз видел в факте возникновения независимости Польши объединение крупной нации, раздел которой был результатом действия реакционных сил и мог иметь только реакционные последствия.

На I съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. Ленин говорил:

> «*Мы знаем, что величайшим преступлением было то, что Польша была разделена между немецким, австрийским и русским капиталом, что этот раздел осудил польский народ на долгие годы угнетения*, когда пользование родным языком считалось преступлением, когда весь польский народ воспитывался на одной мысли—освободиться от этого тройного гнета»[1].

Вожди Октябрьской революции не скрывали никогда, что они бы предпочитали другое социальное содержание независимой Польши,— этот вопрос должны решать только трудовые массы Польши, но они никогда не ставили под сомнение независимость Польши и никогда не имели намерений, направленных против ее существования. *И те, которые надеялись на участие советского правительства в действиях, направленных к новому разделу Польши, и те, которые подозревали наличие таких намерений у советского правительства, одинаково ошибались.*

Советскому правительству не приходится теперь под влиянием тех или других конъюнктурных соображений основное менять в своей политике по отношению к Польше. Эта политика вытекает из принципиальной оценки польского вопроса, данной Марксом и Энгельсом, восстановленной Лениным и Сталиным, вошедшей в кровь и плоть общественного мнения СССР.

* * *

Мир корчится в спазмах. Только слепой не видит, что подготовляется новая борьба за передел мира. Мы не знаем, победят ли тенденции, которые хотят в невиданном потрясении всего мира, в грохоте пушек, в вое снарядов, сыплющихся на человечество с аэропланов, искать нового соотношения сил, чертить мечом новые границы. Советский Союз не фетишизирует этих границ. Он знает, как мало соответствуют потребностям человечества созданные в результате империалистской войны отношения и границы, он знает, сколько народов еще от них страдает. Но одновременно он убежден, что новая мировая бойня не в состоянии решить ни одного вопроса, что она в состоянии только увеличить страдания человечества. Силы, которые ставят себе задачу насильственно изменить карту Европы, показали миру лицо Горгоны. Тем с большей решимостью Советский Союз будет бороться за сохранение мира человечеству. *Тем охотнее он будет приветствовать всякую страну, которая поддерживает его в этой борьбе.*

«Известия», 29 августа 1933 г.

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XXV, стр. 58, 3-е изд.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ И ЕГО ВРАГИ

Помещая одновременно с «*Известиями*» нашу статью «Восстановленная Польша и СССР», «*Газета польска*» снабдила ее комментарием, центральная мысль которого состояла в выражении уверенности, что «*координация международной политики Польши и Советского Союза имеет перед собою положительное будущее.* Быть может,—мы этого искренне желаем,—переживаемый теперь период европейской политики войдет в историю под заголовком «*С Востока мир*»,—писал польский официоз.

Не только органы, близкие к господствующей группе пилсудчиков, но и органы национальной демократии, как «*Газета варшавска*» и орган христианской демократии, как католическая «*Полония*», отнеслись к нашей статье, как к доказательству польско-советского сближения, служащего делу мира.

Советско-польское сближение обстреливалось сначала с двух внешне противоречивых точек зрения. В органе виленских зубров «*Слово*» небезызвестный писатель Мацкевич выступил со статьей, смысл которой состоял в требовании, чтобы Советский Союз гарантировал господам виленским помещикам, что социализм никогда не победит в Польше, ибо если бы социализм победил, то какая могла бы быть независимость для господ помещиков. С другого фланга огонь открыл пепеэсовский «*Роботник*», который, присягая, что он всегда был застрельщиком польско-советского сближения, делает нам упрек, что советско-польское сближение не сопровождается открытием тюрем, в которых сидят польские коммунисты.

Польские коммунисты заполняли тысячами тюрьмы и тогда, когда у власти сидели сами господа пепеэсовцы, что, очевидно, и дает этим демагогам мандат на защиту польских коммунистов. Выходка социал-предательской газеты является *чистой провокацией*, ибо достаточно было бы, чтобы советская печать поближе занялась арестами в Польше, чтобы «Роботник» закричал о «московском вмешательстве в польские дела». «Роботник» может заниматься демагогией сколько хочет, мы ему не партнеры в его попытках затруднить дело советско-польского сближения, которого требуют интересы как польских, так и советских народных масс.

Что касается требований г-на Мацкевича, чтобы мы ему гарантировали вечную жизнь для польского капитализма, то пусть он обратится за этой гарантией к папе римскому, который властен отпускать грехи и даровать вечную жизнь. Рабочее движение в Польше существует как массовое движение около 50 лет. Видно, социализм в Польше имеет свои собственные корни и свою собственную силу, а не является как это чудится виленским помещикам и их литературным бреттерам, принесенным извне явлением.

Если выступления «социалистических» и монархических наездников представляли просто *акты политической диверсии*, то иначе надо отнестись к выступлению князя *Евстахия Сапеги* на собрании консервативной организации в Вильно, т. е. на сборище господ виленских помещиков. Мы не знаем удельного веса князя Сапеги лично в теперешней польской политике: он известен нам только тем, что в 1919 году

организовал государственный переворот против маршала Пилсудского, которому теперь отвешивает поклоны. Но слой, к которому принадлежит Сапега, имеет в Польше еще крупное влияние, хотя экономически он играет чисто паразитическую роль. К князю Сапеге стоит прислушаться, тем более, что он не занимается чепухой, не требует от нас нотариального договора о вечности польского капитализма, а кладет, как говорят по-польски, бараньи ножки прямо на стол.

«В эпоху, в которую мы живем, политику государств *не* решают *национальные*, а тем более *религиозные* причины. *Главную роль играют экономические интересы*»—

валит с моста князь Сапега, словно вернулся прямо с курсов исторического материализма. Ему наплевать на крестовые походы и на национальные моменты. То, что его беспокоит, это факт, что—

«*большие хозяйственные единицы должны иметь колонии, сырье, натуральные богатства, возможность экспансии* и т. д. *Европейский муравейник этого всего не имеет. Европа стала бы великой хозяйственной единицей, получив русско-сибирский хинтерланд*. Европа должна себе создать новые рынки сбыта, поставляющие ей сырье взамен индустриальных продуктов. Она должна иметь девственные территории для *вложения своих капиталов*. Только тогда она восстановит свой капитал».

Англия имеет свои колонии. Америка представляет собою громадную хозяйственную единицу. Япония завоевывает азиатский континент, и князь Сапега тоже не может иначе жить. «Круль Ягелло бил кржижаки (крестоносцев) и пан Крупа хце быть таки»—так гласит польская пословица. Но так как пан Крупа—Сапега хорошо понимает, что руки у виленских зубров коротки, то он становится «европейцем» и заявляет:

«Польша не может вести внешней политики в отрыве от всего мира, от больших хозяйственных вопросов, которые теперь руководят миром... *Интерес Европы есть интерес Польши*».

Но пан Крупа не может не заметить, что «*в этот момент нет солидарной европейской политики*». Но он верует:

«Политика такая возникнет, ибо она *должна возникнуть*. *Европа принуждена создать свое мировое хозяйство совместно с Востоком*... Если Европа не сумеет сознательно и планово создать этой большой хозяйственной единицы, если она не сумеет *навязать* ей *своего способа производства*, своей этики и своей морали (видно у князя Сапеги мало товаров и он готовится экспортировать свою «этику» и «мораль».—*К. Р.*), тогда процесс пойдет в обратном направлении, и Восток с другими методами производства, с другой моралью засосет бессильную, приведенную к упадку Европу».

Князь Сапега делает из этих своих размышлений выводы:

«Мы стоим перед вопросом, хотим ли мы быть *передовым постом Европы*, распространяющейся на Восток,—тогда мы будем играть *большую роль* и в первую очередь *иметь пользу* от открытия Востока. Или мы будем *барьером*, защищающим Восток от наступления Европы. Такой барьер история разрушит, и нашему народу это не принесет ничего хорошего. Мы будем полем и *предметом сражения между Востоком и Западом, и эта*

борьба разыграется за наш счет... Для меня не может быть двух мнений. Мы *должны быть передовым постом Европы, и задача нашей иностранной политики состоит в том, чтобы подготовиться к этой роли* и сделать все для создания и созревания европейской солидарности... Поэтому реальной нашей задачей должно быть—*договориться с нашим западным соседом. Стремление польской политики должно состоять в создании франко-германо-польского соглашения*».

Само собой понятно, что виленский зубр, призывая к тому, чтобы навязать Востоку Европы капитализм, пытается *спрятать концы в воду*, скрыть, что он призывает к подготовке войны с СССР совместно с континентальными капиталистическими державами.

Он заявляет:

«Я не хотел бы вызвать впечатление, что считаю неизбежным будущим войну между Европой и большевистским Востоком. Наоборот, я убежден, что если Европа создаст солидарную политику, то дело не примет формы войны. Это будет процесс экономической и идейной борьбы, которой кончится засасыванием Европейской и Азиатской России европейским хозяйством».

Мы глубоко тронуты этой деликатностью князя Сапеги и подождем спокойно, пока вокруг виленских зубров соберутся все хозяйственные и моральные силы европейского капитализма, чтобы нас «в мирном процессе» перевоспитать в капиталистическую веру. Выступление Сапеги заслуживает все-таки внимания не только как доказательство мегаломании крупных помещиков Польши. Оно заслуживает внимания как *утробный голос представителя класса*, который готов пойти на любую сделку «с Западом», провозглашающим лозунги нового раздела Польши только потому, что господа помещики хотели «иметь пользу». *Было бы легкомысленно считать, что польские магнаты не имеют никакого влияния. Они влияние имеют и будут бороться против политики польско-советского сближения.*

Князя Сапегу надо поблагодарить за то, что он *отбросил национальные финтифлюшки* господ Мацкевичей, а сказал открыто, за что он хочет бороться,—за рынки сбыта, за инвестиции, за сырье. Князя Сапегу надо поблагодарить за то, что он сказал открыто, что готов за названные блага платить национальными уступками. Ибо, когда князь Сапега говорит, что «надо договориться с нашим западным соседом», он знает хорошо цену такого договора.

Поскольку мы знаем, князь Сапега принадлежит к правящему в Польше лагерю, т. е. к той группе крупных помещиков, которые после майского переворота 1926 года поддерживают лагерь пилсудчиков. Небезынтересно будет узнать, как этот лагерь отнесется к выступлению князя Сапеги, который выявил очень ярко корыстные классовые корни помещичьей враждебности к польско-советскому сближению.

«Известия», 6 сентября 1933 г.

POUR LE ROI DE PRUSSE!

Комментируя несколько дней назад выступление князя *Сапеги* против политики сближения Польши и СССР, мы имели перед собою только первую часть этого выступления, и, кроме того,—мы признаемся в этом грехе,—не знали, что князь Сапега идентичен *с бывшим министром иностранных дел Польши*. И содержание второй части выступления Сапеги, и тот факт, что речь идет не о случайном зубре, а о человеке, который, несмотря на участие в заговоре против Пилсудского, был позже призван представлять Польскую республику перед миром, заставляют отнестись *серьезно* к выступлению Сапеги, как к выражению взглядов влиятельной части правительственного лагеря Польши. Бывшие министры иностранных дел считают себя обычно обязанными к большой сдержанности даже тогда, когда они находятся в оппозиции. Тем более бросается в глаза, что Сапега позволил себе выступить с программой, направленной на борьбу с СССР и за сделку с Германией, хотя он является членом господствующего в Польше лагеря.

Посмотрим, как князь Сапега конкретизирует свою внешнеполитическую программу. Он требует соглашения с Германией для того, чтобы направить германскую экспансию на СССР и через придунайские страны на Балканы и отвести эту экспансию от Польши.

> «Из всех стран Европы наиболее нужна экспансия на Восток Германии. Но не экспансия на польские земли, которые не дают ей ни возможности уменьшения перенаселения, ни ценных рынков сбыта, ни сырья, а *только экспансия в большом стиле на более далекий Восток*. Ценой этого морального неудовольствия по поводу того, что кусок немецкой земли останется отделенным от Германии, Германия может купить возможность существования, выход из нужды, возвращение к процветанию и руководящей роли в Европе. Это—невысокая цена, и существует много немцев, которые великолепно понимают это и пришли к убеждению, что нелепо разбивать себе голову о коридор».

Незачем говорить, что князь Сапега притворяется здесь наивным ребенком. Хотя мы знаем, что он в жизни своей больше интересовался охотой и лошадьми, чем серьезными вопросами, но, наверное, свое выступление он согласовывал с людьми, которые кое-что понимают как в политических, так и в *стратегических* вопросах. Он знает великолепно, что Германия не может начинать никаких авантюр на Востоке, имея в тылу, в коридоре, польские войска. Поэтому предложение, сделанное немцам, «Двигайтесь, пожалуйста, на Восток, минуя коридор»,—является *маневром, который должен скрыть от польского общественного мнения тот факт, что князь Сапега предлагает отдачу коридора Германии в возмещение за германо-польскую кооперацию против СССР*. И сколько бы Мацкевичи и Сапеги ни пытались скрыть этот факт, ни один человек, ориентирующийся в стратегических условиях Восточной Европы, не поверит им. Они скрывают свою действительную точку зрения, надеясь, что если им удастся испортить советско-польские отношения, то придется и без их предложения пойти на подобную капитуляцию.

Второе, что предлагает князь Сапега, это—польское согласие на присоединение *Австрии к Германии.*

«Понятно, пробужденный германский шовинизм нелегко успокоить, но возможно бросить ему в пасть вещь, которая по экономическим и национальным причинам имеет значение более крупное, чем Поморский коридор. Я думаю об *аншлюссе*, который *не только завершит объединение германского народа, но одновременно откроет для Германии путь через Балканы в Азию и вообще на Восток с его большим будущим*».

Князь Сапега не скрывает от себя, что «присоединение Австрии к Германии *означало бы громадное усиление германской силы*», и что «*Франция будет этому сопротивляться*». Но, применяя ту же самую тактику, которую он применял в вопросе о коридоре, князь Сапега притворяется глупее, чем... во всяком случае являются его советники. Он с наивным видом заявляет, что раз Германия за эту цену пойдет на «солидарную политику» с другими капиталистическими странами Европы, то Франции нечего будет бояться усиления Германии. Наконец он высказывает убеждение, что «Франция, несмотря на свое опасение, придет к убеждению, что Германия, объединенная с Австрией, менее для нее опасна, чем Германия, ищущая союзника в Италии». Все эти догадки и предсказывания должны скрыть тот факт, что князь *Сапега предлагает разрыв польско-французского союза и замену этого союза германо-польским.* Отношения Польши с Францией—ее личное дело, но для нас интересен тот факт, что представитель крупных помещиков Польши может выступить с такой идеей, прикрывая ее только фиговым листком глупых размышлений о возможностях, которые были бы очень удобны.

Выдвинувший программу германо-польской сделки на основе польской капитуляции перед германским империализмом, князь Сапега приступает к *критике пактов о ненападении и протокола, определяющего нападающую сторону, подписанных польским и советским правительствами.* Он заявляет, что

«*акты эти находятся в противоречии с теми принципами польской внешней политики, которые я считаю бесспорными*».

Но князь Сапега не довольствуется этим противопоставлением своей политики, политики, официально проводимой польским правительством. Под видом защиты польской дипломатии от чересчур острых нападений Мацкевича князь Сапега пытается *вызвать у партнеров польского правительства недоверие к польской дипломатии.* Князь Сапега говорит:

«Точку зрения газеты «*Слово*», считающей пакт о ненападении, заключенный с Россией, актом, находящимся в противоречии с нашими главными политическими задачами, я считаю логической. Будучи согласен с этим общим взглядом, я все-таки считаю, что не надо некритически нападать на нашу политику по поводу заключения этого пакта. Надо было бы знать подробнее *закулисную сторону* этого хода. Быть может, наше министерство иностранных дел было вынуждено пойти на него для того, чтобы *ослабить германские надежды* на легкое достижение ревизии границ... *Но остается фактом, что текстом пакта о ненападении Польша была бы связана, если бы дело шло о более*

решительных действиях Европы по отношению к Советам. Но ведь надо помнить, что о *военных наступательных действиях в данный момент* (na razie) *не может быть и речи,* что пакт о ненападении *не содержит никаких пунктов, запрещающих Польше участие в солидарных экономических действиях Европы по отношению к России,* а только о таких могла бы теперь итти речь. Наконец надо помнить, что *пакт о ненападении подписан только на три года,* что в истории представляет очень короткий период».

Мы устанавливаем, что бывший министр иностранных дел Польши пытается убедить мир, что, подписывая принципиальные политические документы о ненападении, принимая величайшие политические обязательства перед лицом всего мира, польская дипломатия ведет только игру на очень короткий срок. Понятно, не наше дело отвечать князю Сапеге на эту *попытку дискредитации внешней политики польского правительства.*

После этого выступления не то в роли принципиального пропагандиста, опасающегося, что польская дипломатия может своими актами усыпить классовую бдительность польского буржуазного общества, не то в роли *провокатора,* пытающегося подорвать позиции польской дипломатии, дабы ее повернуть на другие рельсы,—князь Сапега дает общую оценку международного положения Польши:

«*Пакт четырех* может казаться большим поражением польской дипломатии. *Несмотря на наш союз с Францией,* вопреки нашим интересам, предписывающим нам сотрудничать с Западной Европой, возникает *акт, которым великие державы Запада отделяются от нас, как бы отталкивая нас от Западной Европы.* Акт этот по своей внешности и, наверное, в своих начальных намерениях в значительной мере направлен против нас. *Мы не сумели в продолжение 12 лет получить гарантии насчет точки зрения великих держав по отношению к нашим границам. Мы не сумели завоевать себе соответствующей позиции в Европе.* Внешне выглядит так, что этот акт *ослабляет наш союз с Францией, что мы становимся ей ненужными, что мы изолированы перед лицом опасности ревизий границ, ревизии Версальского договора.* В таком освещении подписание акта под эгидой Литвинова кажется нам как бы *прыжком на Восток, как бы исканием в объятиях России средства против опасностей, идущих с Запада.* Так ли дела обстоят? Если так, то надо установить, что наше министерство иностранных дел проявило чересчур далеко идущую нервозность, и что актом, носящим внешне характер антигерманский, углубило пропасть между нами и Западом, приближая нас к тому, что я назвал второй возможностью нашей политики: *с положения авангарда Европы мы переходим на положение авангарда Востока.* Но и здесь я скажу, что было бы ошибкой высказывать такое суждение, не зная о более глубоких причинах. Дело идет о ходе на шахматной доске. *Это один из ходов,—может быть, хороший, может быть, плохой,—но он не имеет решающего значения при окончательном розыгрыше».*

Нельзя отказать в известной ловкости рук авторам выступления князя Сапеги. Они одновременно извещают Польшу, что союз с Францией, являющийся базой ее политики, подорван в своем значении, они сводят ряд крупных политических актов, долженствующих улучшить польско-советские отношения, к размеру маловажных ходов в дипломатической игре, и они наконец... не говорят, что они *этими всеми упражнениями добиваются одного—признания необходимости капитуляции Польши перед Германией и заключения с нею союза, направленного против СССР.*

Мы считали нашим долгом осветить выступление князя Сапеги, имеющее то положительное значение, что оно выявило противников польско-советского сближения среди господствующих классов Польши. Чем больше мы считаем такое сближение лежащим в интересах народных масс обеих стран и в интересах международного мира, тем больше мы должны отдавать себе отчет в том, кто является противником этого сближения, в каком направлении идут мысли и надежды этих противников. Мы надеемся, что отклики польской прессы на выступление князя Сапеги еще более выяснят положение.

«Известия», 8 сентября 1933 г.

БОРЬБА
за
ТИХИЙ ОКЕАН

ДИНАМИТ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Мировая пресса, посвящающая целые столбцы жвачке, пережевываемой международной дипломатией, очень мало сообщала о слушавшемся в токийском военном суде *процессе убийц японского премьер-министра Инукаи*. Самый факт убийства премьер-министра великой державы должен был бы обеспечить процессу большое внимание во всем мире, тем более, что убийство это последовало после убийства министра финансов Ияноэ и после убийства главы самого крупного японского концерна Мицуи, Дана. Мало того, убийцами оказалась группа японских офицеров. Казалось бы, что этого всего достаточно, чтобы процесс стал предметом напряженного внимания всего мира. Но этого не случилось. Правда, японская печать печатала длинные патриотические тирады обвиняемых, печатала адреса офицеров и других «патриотов», солидаризирующихся с подсудимыми, *но очень старательно избегала освещения всего механизма организации убийства*.

Процесс кончился, главные обвиняемые приговорены к смертной казни, часть—к тюремному заключению, и документы этого дела можно спрятать в письменный стол. Но эти документы представляют собою описание *динамитного снаряда* громадной силы, который может взорваться в любой момент и взорвать мир. Обвиняемые признали, что они разбирали между прочим *вопрос об убийстве американского посланника Грю и американского генерального консула Грейса* для того, чтобы ускорить американо-японскую войну, ибо они считали, что эта война происходила бы теперь в более благоприятных для Японии условиях, чем через несколько лет. Вероятно, только обострение внутренней борьбы империалистских клик в Японии, толкнувшее молодых офицеров на покушение на жизнь японского премьер-министра Инукаи, задержало осуществление покушения на американского посланника, которое могло бы сыграть в развитии событий на Дальнем Востоке ту же роль, которую сыграло убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда в *Сараеве* летом 1914 года в возникновении мировой войны 1914—1918 гг. Кто может быть уверен, что военно-фашистские организации Японии не примут в любой день решения произвести покушение на представителя одной или другой державы, которых они считают врагом Японии.

Япония кишмя-кишит заговорщическими организациями, имеющими

представителей в армии, среди мелкобуржуазной интеллигенции, в чиновничестве, организациями, *от которых идут нити к очень влиятельным кликам*. Налицо не только динамитные снаряды и взвинченные фашистские террористы, налицо провода, ведущие к влиятельным группам, борющимся за власть и разрабатывающим фантастические планы захвата азиатского континента. Игра динамитом в Японии представляет мировую опасность, и простой долг мирового общественного мнения—присмотреться внимательно к тому, что показал процесс убийц Инукаи.

* * *

Первый вопрос: *кто такие убийцы* Инукаи? *Во имя каких идей* они схватились за револьвер? Это—молодые офицеры, происходящие из офицерских, помещичьих и чиновничьих семей. Идеи, во имя которых они вступили в заговорщические организации и во имя которых они произвели свое покушение, они выразили сами в ряде воззваний, выпущенных во время покушения. В листовке, опубликованной 15 мая «национальной федерацией молодых офицеров», они писали:

«Японская нация! Уничтожь *во имя императора существующие политические партии*, которые являются общим врагом нации. *Убивай капиталистов*, наказывай действующие по произволу власти, умерщвляй хитрых помещиков и специальный привилегированный класс. Крестьяне, рабочие и вся нация, защищайтесь и охраняйте свою родину! Под руководством способного и августейшего императора мы должны восстановить истинный дух нашей империи. Мы должны осуществить принцип самоуправления. Необходимо привлекать способных людей. Полное разрушение необходимо для великой реконструкции. Мы оплакиваем нынешнее положение в Японии... Нечего говорить, что мы не являемся ни социалистами, ни крайними националистами. Вставай, народ, и восстанови павшую Японию!»

Прокламация кончается лозунгами:

«*Против политических партий*, которые заботятся только о власти, только о собственных интересах, *против капиталистов*, которые находятся в блоке с политическими партиями для того, чтобы угнетать своих соотечественников, против *мягкотелой дипломатии*, *против опасных мыслей*, за крестьян и рабочих, которые терпят крайнюю нужду».

В другой прокламации, подписанной «Единомышленники крестьяне и молодые офицеры армии и флота», говорится:

«Японский народ! В политике, дипломатии, экономике, народном образовании, идеях, военном деле—где имеется облик священной Японии?

Япония мучается из-за того, что политические партии поглощены всецело вопросами политической власти и партийных интересов, что плутократы в союзе с ними выжимают пот и кровь из народа, что власти поддерживают их и с каждым днем увеличивают репрессии, что *внешняя политика слаба*, что народное образование находится в упадке и что имеется идейное разложение.

Япония уже сейчас готова низвергнуться в пучину падения.

Если сейчас не наступит момент реформы, то Япония погибнет. Народ! Бери оружие и поднимайся. Сейчас единственным путем к избавлению являются «*прямые действия*». Другого пути нет. Народ! Именем императора умерщвляй дурных чиновников из императорского двора, убивай плутократов и ныне существующие политические партии, которые являются врагами народа. Карай совершающие злоупотребления власти, убивай предательский привилегированный класс!

Крестьяне, рабочие, весь народ, защищай свое отечество—Японию. Вернись к духу строительства государства под эгидой императора. Определяй на государственные должности людей, проникнутых великим национальным духом, строй светлую возрожденную Японию!

Народ! Думай об этом строительстве. Сперва разрушай. Круши гнусные, ныне существующие партии. Перед великим строительством необходима коренная ломка. Рискуя нынешним положением Японии, мы хотим возжечь свет реставрации Сёва. Конечно, мы не склонимся ни в сторону правых, ни в сторону левых ныне существующих организаций. Расцвет или падение Японии не находится в зависимости от наших (авангарда нации) осуществлений; он зависит от ваших действий—народа, исполненного нашим духом. Поднимайтесь, вставайте, создадим истинную Японию!»

Что скрывается за этой смесью народнических, крестьянофильских фраз, за этими обвинениями капиталистов, смешанными с проклятиями по адресу японских буржуазных партий, японской дипломатии и с упованиями на императора?

* * *

Япония является страною *величайших классовых противоречий*. С одной стороны, беспросветная нищета крестьянства, которое, составляя 91% всего количества земледельцев, имеет немного больше земли, чем 5 000 крупных и 200 000 мелких помещиков, и принуждено арендовать у помещиков землю, платя им деньгами и натурой больше половины урожая. Это крестьянство задавлено долгами, которые составляют 7 миллиардов иен; оно не в состоянии покупать ни скота, ни сельскохозяйственных машин, оно работает примитивнейшими орудиями труда. Японское сельское хозяйство переживает уже давно глубочайший кризис, который после войны беспрерывно обострялся. Последний кризис ударил по крестьянству особенно сильно, понизив больше чем наполовину цены на рис и шелк—главные продукты производства японского крестьянства. *Но когда убийцы Инукаи кричат о крестьянстве, то они думают в первую очередь о своих отцах, о помещиках.*

Японский помещичий класс является паразитическим слоем, который при переходе Японии на капиталистические рельсы не только сохранил землю, обрудив крестьян на положение арендаторов, но использовал всю сохранившуюся в его руках власть для продолжения полуфеодальной эксплоатации крестьянства. За тот кусок земли, который помещики принуждены были отдать крестьянству, они заставили его

платить выкуп, который пошел на спекуляцию, на ростовщичество и на роскошь. Ничего удивительного, что скоро значительная часть мелкопоместных дворян осталась без земли и, не удовлетворяясь постоянными подачками со стороны правительства, не удовлетворяясь предоставлением ей мест в государственном аппарате, начала толкать Японию на захват Формозы, Кореи, а позже и Китая. *Дворянчик, обглодавший японское крестьянство, не довольствующийся крохами, падающими со стола молодого капитализма, стал главным носителем идеи империалистической экспансии в Японии* за долгое время до того, как возник японский монополистический капитализм с его современными империалистскими тенденциями.

Развитие монополистического капитализма не спасло помещика. Оно добавило к феодальной эксплоатации *эксплоатацию крестьянства трестами и концернами.* Вся торговля рисом и шелком-сырцом сосредоточена в руках нескольких крупных фирм с концерном Мицуи во главе. Они понижают цены на сельскохозяйственные продукты, одновременно повышая цены на индустриальные изделия, в первую очередь на удобрения, без которых не может обойтись японское сельское хозяйство. Двойной гнет помещика и финансового капитала, рост налогов на беспрерывно увеличивающееся вооружение и на растущую чиновничью свору вызвали рост обеднения крестьянства, сделали голод хроническим гостем деревни. Это должно было *отразиться и на помещиках.* Крестьянин не был в состоянии платить арендной цены и перед последним кризисом, что вызывало постоянно растущее количество конфликтов. Падение цен на сельскохозяйственные продукты, вызванное последним кризисом, привело к *падению доходов помещика почти наполовину.* Попытки увеличить количество продуктов, взимаемых в форме ренты с крестьянина, или попытки увеличения денежной ренты наталкнулись на границы, за которыми начинается невозможное. 1932 год является свидетелем разгрома и поджога помещичьих усадеб, избиения судебных исполнителей; одновременно падают цены на землю: с 546 иен за тани рисового поля цена упала до 399 иен.

Крупные помещики, имеющие доходы с участия в промышленности, банках, получающие жалованье в качестве членов высшей бюрократии, могут думать об удалении арендаторов со своих земель, о капиталистическом сельском хозяйстве с применением батраков и корейцев. Для мелких помещиков этот путь закрыт. И *мелкий помещик* клянчит субсидии у правительства и *требует захватнической политики, которая бы позволила ему в качестве военного и чиновника эксплоатировать крестьянство других стран.* Когда помещичьи черносотенные организации обещают японскому крестьянству землю в Китае или в Сибири, то они знают великолепно, что это—обман, ибо у крестьянина нет денег для уплаты долгов, а тем более средств на основание нового хозяйства на азиатском континенте. Но *для помещиков война открывает путь к выходу из их личного кризиса.* Из высоких окладов, которые получают чиновники и военные, посылаемые в Манчжурию, можно уплатить долги, а задолженность помещиков составляет 2½ миллиарда иен. Военная молодежь, возмущающаяся мягкотелой дипломатией и добивающаяся войны для «освобождения» Азии, выражает эти стремления помещичьего класса.

* * *

Другая часть военной фашистской молодежи выражает настроения *разоренной мелкой буржуазии*. Она представляет собою громадный слой, около 10 миллионов людей (с семьями), к чему надо прибавить 3½ миллиона служащих и интеллигентов. Эта городская мелкая буржуазия, составляющая почти треть японского населения, страдает от роста налогов, вызванного вооружениями, она страдает от пожирания мелкой промышленности крупной, страдает от дороговизны. Кризис, приведший и к сокращению служащих, и к банкротству мелких предприятий, ударил по ней особенно остро. Что касается интеллигенции, то достаточно указать на тот факт, что в одном Токийском районе насчитывается за последние три года 55 тысяч безработных интеллигентов, которые создали общество, заявляющее о готовности принять любой труд за 20 иен в месяц, чтобы понять, какую питательную среду для военно-фашистских тенденций представляют эти люди. Они видят громадные богатства, скопившиеся в руках крупных капиталистических концернов и трестов. В 1929 году японская официальная статистика насчитывала 3000 лиц, владеющих имуществом более 1 миллиона иен.

«Большинство этих миллионеров живет в Токио, во всяком случае большинство из 50 самых крупных богачей Японии. В Токио их насчитывается 39, в Осака—5, в Нагойя, Ниигата, Отару, Кобе, Фукуока и Ямагата—по одному. Во главе японских миллионеров надо поставить барона Ивасаки Хисайя, бывшего директора консорциума Мицубиси и брата нынешнего директора. В круглых цифрах его личное богатство исчисляется в 500 млн. иен. На той же ступени находятся Хаширомон Мицуи, глава консорциума Мицуи. Затем идут: барон Ивасаки Койята, брат первого Ивасаки и нынешний директор Мицубиси, с 430 млн. иен, Мицуи Геннемон, председатель банка Мицуи; барон Сумитомо Кишиземон, председатель консорциума того же названия; они имеют по 200 млн. иен каждый.

Далее: Мицуи Мотопозуке, председатель горнопромышленной компании концерна Мицуи—170 млн. иен; Ясуда Зечжиро, председатель консорциума Ясуда—160 млн. иен; барон Мицуи Такаясу, Ивасаки, Хикойята, сын барона Хисайя Ивасаки и будущий председатель консорциума Мицубиси, барон Окуро Кишихиро, председатель компании того же имени,—150 млн. иен; барон Фурукава Торанозуке, председатель компании того же имени,—130 млн. иен. Помимо этих королей финансовой и деловой аристократии, имеется еще десяток лиц, владеющих по 100 млн. иен. Они так или иначе принадлежат либо к семейству Ивасаки (Мицубиси), либо Мицуи, за исключением г. Накано Шутаро из Ниигата, который считается самым крупным землевладельцем. Из этого же первоначального обзора явствует, что две семьи—Мицуи (11 членов) и Ивасаки владеют наиболее крупными состояниями в Японии, оцениваемыми в 1½ миллиарда иен каждое, без перевеса в ту или другую сторону. На довольно далеком расстоянии от них следует семья Ясуда с 625 млн. иен, затем—семья Сумитомо, Окура и Фурукава. Эти огромные состояния были созданы после реставрации империи в 1868 г. Ивасаки были простыми крестья-

нами на службе у даймю Тоза, Ямануччи. Напротив, Мицуи были более двух столетий кущами провинции Изе и ссужали деньги под рис сеньерам, получавшим оброк рисом.

Вот, далее, список дельцов, банкиров и т. д., владеющих солидными состояниями: Незу Кайширо—80 млн.; Хатторе Кинтаро, крупный ювелир, Гинза,—70 млн.; барон Коноике Зенемон, банкир в Осака,—50 млн.; Номура Токушихи из Осака—40 млн.; Ито Жироземон, глава больших магазинов Мацузакая из Нагоин,—35 млн.; Хомма Мицуя, землевладелец из Ямагата,—30 млн.; Коежимо Ейжиро, угольные шахты Фукуока, Охаши Шинтаро, делец из Токио,—30 млн. иен».

Полные ненависти и зависти, смотрят японская мелкая буржуазия и мелкопоместное дворянство на японский финансовый капитал, но они не чувствуют в себе силы для объявления ему беспощадной борьбы, они не могут выдвинуть программы экспроприации экспроприаторов японского народа. Поэтому, проклиная капиталистическую эксплоатацию, они выдвигают юмористические программы *государственного контроля* над крупными капиталистами, который должен заставить их отказаться от состояний выше миллиона, должен ограничить размеры капиталов трестов до 10 миллионов и вообще заставить их работать на «пользу народа». Но если мелкобуржуазная масса может верить в такие побасенки, ибо эта вера есть результат ее неспособности к борьбе с капиталом, *то заправилы фашистского движения великолепно знают цену своих программ.* В своей книге «Обозрение фашистского движения в Японии» японский фашист *Зама* пишет:

«На нынешнем этапе империализма национализм имеет миссию борьбы с социальными тенденциями. *Для того, чтобы сохранить руководство над оппозиционными большевизированными классами внутри страны, нужно выступать не просто под знаменем национализма, а, как того требует вся обстановка, выдвинуть лозунги национального социализма и государственного социализма».*

Руководители фашистской военной организации понимают опасности, которые таит в себе загнивание японского монополистического капитализма, его неспособность конкурировать с более мощным монополистическим капитализмом САСШ «нормальными» средствами, а также глубокий аграрный кризис. Поэтому они ведут демагогическую агитацию против трестов и картелей и буржуазных политических партий, являющихся их орудием, для того, чтобы удержать народные массы от действительной борьбы за свои интересы и прикрыть плащом народных интересов политику империалистского захвата, предпринимаемого именно в интересах крупных помещиков, трестов и картелей. Достаточно указать на тот факт, что пока что на захвате Манчжурии заработали только концерн Ясуда, финансирующий Южно-Манчжурскую железную дорогу, и связанные с ним капиталистические группы, что на морских вооружениях зарабатывают сотни миллионов концерн Мицубиси и концерны тяжелой промышленности, с которыми головка военно-фашистского движения живет в наилучших отношениях и от которых разные фашистские организации получают финансовые средства не только на свою пропаганду, но даже и на террористические акты. Это не мешает фашистам возбуждать в мелкобуржуазных массах надежду, что терри-

тории, захваченные на азиатском континенте, не будут эксплоатироваться главарями монополистического капитала, а будут использованы японским народом.

* * *

Фашистское движение в Японии представляет, если принять во внимание массу его приверженцев, разоренные массы мелкой буржуазии и мелкопоместного дворянства, но оно является *орудием в руках части высшей бюрократии, крупных помещиков, военщины и разных групп финансового капитала,* которые пришли к убеждению, что для политики империалистской экспансии старые японские государственные учреждения с парламентом, политическими буржуазными партиями стали непригодными. По их мнению, эти учреждения потеряли доверие народных масс и, будучи местом постоянной грызни разных групп помещиков, капиталистов и бюрократов, неспособны вести энергичную захватническую политику. Эти фашистские элементы пытаются при помощи организации массового фашистского движения и фашистских террористических групп ускорить *объединение всей власти в руках военщины* и связанных с нею наиболее решительных групп финансового капитала. Подобно тому, как в Германии значительные слои крупной буржуазии боялись передоверить власть национал-социалистам, в Японии очень влиятельные группы монополистического капитализма боятся диктатуры военщины, которая может неосмотрительной политикой, ударяя одновременно по многим направлениям, привести к *изоляции* Японии.

И подобно тому, как в Германии часть старой бюрократии и военной бюрократии—достаточно назвать фельдмаршала Гинденбурга и генерала Шлейхера—долго не решалась на фашистский эксперимент, так и в Японии, среди самых верхушек бюрократии—достаточно назвать дженро *Сайондзи* и хранителя императорской печати *Макино*—стремление военно-фашистских групп к диктатуре встречает помехи и сопротивление. И массовое фашистское движение, и террористические организации являются орудием борьбы военно-фашистских групп с этими помехами, стоящими *на их пути к власти, которая им нужна как средство ускорения войны за завоевание азиатского континента.* Демонстрации фашистских организаций и террористические покушения, которые *сегодня* являются *средством борьбы за власть,* могут завтра явиться *средством развязывания сил войны,* которая, понятно, ускорила бы сосредоточение власти в руках военщины. Именно эта сторона была тщательно замазана и в старых процессах террористических организаций, и в последнем процессе.

* * *

Весь мир является теперь сплошным пороховым погребом, но есть места в этом мире, где собрано наибольшее количество пороха и где к этому погребу ведут прямые электрические провода от очень влиятельных клик. К этим местам относится и Япония. Процесс убийц Инукаи сигнализировал не только опасность крупнейших потрясений, угрожающих Японии, но и *опасность, что мир будет взорван на*

Дальнем Востоке. Те, кто, быть может, лелеет надежду, что взрыв на Дальнем Востоке окажется локализированным, глубоко ошибаются: мир представляет одно целое, и если лавина обрушится в одном пункте, она вызовет обвалы по всему миру.

«Известия» от 26 сентября 1933 г.

ЯПОНСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФАШИЗМ [1]

Предлагаемая работа двух советских востоковедов представляет большую научную и политическую ценность. Военно-фашистское движение Японии является одним из тех механизмов, которые должны перевести Японию из состояния скрытой в состояние открытой мировой империалистической войны. Знание этого фугаса, заложенного на Дальнем Востоке под дело мира, является необходимым. Но во всей мировой литературе нет работы, которая бы выяснила конкретно корни военно-фашистского движения в Японии, фазы его развития, которая бы познакомила читателя с его идеологией, организацией и с его местом в общей системе сил, решающих основные проблемы политики японского империализма. До этого времени существовали только журнальные статьи, посвященные этому вопросу. Наши авторы дают нам *довольно подробную картину явления, опираясь на японскую литературу*. При этом они не изолируют военно-фашистского движения в Японии, а показывают его развитие на фоне современной истории Тихоокеанской империалистической державы, на фоне социального кризиса, ею переживаемого. Они показывают на конкретном материале отношение разных прослоек японского общества к военно-фашистским идеям и организациям, уделяя особенное внимание вопросу о состоянии между этим движением и военщиной. И выяснение корней военно-фашистского движения Японии и обрисовка его социального содержания и связей, данные авторами, в общем правильны. В исторической части работы спорить можно было бы только о ряде второстепенных вопросов, которые вызывают сомнение, но для этого нужно знание японских источников, которого у меня, к сожалению, не имеется. Поэтому я ограничусь только одним вопросом, поставленным авторами в последней главе их работы, а именно вопросом *о сходстве и различиях японского и европейского фашизма*,—вопросом, имеющим большое значение для оценки перспектив развития на Дальнем Востоке. Такое сравнение позволит не только обратить внимание на некоторую, по-моему, однобокость постановки авторами вопроса о перспективах военно-фашистского движения в Японии, но и даст возможность ярче подчеркнуть громадное значение тех сил, которые теперь потрясают империалистскую Японию.

«Можем ли мы все это реакционно-шовинистическое движение,—от барона Хиранума, генерала Аражи и Тояма до Окава, Тацибана и Акацуму,—назвать «фашистским» в западноевропейском смысле этого слова?»—спрашивают авторы и отвечают отрицательно на этот вопрос, мотивируя свое отрицание тем, что «если мы его (это движение) будем

---

1 Предисловие к книге *О. Танин и Е. Иоган*, Военно-фашистское движение в Японии, Партиздат 1933 г.

рассматривать в целом, то оно характеризуется двумя отличительными чертами, существенно разнящими его от фашизма, например итальянского или германского».

Какие же это различия?

«*Первое различие* сводится к тому, что западноевропейский фашизм является в основном орудием финансового капитала, а японское реакционное шовинистическое движение, взятое в целом—это орудие не только финансового капитала, а орудие японской монархии, представляющей блок двух классовых сил—финансового капитала и полуфеодальных помещиков—и обладающей к тому же собственной логикой развития, представленной в лице армии и монархической бюрократии, гнет которых имеет самостоятельное значение. Поэтому в центре японского реакционно-шовинистического движения стоят в основном те же люди, которые возглавляют систему японского военно-феодального империализма. Отсюда—роль армии как хребта всего реакционно-шовинистического движения, взятого в целом.

Отсюда вытекает *вторая отличительная черта* японского реакционно-шовинистического движения, характерная для очень значительного и пока что для наиболее влиятельного его крыла. Это—ограниченное использование социальной демагогии реакционно-шовинистическим движением в целом».

Раньше чем подвергнуть анализу эту мотивировку, надо сказать: сравнивать можно между собою только те явления, которые кроме различий имеют и сходство. Не имеющие сходства явления нельзя вообще сравнивать. Поэтому методологически неверно, что авторы говорят только о различиях военно-фашистского движения в Японии и европейского фашизма, ни одним словом не упоминая об его сходстве, хотя само название «военно-фашистское движение» говорит, что они это сходство видят. Отсутствие анализа черт сходства неминуемо ведет к однобокости, которую Ленин часто называл «преувеличением истины».

Фашизм является фазой развития монополистического капитализма на известной ступени его загнивания, распада, кризиса. Монополистический капитализм создал везде, где он побеждал, тенденцию к замене демократии, как прикрытой формы диктатуры крупного капитала, более открытыми ее формами. С самого момента возникновения современного империализма наметились в его политике явления, которые дали повод уже в конце XIX и начале XX столетия заговорить о кризисе демократии. Об этом кризисе заговорили не только представители революционного пролетариата, не только представители мелкобуржуазных оппозиционных и бунтарских течений—анархисты и синдикалисты,—это подметили также представители феодальной и полуфеодальной реакции (см. литературу французских роялистов, литературу немецких реакционных кругов, как например Дельбрюк), это заметили даже деловые люди, описывающие растущую власть финансовой олигархии. Литература, посвященная американской внутренней политике конца XIX и начала XX столетия, полна работ, показывающих загнивание буржуазной демократии.

Концентрация власти в руках капиталистических монополий, трестов и картелей привела уже перед войною к тому, что решение всех основных вопросов политики перешло от правительств к бесконтрольным замк-

нутым капиталистическим кликам, действующим на правительство не парламентским путем, а путем прямого подкупа, путем перехода власти в буржуазных партиях к маленьким группам, финансирующим эти партии и диктующим им свою волю. Все эти процессы приводили не только к ослаблению парламентской демократии, но и к фактическому урезыванию так называемых прав и свобод, без которых буржуазная демократия немыслима. Наскоки на свободу организаций пролетариата, на право собраний, свободу слова и т. д. имели место в предвоенные годы в целом ряде капиталистических стран и держав, выхолащивая с каждым годом все больше содержание буржуазной демократии.

Этот процесс пошел ускоренным темпом во время войны, ибо война привела к такому обострению классовых отношений, что буржуазия сомневалась, сможет ли она добиться своих целей демократическим путем. Военный режим не устранял в руководящих капиталистических странах парламента. Парламент становился даже в наиболее демократических странах, как например во Франции, средством, при помощи которого к власти приходили наиболее энергичные империалистские клики (Клемансо во Франции), но вся «низовая» основа буржуазной демократии в значительной мере исчезла. Демократические свободы были немедленно отняты у пролетарских групп, *выступающих против империалистической войны*. Даже мелкобуржуазные пацифистские группы и социал-демократия, стоящая на стороне империализма, не избежали этой участи. Военные клики, зная, что за партиями II Интернационала стоят еще громадные народные массы, боялись, что предоставление обычных демократических свобод даже социал-демократии, поддерживающей войну, даст возможность недовольству рабочих низов прорваться наружу и через организации социал-демократии. II Интернационал представлял дело так, что налицо только временная жертва, временный отказ от использования демократических свобод, продиктованный высшей целью—«защитой отечества», и что, наоборот, после войны пролетариат получит в награду за спасение отечества полный расцвет своих прав. Они были даже убеждены, что в связи с этим ожидаемым расцветом наступит эра нового роста социальных реформ.

Ближайшие годы после мировой империалистской войны, казалось, подтверждали эти предположения, ибо они привели к расширению избирательных прав в Англии для женщин, к падению империи Гогенцоллернов и Габсбургов, к созданию во всей центральной и значительной части Восточной Европы республик, к введению 8-часового рабочего дня и социального страхования в размерах, до этого времени не известных. В ряде стран, в том числе даже в Англии, к власти приходили партии II Интернационала. Но даже в это время в тех странах, где капитализм из страха перед пролетарской революцией демократизовался, этот внешний рост демократии сопровождался прямым насильственным подавлением революционного движения и классовых организаций пролетариата. Если в предвоенное время монополистический капитализм, выхолащивая внутреннее содержание парламентаризма, внешне оставлял еще все демократические права за рабочими (только урезывая их), то теперь, все более увеличивая за кулисами власть монополистического капитализма, буржуазия признавала демократические права только за теми частями народных масс, которые шли за партиями, поддерживаю-

щими ее господство. Буржуазная демократия становилась демократией для рабовладельцев и для послушных рабов.

В 1922 г. приход к власти итальянского фашизма означает известный исторический рубеж в истории загнивания буржуазной демократии. Итальянский фашизм поставил вне закона не только революционную, но и реформистскую часть рабочего класса, а со временем ликвидировал даже реакционную мелкобуржуазную партию «Пополяри». Он открыто ликвидировал все институты буржуазной демократии: парламент, легальное существование буржуазных политических партий и все основные демократические права. Стряхивая и отбрасывая ускоренным темпом лохмотья синдикалистских и социалистических фраз, итальянский фашизм из социалистической критики либерализма, из критики свободы конкуренции и капиталистической монополии создает теорию корпоративного государства, которая на деле прикрывает господство частных капиталистических организаций, слегка загримированных под органы государственно-капиталистического контроля. Победа итальянского фашизма означала, что господствующие слои буржуазии, начиная от помещиков и кончая крупными банками, не считают возможным сохранить свою власть при наличии буржуазной демократии. Права на агитацию и организацию, которые буржуазная демократия предоставляла раньше народным массам, начали угрожать существованию монополистического капитализма в тех странах, где условия развития капитализма были наиболее потрясены. Захват заводов итальянскими рабочими в 1920 г. итальянская буржуазия правильно расценила как приближение пролетарской революции. Она оказалась бессильной перед лицом этого движения. Джиолитти, один из наиболее умных государственных людей итальянской буржуазии, отказался применить вооруженную силу к очистке фабрик, зная, что, во-первых, для этой цели нехватит сил армии и полиции, а, во-вторых, что введение войск в фабрики может означать приближение революции. Буржуазию спасло тогда реформистско-центристское руководство итальянской социалистической партии, которое дезорганизовало движение. Но буржуазия прекрасно понимала, что предательство рабочего класса реформистами и центристами будет иметь своим последствием передвижение рабочих масс в сторону коммунизма, выкристаллизование действительно революционного руководства, которое обеспечит победу при следующем наступлении рабочего класса. Поэтому буржуазия решилась раз навсегда освободиться от этой опасности путем уничтожения всей демократической системы и создания организации, которая была бы достаточно сильной, чтобы охранять капитализм от новых опасностей. Эта организация не могла быть узкой организацией консервативных слоев, ибо такая организация вызвала бы отпор рабочих и крестьян и не имела бы другой опоры, кроме полиции и армии. Новая контрреволюционная организация должна была быть массовой организацией, ибо задача ее состояла в борьбе с массовым революционным движением. Чтобы быть массовой организацией, она должна была выступать под псевдореволюционным флагом, пользоваться лозунгами социальной демагогии, направив социальное недовольство отсталых колеблющихся масс в сторону от монополистического капитализма.

Победа итальянского фашизма ускорила созревание фашистских идей почти во всех капиталистических странах. Но только тяжелейший

экономический кризис, разразившийся на фоне послевоенного общего кризиса капитализма, привел к победе второй массовой фашистской организации, созданной в крупнокапиталистической стране, а именно в Германии. Я не буду здесь говорить об отличиях немецкого фашизма от итальянского и отличиях в их развитии. Мне важно подчеркнуть здесь то, что роднит оба движения. Германский капитализм более развит, чем итальянский. Но побежденный в мировой войне, лишенный крупной армии, морского флота, морских баз, колоний, он оказался неспособным к конкуренции с мировыми империалистическими державами, как был неспособен к такой конкуренции, несмотря на свои претензии, итальянский империализм из-за слабости своей сырьевой базы, из-за слабости своего капиталистического накопления и отсутствия богатых колоний. Неспособность к конкуренции с Англией, САСШ, Францией ухудшила условия послевоенного монополистического капитализма Германии в борьбе с нарастающей опасностью пролетарской революции, которая в 1918—1923 гг. была сорвана германской социал-демократией. В период временной стабилизации капитализма, которая сопровождалась отвоеванием значительной части старых позиций немецкого капитала на мировом рынке, германская буржуазия могла еще сохранять свою власть благодаря помощи социал-демократии и подавлению всякой попытки рабочего класса к революционным выступлениям. Пользуясь социал-демократией как главной опорой, германская буржуазия поддерживала фашистское движение отчасти как средство давления на социал-демократию, чтобы заставить ее уменьшить свои требования, отчасти как будущую смену социал-демократии. Мировой экономический кризис, ударивший жесточайшим образом по Германии, поставил перед германской буржуазией вопрос о надвигающейся опасности новой революции. Никто не мог сказать, как долго будет продолжаться этот кризис; его продолжение угрожало таким нарастанием влияния германского коммунизма, что завоевание им большинства рабочего класса, этой основной предпосылки борьбы за захват власти, могло стать вопросом ближайших лет. Кроме того кризис развязал во всех империалистских странах все центробежные силы, тенденции к автаркии, т. е. к вырезанию из капиталистического мира по возможности большей территории, которая должна стать закрытым полем эксплоатации данной «национальной» монополистической буржуазии. Германская буржуазия должна была позаботиться об устранении опасности пролетарской революции и одновременно создать условия для использования растущих империалистических противоречий с целью создания собственного автаркического экономического организма, т. е. для завоевания новых колоний. Обе эти задачи могли быть решены только путем уничтожения остатков буржуазной демократии, без чего нельзя было ни оттянуть, ни отсрочить опасность революции, ни создать наиболее благоприятные условия для новой империалистической войны.

Кризис, вызывающий растущее недовольство в широких мелкобуржуазных массах, создавал необходимые условия для победы фашизма как массовой организации и одновременно делал невозможной борьбу с опасностью революции другими средствами, кроме фашистской диктатуры. Потрясенные кризисом, мелкобуржуазные массы города и деревни покидали ряды старых буржуазных партий и подпадали под влияние националистической партии, обещающей им спасение от ра-

зорения при сохранении частной собственности. Исчезновение старых буржуазных партий, приближающееся с каждым днем, делало невозможным продолжение их господства даже при наличии поддержки социал-демократии, отказывающейся от одной демократической свободы за другой во имя политики «меньшего зла», т. е. во имя избежания полной победы фашизма. Эта политика, наоборот, только ослабляла социал-демократию как опору буржуазии, ибо толкала одну часть социал-демократических рабочих за другой в лагерь коммунизма, увеличивая этим опасность пролетарской революции. Идея господства военно-бюрократической клики, нашедшая свое выражение в правительстве Папена и Шлейхера, являлась утопией, ибо нельзя было господствовать чисто бюрократическими методами, опираясь только на полицию и армию, имея против себя революционных рабочих и миллионные массы мелкой буржуазии, втянутых в национал-социалистическое движение. Ввиду раскола, внесенного в рабочие массы социал-демократией и не преодоленного еще коммунистической партией, ввиду того, что кризис толкнул значительные массы мелкой буржуазии временно направо, в лагерь фашизма, авангард пролетариата не мог поставить себе целью непосредственную борьбу за захват власти. Так стала возможной победа фашизма, диктатура которого является диктатурой монополистического капитала и который ставит себе задачей искать выхода из кризиса, бежать от революции на поле империалистической войны, чтобы в результате создать новую империалистическую германскую державу, способную и к конкуренции с другими империалистическими державами и к борьбе с революционным пролетариатом.

Подводя итоги развития фашизма на Западе, надо сказать, что основные его черты состоят в том, что он, во-первых, развивается на *экономической почве господства монополистического капитализма, который не в состоянии уже решить основных экономических задач, стоящих перед обществом,—монополистического капитализма, чувствующего приближение социалистической революции и переживающего углубляющийся кризис.* Этим сказано, что реакция в странах неразвитого капитализма, не достигнувшего еще степени монополистического капитализма, не является однородной с фашизмом, хотя имеет многие черты, схожие с фашизмом (комбинация дикого террора с социальной демагогией). Отсутствие господства финансового капитала, как экономической базы фашизма, не позволяет этим реакционным режимам быть последней фазой развития к социализму. Они могут быть ликвидированы еще буржуазно-демократическими революциями довольно длительного характера или даже ублюдочным демократическим режимом, который может явиться наследником обанкротившегося реакционного режима даже без революции.

Вторая черта фашизма состоит в том, что он является не просто бюрократическим господством реакционных клик, а диктатурой, опирающейся на массовые организации, преимущественно мелкобуржуазные; что он объединяет величайший террор против рабочих и революционных крестьян с необузданной социальной демагогией, пытающейся внести разложение в рабочий класс, перетянуть наиболее отсталые люмпен-пролетарские части его в лагерь фашизма. Фашизм не является просто реставрацией буржуазной власти. Такая реставрация есть утопия, ибо во всех стра-

над развитого капитализма старая буржуазная власть опиралась на поддержку широких масс мелкой буржуазии и даже отсталых рабочих, поддерживающих буржуазные и «социалистические» партии, стоящие на почве реформы капитализма. Эти массы подчинялись буржуазии через посредство буржуазной демократии. Где ликвидирована буржуазная демократия, она ликвидирована именно потому, что массы мелкой буржуазии и пролетариата потеряли убеждение в устойчивости капиталистической системы и покидали с каждым днем все больше ряды буржуазных партий.

* ■ *

Фашистская диктатура не есть просто реакционная диктатура, вроде режима Хорти или Цанкова. Она является диктатурой финансового капитала, сумевшего через ряд новых рычагов обеспечить себе демагогической политикой и массовой организацией поддержку со стороны мелкой буржуазии.

Существуют ли в Японии эти две черты фашизма: 1) господство потрясенного монополистического капитализма, боящегося пролетарской революции, ищущего выхода из нее на путях фашистской государственной организации внутри страны и новой войны за передел мира, с одной стороны, и 2) стремление к созданию в качестве опоры капитализма массового мелкобуржуазного движения, обманутого социал-демократическими лозунгами, с другой? Это не может подлежать никакому сомнению. В Японии господствует финансовый капитал. Исследователи, подчеркивающие своеобразные черты этого господства финансового капитала в Японии тем, что он в значительной мере господствует еще через монополию банков, через эксплоатацию ими мелкого, среднего предпринимателя и разрозненного мелкого крестьянского производителя, что он глубоко сросся с пережитками феодализма,—абсолютно правы. Так например книга *Орчарда*, указывающая на это своеобразие господства монополистического капитализма в японской промышленности, и предисловие к этой книге т. *Сафарова*, дающее конкретную картину пережитков феодализма в японской деревне и сплетение их с господством монополистического капитализма,—правильно указывают, несмотря на допущенные преувеличения, на особенности, которые будут иметь большое значение в дальнейшем развертывании японского кризиса. Значение этих моментов состоит в том, что, во-первых, недостаточная концентрация и недостаточная техническая модернизация японской промышленности не позволяют японскому финансовому капиталу развить ту силу, без которой японский империализм может оказаться, по правильному выражению одного из наших японоведов, «мощным кулаком на очень слабых мышцах». Японская военщина великолепно чувствует эту слабость и сделала за последние два года все от нее зависящее для концентрации промышленности и для оснащения ее современной техникой. Но, несмотря на значительные вложения в промышленность, проведенные в последние два года японским правительством и японскими финансовыми трестами, им только в незначительной мере удалось устранить эту отсталость. Исключительный паразитизм японского помещика, выкачивающего из деревни 50% ее годового дохода, наличие пережитков феодализма во всех областях деревенской жизни гарантируют в будущем широкий размах демократического революционного движения

крестьянства. Но как ни важны эти особенности, нельзя отмахнуться от вопроса, который является центром всех вопросов. И при рассмотрении японского империализма и японского фашизма возникает вопрос: *кто же экономически господствует в Японии—монополистический капитализм или остатки феодализма?* На этот вопрос может быть только один ответ.

Развитие Японии с 1868 г. означает возникновение и победу индустриального капитализма, переход его на рельсы монополистического капитализма. Помещичий класс Японии, представляющий пережитки неликвидированного в 1868 г. феодального класса, сумел удержать в измененной форме дань, взимаемую с крестьянства. Для этого он использовал власть, которую сохранил в значительной мере в своих руках. Но эта власть служила в то же самое время проводником укрепления финансового капитала, служила интересам его победы над всеми другими классами в Японии и орудием его борьбы за мировой рынок и за завоевание позиций на азиатском континенте. Помещичий класс, вкладывающий выжатые из крестьянства капиталы в промышленность и банки, является сам частью монополистической буржуазии. Поскольку его интересы как владельца ренты противоречили интересам его как владельца прибыли, он мог добиться учета своих специфических интересов за счет общего развития экономических сил страны. Но, усиливая этим роль монополистического капитала как тормоза развития производительных сил, помещичий класс Японии не мог господствовать вопреки основным интересам монополистического капитализма. Помещик пытался сорвать с капиталистического развития Японии по возможности больше для себя, но он не мог вести политики, которая бы не отвечала основным интересам монополистического капитализма.

Весь экономический и политический кризис Японии разворачивается на фоне кризиса монополистического капитализма, хотя этот кризис углублен и осложнен наличием пережитков феодализма. Социальный и политический кризис Японии вызван теми же самыми причинами, как и кризис всей капиталистической системы. Монополистический капитализм утратил способность обеспечить развитие производительных сил. Всякая его попытка делать это через повышение техники, через рационализацию вызывает величайшее обострение нужды и безработицы масс, увеличивает социальный кризис. Попытка завоевания новых рынков сбыта для продуктов монополистического японского капитализма вызывает громадные обострения международных империалистских противоречий, вынуждает его к бешеным вооружениям, которые, подрывая экономические силы деревни, ложась неслыханным бременем на рабочие массы и массы городской и мелкой буржуазии, со своей стороны ослабляют производительные силы страны. Попытка завоевания части Китая, для того чтобы создать автаркическую японскую континентальную империю, имеющую собственные железо и уголь, являющуюся закрытым для других империалистских держав рынком сбыта,—все это приводит к растущему конфликту с массами, которые не хотят стать колониальными рабами Японии, и конфликту с другими империалистскими державами, в первую очередь с САСШ.

Вот основы кризиса, переживаемого Японией. Он является только видоизменением общего кризиса, переживаемого монополистическим капитализмом. Опасность пролетарской революции в Японии не подлежит

в этих условиях сомнению и вытекает из принципиально тех же источников, что и в других странах,—из господства монополистического капитализма. Пережитки феодализма, обостряя в Японии противоречия интересов между крестьянством и помещичьим классом, создавая опасность революционных крестьянских движений, создают условия поддержки пролетарской революции крестьянской войною. Независимо от того, начнется ли развязка политического кризиса Японии от крестьянской войны или от пролетарских революционных движений, наличие пережитков феодализма делает в Японии необходимым и неизбежным решение задач демократической революции. Развитие пролетарской революции в Японии будет последствием *перерастания* демократической революции в социалистическую. Основное значение идеи этого перерастания состоит в том, чтобы научить пролетариат не перескакивать через задачи демократической революции, не забывать ни на один момент, что крестьянство принадлежит к движущим силам японской революции, что союз с крестьянством является условием грядущей победы пролетариата.

Но наличие пережитков феодализма в Японии и поэтому наличие перспективы вырастания пролетарской революции в Японии *из буржуазно-демократической* не устраняют факта, *что степень развития, достигнутая японским капитализмом, есть степень монополистического капитализма.* Развязка кризиса монополистического капитализма может состоять только в социалистической революции, через сколько бы этапов ей ни пришлось пробивать свой путь. Кризис Японии развертывается на основе монополистического капитализма, и японская буржуазия, ища выхода из него на путях империалистской агрессии и фашизма, ищет спасения от пролетарской революции и борется за такие условия конкуренции с другими империалистскими державами, которые дали бы ей возможность и в дальнейшем избегнуть пролетарской революции. *Поэтому не подлежит никакому сомнению, что японский фашизм пытается решить в основе те же самые задачи, которые пытается решить германский и итальянский фашизм.*

Когда авторы предлагаемой книги пишут, что—

> «западноевропейский фашизм в основном является орудием финансового капитала, а японское реакционное шовинистическое движение, взятое в целом,—*это орудие не только финансового капитала, но и орудие японской монархии,* представляющей блок двух классовых сил—финансового капитала и полуфеодальных помещиков»,

то, противопоставляя помещиков финансовому капитализму, они ошибаются и по отношению к западноевропейскому и по отношению к японскому фашизму.

Роль итальянских помещиков, пытающихся спастись от напора батраков и мелких арендаторов, в деле победы итальянского фашизма была очень крупна. О роли германских юнкеров в победе германского фашизма знает весь мир. На мекленбургских, померанских и ост-эльбских поместьях вскармливались отряды фашистских убийц, раньше чем в карманы фашизма поплыли деньги из железных шкафов королей промышленности. Значительная часть главарей германского фашизма—сыновья помещиков. Германский фашизм пришел легко к власти благо-

даря поддержке, которую оказали ему прусский юнкер—фельдмаршал Гинденбург и командование рейхсвера, состоящее из прусских юнкеров. Германский фашизм именно поэтому не смеет тронуть интересов остэльбских помещиков, несмотря на то, что ему приходится разыгрывать роль партии, якобы спасающей крестьянство. Благодаря тому, что пережитки феодализма в Японии сильнее, чем в Италии и даже в Германии, роль помещиков в военно-фашистском движении Японии наверное крупнее. Но она в основном не может отличаться от роли помещиков в европейском фашистском движении, ибо и в Японии фашизм своей политикой вооружений набивает в первую очередь карманы финансового капитала. Захватив полностью власть, он смог бы проводить экономически только политику, в основном отвечающую интересам монополистического капитала. Помещики своим участием в фашистском движении обеспечивают себе особый куш из общеимпериалистской добычи, как его обеспечили себе германские и итальянские помещики. Быть может, что и доля их при разделе временной добычи будет крупнее. Но это не создает принципиально отличной основы японского фашизма от западноевропейского фашизма.

Вторая черта фашистского движения, а именно—поиски опоры в широких мелкобуржуазных массах, которые привлекаются широкой демагогической социальной программой, налицо в Японии в не меньших размерах, чем в Европе.

Именно книга наших авторов дает тысячи доказательств, что нет ни одной социальной идеи, пускаемой в ход для демагогических целей европейским фашизмом, которая не имелась бы в арсенале фашистского движения в Японии. Когда японские дворянчики выступают на процессе убийц Инукаи в качестве защитников рабочих и крестьян, то где еще искать лучшей социальной демагогии? Именно благодаря этой социальной демагогии японским военно-фашистским организациям удалось мобилизовать громадные массы мелкой буржуазии, приведенной в движение социальным и политическим кризисом Японии. Авторы нашей книги правы, когда доказывают, что цифры, приводимые японскими фашистами о силе их организации, сильно преувеличены. Но было бы ошибкой эти силы преуменьшать. Не в том дело, имеют ли японские фашисты миллионы приверженцев, объединенных в особые партийные фашистские организации, или эти миллионы находятся в массовых организациях общепатриотического характера, созданных бюрократией и военщиной,—решающий вопрос состоит в том,—служат ли фашизму люди, держащие в руках рычаги этих массовых, формально не фашистских организаций и какие идеи они проводят в этих организациях. Германский «Стальной шлем» не был фашистской партийной организацией, он был организацией, которую часть германских помещиков и часть германской промышленности пыталась противопоставить фашистской организации. «Стальной шлем» был в свое время многочисленнее, чем штурмовые отряды Гитлера. Но так как «Стальной шлем» и стоящая за ним партия германских националистов не имели никаких идей, отличающих их от гитлеровцев, которые они могли бы противопоставить гитлеровцам, то «Стальной шлем» в окончательном счете был подчинен Гитлеру и стал из организации, конкурирующей с Гитлером, одним из побочных резервуаров силы германского фашизма. Недоверие бюрократической военной верхушки Японии к организации мелко-

буржуазных масс, боязнь этой организации толкают военную клику на попытку захвата власти без организации фашистской массовой партии, как та же самая боязнь мелкобуржуазных масс привела в Германии к созданию правительства Шлейхера и Папена, пытавшихся удержать власть без Гитлера, а отчасти против него. Но это правительство было только эпизодом, ибо без поддержки массовых фашистских организаций оно висело в воздухе. Ход развития в Японии трудно предугадать, но если группа Араки овладеет полностью властью путем закулисных махинаций, поддержанных давлением верхних слоев офицерства, то этой группе придется искать опоры в фашистских организациях. Будет ли это правительство опирающимся на фашистские организации, или развернется оно в правительство фашистской организации,—в обоих случаях социальное его содержание будет одно и то же: оно будет диктатурой монополистического капитализма, принужденной сильно считаться с интересами помещиков, и в обоих случаях мелкая буржуазия не будет господствовать, а будет только массовой опорой господства монополистического капитализма.

Особенности японского фашизма состоят в известной мере в более значительной роли помещиков в организации японского фашизма в том духе средневековья или, точнее говоря, легенд о средневековьи, которые вожди японского фашизма пытаются внести в народные массы. Но мы имеем здесь дело с второстепенными, а не первостепенными различиями. Более важное, хотя тоже не основное, различие состоит в организационно-руководящей роли японской армии в фашистском движении. В Италии кадровое офицерство не играло этой роли, хотя часть высшего командования стояла на стороне фашистов. Итальянская армия не вышла из мировой войны в ореоле славы, в итальянских народных массах после войны существовала громадная усталость от войны. Поэтому итальянский фашизм подчинил себе армию только после победы. В Германии в фашистском движении играло руководящую роль только младшее поколение бывшей императорской армии, не вошедее в рейхсвер. Рейхсвер оказывал скрытую помощь фашистским организациям, поставляя им оружие и инструкторов. Но он не был в состоянии из-за военно-политических соображений и отчасти из-за связи со старыми буржуазными партиями и их режимом сыграть руководящую роль в возникновении и победе германского фашизма. В Японии эта руководящая роль в организации фашистских сил высшего офицерства налицо. Эта роль идет так далеко, что даже раскол японской социал-демократии и создание открытой фашистской «социалистической» партии происходят при непосредственном участии крайних фашистских элементов высшего японского офицерства (группа полковника генерального штаба Хасимито). Эта роль японского офицерства в организации фашизма объясняется, с одной стороны, великим ореолом, которым оно окружено как организатор побед над Россией в 1904—1905 гг., а с другой стороны, тем, что разорение значительной части средних и мелких помещиков, из которых происходит офицерство, и деградация японского сельского хозяйства создают среди этого офицерства социальное недовольство, роднящее его с недовольной мелкой буржуазией, которая между прочим тоже поставляет часть офицерства. Эта роль японского офицерства как руководителя фашистского движения создала в верхушке этого офицерства, организованной вокруг генерала Араки, иллюзию,

что она может взять власть одна, без участия фашистских мелкобуржуазных организаций, которых группа Араки не старается объединить, повидимому из боязни увеличения их удельного веса. Но эта политика вызывает недовольство в части младшего офицерства, возглавляемого бывшим военным атташе в СССР полковником Хасимото, который заявляет, что офицерству не по силам руководить Японией и что если оно не создаст массовой фашистской партии как своей опоры, то оно будет разбито коммунизмом, который несомненно складывается в массовую организованную силу. Эта чисто фашистская тенденция, представляемая Хасимото, которая будет усиливаться с ростом социального кризиса в Японии, показывает, что и здесь роль армии в фашистском движении сближает японский фашизм с европейским типом.

Ошибки, допущенные авторами предлагаемой работы, вытекают из двух источников. Один состоит в том, что из законной боязни недооценить значение пережитков феодализма они допускают в окончательных формулировках известный перегиб. Другой источник, что историческое изложение развития японского фашистского движения накладывает чересчур сильную печать на их теоретические выводы. Фашистское движение в Японии уходит своими корнями в бюрократически-военную организацию «Черного дракона», являющуюся в прошлом главной конспиративной организацией нарождающегося японского империализма. Но, несмотря на помещичье-бюрократический состав этой организации, она, служа целям японской экспансии, была в окончательном счете орудием монополистического капитализма. Тут налицо большая аналогия с развитием пангерманского союза, который сыграл такую громадную роль в истории германского империализма. Пангерманский союз был создан бюрократическими и военными кругами; роль дворянства в нем была очень значительна, но он служил застрельщиком германского империализма, являющегося результатом развития немецкого монополистического капитализма. Марксистский анализ не может пройти мимо социального состава любой политической организации, но он не признает решающей роли в определении социального характера данного движения за этим социальным составом, а спрашивает, *какие классовые интересы в окончательном счете руководят этим движением*. Партии II Интернационала являются во всех капиталистических странах в большинстве своем еще рабочими партиями по их составу, но они являются по характеру своей политики буржуазными партиями, ибо, отказываясь от революционной борьбы, они не могут вести другой политики, как политику, которая диктуется интересами буржуазии. Фашистские партии на Западе являются по своему составу мелкобуржуазными партиями. Руководящий ими слой—в значительной мере помещичий, но ведут они политику защиты интересов финансового капитала, который является ведущей силой капиталистического общества, поднявшегося на ступень монополистического капитализма. Не иначе обстоит дело в Японии, хотя руководящую роль в фашистском движении этой страны играют помещики и высшая бюрократия.

Если принять во внимание эти ошибки авторов, то книга их принесет значительную пользу, обогащая наше знание рычагов японской империалистической буржуазии, ищущей выхода из кризиса на путях фашизма и империалистической войны.

«Большевик» № 21 от 1 ноября 1933 г.

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ МЕШОК И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ШИЛО

Часть китайской прессы и пресса, издаваемая в Китае иностранными империалистскими кругами, очень возмущена. Она возмущена переговорами советского правительства с японским о возможности продажи КВЖД. Эта пресса в продолжение многих лет вела беспрерывную кампанию против СССР, против работы наших хозяйственных органов в Китае, против советской части управления КВЖД. Она обвиняла советское правительство в империализме, в продолжении царской политики, ибо, по ее мнению, владение КВЖД советской властью являлось нарушением социалистических принципов, «защита» которых, как известно, доверена историей буржуазной китайской прессе и наемникам иностранных империалистских органов в Китае. Теперь эта же самая пресса нападает на советское правительство за готовность продать КВЖД. Советские представители на КВЖД, которые до этого времени обвинялись в использовании своего положения для коммунистической пропаганды и в тысяче других преступлений, советские работники на КВЖД, которых китайско-манчжурские власти беспрерывно арестовывали, на которых они натравливали русских белогвардейцев, обязаны сидеть на КВЖД и дожидаться возвращения Чжан Сюэ-ляна и его свиты. Если они этого не сделают, если советское правительство договорится о продаже КВЖД,—говорят они,—то оно нарушит не только социалистические принципы, но и Мукденско-Пекинский договор 1924 года.

Ярые защитники принципов социализма и договоров забыли, что в 1929 году с их одобрения Чжан Сюэ-лян, поддерживаемый нанкинским правительством захватил КВЖД и довел до вооруженного конфликта с СССР, разорвав в клочья Мукденское соглашение. Международная империалистская пресса, не скрывала тогда, что Чжан Сюэ-лян пользовался поддержкой гоминдана, который надеялся, что мировые империалистские круги вознаградят китайскую контрреволюцию за разрыв договора с СССР о КВЖД. Нарушение договора со стороны СССР, по мнению этих защитников святости договоров, состоит в том, что СССР ведет переговоры о продаже КВЖД Манчжоу Го не с Чжан Сюэ-ляном и с Нанкином, а с Японией. Защитники святости договоров прежде всего должны были бы объяснить, каким образом СССР может вести переговоры с названными факторами, если оных в Манчжурии не имеется.

Китайская буржуазия, китайские помещики и китайские милитаристы *потеряли без боя Манчжурию*. При первом выстреле японских войск Чжан Сюэ-лян приказал своей армии отступить без боя. Только разрозненные отряды солдат, не сумевшие эвакуироваться, защищали под руководством молодых патриотических офицеров Манчжурию, покинутые теми, кто обязан был возглавлять их борьбу. Но, может быть, Китай был захвачен врасплох и в первый момент не мог защищаться? Может быть, позже руководящие элементы буржуазного Китая возглавили его борьбу? За исключением борьбы за Шанхай, которую вела героическая 19-я армия, саботированная всеми решающими факторами официального Китая, помещичье-милитаристический Китай даже не двинул пальцем для защиты страны. Но в то же время эти китайские круги, находя десятки и сотни миллионов на организацию вооруженной борьбы против

китайских крестьян, не находят однако никаких средств для защиты своей территории. И только недавно весь мир был свидетелем *неслыханного предательства национальных интересов Китая со стороны милитаристов*. Гористая область *Жэхэ*, которую можно было защищать минимальными силами в течение месяцев, в продолжение каких-нибудь двух недель была захвачена противником. Несчастные китайские солдаты без вооружения, без одежды были брошены против артиллерии и против авиации противника. Деньги, полученные генералами на организацию защиты, потонули в больших карманах милитаристов, как это устанавливает вся китайская пресса. Китайская буржуазия теряет без попытки сопротивления область за областью, но Советский Союз должен для нее сохранять КВЖД, терпеть материальные убытки, рисковать жизнью своих служащих и рисковать международными конфликтами. К тому же не следует забывать, что ни Пекинское, ни Мукденское соглашения ничем не ограничивают СССР решать вопрос о продаже КВЖД по его собственному усмотрению, тем более, что другой участник договора не сохранил фактической власти на территории, на которую договор распространяется.

Чувствуя всю смехотворность своих юридических аргументов, пресса китайских горе-националистов апеллирует к солидарности Советского Союза с притесненными империализмом народами,—народами, борющимися против империалистского гнета. Одна из китайских буржуазных газет заявляет, что в то время, когда *Лига наций* не признает захвата Манчжурии, Советский Союз «дезертирует с поля борьбы с империалистской агрессией». Мы не будем говорить о том, что державы, показавшие Японии кукиш в женевском кармане, поставляют Японии амуницию для борьбы с китайским народом, и не будем говорить о том, что доклад Лиги наций, так называемый доклад Литтона, предлагал передачу Манчжурии Японии с «сохранением лица» официального Китая и что китайская делегация в Женеве защищала этот доклад, как знамя борьбы и спасения Китая. Это противопоставление благочестивой Лиги наций «циничному» Советскому Союзу выдает все существо политики китайских лженационалистов. Боясь поднять на ноги народные массы Китая для защиты его независимости, эти элементы, не заслуживающие названия китайских патриотов, прятались за спину империалистических держав. Они искали спасения от японского империализма у правительств, которые держат в своих руках в продолжение десятков лет китайскую территорию; которые до сегодняшнего дня не признают суверенитета Китая в главных его городах, содержат там свои гарнизоны, создали в них свои сеттльменты. Вчерашний захватчик, сегодня еще пользующийся награбленным, он должен быть защитой против нового захватчика— в этом состоит вся политическая премудрость людей, говорящих от имени порабощенного Китая. Народ, борющийся против иностранного поработителя, имеет право искать союзников, где их может найти, имеет право использовать империалистские противоречия. Так, Соединенные Штаты Америки опирались в своей борьбе против английских поработителей на Францию. Но они не ожидали, что Франция их освободит. *Они вели сами борьбу*, которая снискала им симпатии всех революционных элементов тогдашнего мира. Полагаться на спасение со стороны других поработителей, отказываясь самому от борьбы, это означает обманывать собственный народ; ибо если бы даже другие империалисты могли и

хотели задержать наступление японского империализма, выбить его с захваченных позиций, то они сделали бы это только для одной цели: *чтобы занять его место*. И мы знаем, что доклад Литтона, это священное писание лигонационных патриотов Китая, предлагал Японии сделку с другими империалистскими державами за счет Китая. Вот что защищают китайские лженационалисты против СССР.

В этом хоре нападений на Советский Союз выделяются голоса *английской империалистской печати в Китае*, а среди них в первую очередь голос старого защитника всех актов насилия, совершаемых против Китая английскими империалистами, голос *Вутхэда*. Эти выступления дают *ключ к пониманию смысла агитации против СССР*. Английский «*Экономист*», орган либеральных торговых кругов, в статье от 6 мая, посвященной положению на Дальнем Востоке, пишет, что твердолобые японские круги хотели бы по возможности скорее добиться соглашения с китайскими милитаристами, чтобы повернуть свои силы против Советского Союза. Передавая их оценку положения Советского Союза, лондонский еженедельник пишет:

> *«С начала этого года международное положение Советского Союза серьезно ослаблено победой гитлеризма в Германии, которая заменила послевоенную русско-немецкую дружбу острой враждой; оно ослаблено конфликтом с Великобританией по поводу московского процесса. Твердолобые Великобритании всегда стояли на стороне Японии. Если бы японцы повернули против России, то они этим очень обрадовали бы британских твердолобых».*

Мы не будем здесь доказывать, что господа японские твердолобые очень бы ошиблись, спекулируя на «ослаблении» положения Советской страны. Как бы ни тверды были их лбы, они бы от этой ошибки только пострадали, ударившись о Советский Союз. Важно то, что *лондонский орган, хорошо знающий расчеты английских твердолобых, правильно передает мечты и надежды этих кругов*. Они хотели бы стравить Советский Союз с Японией, ибо это, по их мнению, сулило бы им большой выигрыш. Чем бы война ни кончилась, Советский Союз был бы принужден расходовать свои средства на войну вместо того, чтобы строить социализм. Япония надорвала бы свои силы настолько, что перестала бы быть опасной для других империалистских держав. Так называемое «японофильство» этих кругов сильно смешано с боязнью перед японским демпингом, с боязнью перед движением Японии на юг Тихого океана. Война Японии с СССР должна освободить английских твердолобых от этих тревог. Наконец английские твердолобые понимают, что столкновение Японии с СССР вызвало бы волну народного движения в Китае. Подавить эту волну при отсутствии японского империализма, занятого на севере, означало бы подавить ее в пользу английского империализма.

Таким образом господа Вутхэды знают, чье дело делают, натравляя Китай против СССР, пытаясь создать впечатление, что китайские народные массы считают себя обманутыми Советским Союзом. Они знают, как мы дорожим мнением этих масс, и думают, что подобная кампания сможет удержать Советский Союз от шагов, имеющих целью укрепление мира с Японией путем устранения конфликтов.

Советский Союз знает великолепно, что кампания, поднятая против

его переговоров о продаже КВЖД, *не отражает мнения никаких серьезных, действительно патриотических кругов Китая.* Эти круги знают, что не будь преступной политики, которая в 1926 году разбила национальный фронт Китая, Китай представлял бы теперь силу, с которой должны бы были считаться империалисты всех стран. Круги, действительно заботящиеся о будущем Китая, знают великолепно, что Советский Союз никогда не заключает компромиссов за счет действительных интересов народных масс других стран. Они понимают, что, кто пытается поощрять тенденции к созданию конфликтов между Советским Союзом и другими странами, тот пытается *ослабить единственную страну, являющуюся действительным другом китайских народных масс.* Эти круги понимают, что забота лженационалистов о КВЖД,—это в данном положении простое шутовство. Ведь все эти китайские лжепатриоты кричат, что потеря Манчжурии ими не окончательная, а только временная. Ну, что же,—когда они вернутся на белых конях в Харбин, они найдут тогда там и железную дорогу. Чего же им тогда так кричать?

Мы убеждены, что не только сознательные рабочие и крестьяне, знающие великолепно политику Советского Союза и имеющие к ней глубокое доверие, но и все *серьезные патриотические элементы* Китая поймут правильность политики Советского Союза, делающего все, чтобы затруднить мировому империализму его политику, стремящуюся втянуть Советский Союз—надежду трудовых масс и угнетенных народов—в войну. Не только сознательные рабочие и крестьяне, но и более дальновидные мелкобуржуазные патриотические элементы Китая поймут, что *империалисты пытаются избегнуть войны между собою, переводя ее на рельсы войны с Советским Союзом, чтобы ослабить его и тем самым облегчить себе дело удушения национального движения в колониальных и полуколониальных странах.*

«Известия» от 20 мая 1933 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОЛУМБА В ЕВРОПУ

Уже в послании Рузвельта к главам 53 правительств имелись места, указывающие на предстоящий *сдвиг* во внешней политике Соединенных Штатов, сдвиг, который подготовлялся в продолжение многих лет. Воззвание Рузвельта высказывалось в пользу сохранения *статус кво* и определяло как нападающую ту сторону, которая двинет свои вооруженные силы на *чужую территорию.* Но, как подчеркнула французская печать, оно не содержало никакого указания на то, что сделают Соединенные Штаты, если какая-нибудь страна нарушит статус кво и двинет свои войска на территорию другой страны. Эту недоговоренность устраняет выступление *Нормана Дэвиса,* уполномоченного американского правительства на женевской конференции, от 22 мая. Норман Дэвис заявил:

> «Я хочу разъяснить, что мы готовы с нашей стороны не только к существенному сокращению вооружений, но, если это будет подтверждено международным соглашением, мы также готовы пойти по другим путям организации мира. В частности мы готовы

на *консультацию* с другими государствами с целью предупредить конфликт в случае угрозы миру. Далее, в случае, если державы на конференции установят, что какая-нибудь держава является виновником нарушения мира, поскольку она пренебрегла своими международными обязательствами, и если эти державы примут меры против нарушителя мира, то мы, *участвуя в вынесенном решении, устанавливающем виновника, будем воздерживаться от какого-либо действия, направленного против коллективных усилий государств в целях установления мира».*

Что конкретно означает это обязательство САСШ «воздержаться от какого-либо действия, направленного против коллективных усилий государств в целях восстановления мира», государственный секретарь *Хэлл* отказался точно объяснить. Но приблизительный смысл этого заявления станет ясным, если вспомнить, как определяла *Франция* условия своего соглашения на известное сокращение вооружений. В *плане Эррио* французское правительство говорило:

«Все державы, принимающие участие в работах конференции, должны быть призваны провести в жизнь в решительной форме следующие принципы, признанные всеми как необходимое последствие пакта об отказе от войны:

а) Всякая война, начатая в нарушение Парижского пакта, является вопросом, касающимся всех держав, и должна считаться нарушением обязательств, принятых ими по отношению друг к другу.

б) В случае нарушения Парижского пакта или угрозы его нарушения, названные державы должны собраться по возможности скоро, чтобы обратиться к общественному мнению и установить меры, которые должны быть приняты.

в) В применение Парижского пакта, запрещающего войну, всякое нарушение этого пакта должно иметь последствием *запрет непосредственных или косвенных, экономических или финансовых отношений с нападающей стороной.* Державы должны установить меры, которые сделали бы этот запрет немедленно действительным.

г) Названные державы должны заявить о своем решении не признавать никакого де факто сложившегося положения, вытекающего из нарушения международных договоров».

Данное и Рузвельтом, и Норманом Дэвисом определение агрессора, как страны, захватывающей чужие территории, и обязательство не только участвовать в консультативном пакте, но и не противодействовать решениям консультативной конференции, направленным против наступающей стороны, означает ответ Соединенных Штатов на это французское требование. Ибо если обязательство не противодействовать мерам, определенным конференцией, созванной для консультации по поводу нарушения договоров, имеет *какой-либо смысл*, то оно может означать только следующее: *Америка не обязывается воевать против всякого нарушителя мирных договоров, но она обязывается не противодействовать экономическому и политическому бойкоту нападающей стороны, т. е. она обязывается принимать участие в таком бойкоте.* Никакого другого смысла в заявление Нормана Дэвиса вложить нельзя.

Для того, чтобы понять значение заявления САСШ, надо вспомнить, что в декабре 1914 года, перед лицом уже разгоревшейся войны, *Вильсон* говорил, что «*это война, с которой мы не имеем никакого дела, война, причины которой нас не касаются*». Когда Соединенные Штаты приняли участие в мировой войне, которая якобы их совершенно не касалась, и когда после войны Версальская конференция приняла устав Лиги наций, то параграфом, вызывающим наиболее жестокие нападки со стороны американского сената, был параграф 10-й, который гласил:

> «Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства».

САСШ не подписали Версальского договора, не вступили в Лигу наций и не хотели даже участвовать в Гаагском трибунале. Главный аргумент американских изоляционистов состоял в том, что Соединенные Штаты не могут подчинить своих решений какому-то стоящему выше их учреждению. *Когда в 1930 г. на Лондонской конференции по морским вооружениям Стимсон заявил, что в случае присоединения Франции к решениям этой конференции Соединенные Штаты согласятся участвовать в консультативном пакте, Гувер дезавуировал его, несмотря на то, что Стимсон не обязывался выполнить решения консультативной конференции, а только обещал принять в ней участие.* Теперь Соединенные Штаты, повидимому, готовы обязаться даже принимать участие в экономическом бойкоте страны, объявленной нападающей.

* * *

Колумб возвращается в Европу. Это настолько важное событие, что стоит разобрать причины, приведшие Соединенные Штаты к такому *изменению своей политики.*

Автор новейшей истории послевоенной внешней политики САСШ Франк *Симондс* пишет в своей книге («*Может ли Америка оставаться дома*». Нью-Йорк. 1932 год): «Участие Америки в мировой политике в том смысле, который мы теперь придаем этому понятию, началось только с мировой войны». Это верно, несмотря на целый ряд империалистских предприятий САСШ перед мировой войной, ибо, только участвуя в мировой войне, САСШ вели не периферийную войну, не устраивали империалистической «экспедиции», а приняли участие в действительной войне, решающей на долгое время судьбы мира. В этой войне они приняли участие, несмотря на то, что Вильсон объявил ее в декабре 1914 г. войной, не касающейся САСШ. О причинах вступления Америки в мировую войну писалось очень много, очень часто больше для затемнения, чем для объяснения вопроса. Достаточно указать на тот факт, что в четырехтомнике, содержащем записки полковника *Хауза*, советника Вильсона, в многотомном издании вильсоновских документов *Бекера*, в биографии *Пейджа*, американского посла в Лондоне, в биографии *Спринг Райса*, английского посла в Вашингтоне, почти не упоминается влияние финансового капитала на решение аме-

риканского правительства участвовать в войне. Эти очень интересные и колоритные источники довоенной истории Америки пытаются представить дело так, как будто решение Соединенных Штатов было вызвано протестом «совести» Вильсона против германских подводных лодок, как «бесчеловечного орудия войны», было вызвано заботой о победе демократии и т. д., и т. д. На деле решение было вызвано тем, что английскому флоту удалось отрезать Германию от американского рынка. Громадная американская промышленность, еще более расширившаяся во время войны, заработала полным ходом на союзников. После того, как союзники исчерпали находящиеся в их распоряжении золото, девизы, американские акции, они получили от американских банков громадные кредиты. Когда Германия построила достаточно сильный подводный флот, который смог начать блокировать Англию и Францию, Соединенные Штаты стали перед альтернативой: *или принять участие в войне на стороне союзников, или потерять предоставленные Англией и Францией кредиты и заморозить свою промышленность, т. е. решиться пойти для избежания войны на грандиозный экономический кризис.*

Соединенные Штаты выбрали войну. Из этой войны они вышли не только с громадной промышленностью, с современным военным флотом, но вышли как *нация-кредитор*. Мелкобуржуазные массы, разочарованные исходом войны, требовали отказа от дальнейшего вмешательства в европейские дела, но, понятно, не это было причиной, почему крупный капитал Соединенных Штатов не разрешил подписать Версальского договора, ни войти в Лигу наций, а выдвинул *знамя изоляционизма* (обособления). Монополистическая американская буржуазия сумела втянуть мелкобуржуазные массы Америки в войну, хотя эти массы на президентских выборах в 1916 году голосовали второй раз за Вильсона именно потому, что считали, что он спас Америку от войны. Если это не помешало вожакам финансового капитала втравить Америку в войну, то настроение этих масс против вмешательства САСШ в европейские дела не помешало бы американскому капиталу ввести Соединенные Штаты в Лигу наций. Причина была другая. *Руководители американского капитала считали, что они держат в кармане весь мир, что они смогут диктовать ему свои условия, не подчиняясь никаким решениям какой-то Лиги наций*, в которой принимают участие «всякие» сербы, чехо-словаки, литовцы, не говоря уже о перуанцах, чилийцах и других объектах американской политики. Изоляционистская политика Соединенных Штатов была *маской. Соединенные Штаты ни на один момент после войны не изолировались от мировой политики.* Лучшим доказательством этого являются *миллиарды*, вложенные Соединенными Штатами в страны всего мира. Не считая военных долгов, коммерческая задолженность всех стран Соединенным Штатам составляет приблизительно 17½ *млрд. долларов*, из которых в Европе размещено 5,6 млрд., в Канаде—4,4 млрд., в Южной Америке—свыше 3, в Центральной Америке—около 3, в Австралии—1 млрд. долларов. *Соединенные Штаты не устранились от мировой политики, но они делали ее в первую очередь долларом, будучи убеждены, что доллар сильнее пушки, ибо он командует пушками.*

Этим объясняется и то, почему Соединенные Штаты оказались перед

лицом японского наступления на Китай без достаточного флота. Они не провели до конца вильсоновской морской программы. В Вашингтоне в 1922 г. они добились права иметь равный с Англией линейный флот. В Лондоне в 1930 г. они добились права иметь равный с Англией флот крейсеров. *Но по сегодняшний день американский флот составляет не больше 60—70% английского флота.* На Вашингтонской конференции они добились посредством давления долларом («САСШ так богаты, что могут своими постройками перещеголять наш флот»,—писал тогда лондонский «*Экономист*») расторжения японо-английского союза. Они были убеждены, что дальнейшее давление доллара, вопрос о долгах, заставит Англию итти совместно с Америкой на Дальнем Востоке. САСШ были так уверены в силе доллара, что для облегчения Японии возможности согласиться на расторжение союза с Англией, на обладание флотом, равным лишь $^{6}/_{10}$ английского и американского, они обязались не вооружать *Гуама*, *Коррегидора* и *Алеутов*. Таким образом американская морская граница была отодвинута к Гавайским островам, британская—к Сингапуру. Англо-саксонские владения, лежащие западнее и севернее этих крепостей, стали таким образом доступны всякому японскому нападению. «Еще более важным было то, что САСШ и Англия, не имеющие достаточно близколежащих баз для своего военного флота, стали неспособными действительно охранять Китай»,—пишет *Франк Симондс* в названной выше книге. И если теперь в свете исторического опыта еще раз прочесть книгу американского морского специалиста Нокса: «Исчезновение американского флота» (Knox—«The eclipse of the american fleet»), появившуюся после Вашингтонской конференции, то становится ясным, что предостережения американских военных против Вашингтонского договора были не только результатом обыкновенного желания морских специалистов иметь по возможности большой флот, не только результатом агитации трестов, заинтересованных материально в постройке флота, но результатом предвидения, что американский империализм покупает юридические фикции за счет отказа от действительных позиций, служащих к защите его интересов. Понятно, что Юзы и Гардинги шли на эти сделки, оказавшиеся несостоятельными, не с точки зрения каких бы то ни было пацифистских иллюзий. Ими руководила *глубокая вера в несокрушимую мощь доллара*. Теперь они стоят перед фактом, что *Япония на деле разорвала Вашингтонское соглашение*, которое означало отказ САСШ от вооружений на Дальнем Востоке в обмен на отказ Японии от стремления к расчленению Китая. Китай должен был остаться великой территорией, открытой для капиталов всех стран, а так как доллар мнил себя сильнее всех других, то Вашингтонский договор должен был сделать независимый Китай весьма зависимым от САСШ. Когда доллар оказался подверженным всем болезням, которыми страдают валюты всех других капиталистических держав, Япония захватила Манчжурию. Когда американский государственный секретарь *Стимсон* в письме своем к сенатору *Бора* от 22 марта 1932 г. объяснил Японии, что нарушение ею территориальной целости Китая повлечет за собою отказ Америки от других частей Вашингтонского соглашения, то есть, что САСШ начнут вооружаться на Дальнем Востоке, японский Васька слушал да ел: что будет впереди, неизвестно, а пока что он Манчжурию сцапал. Так же выглядит дело и с разрывом

англо-японского союза. Его нет, но Англия избегает действовать заодно с Соединенными Штатами против Японии. Английский империализм, чтобы дать отпор наступлению доллара, крепко держит в руках *японский козырь* и дешево его не продаст.

В Европе, полагаясь на решающую силу своего финансового влияния, САСШ инвестировали в Германии громадные суммы,—4,2 млрд. марок Америка предоставила Германии в краткосрочных займах, 6,3 млрд.—в долгосрочных займах, не считая капитала, помещенного в немецких облигациях. САСШ думали: пусть французы бряцают саблями, а мы побрякиваем золотом! Нечего говорить о том, что американская буржуазия не предвидела мирового кризиса, не предвидела, что нехватит рынков для рационализированной германской промышленности, что придет день, когда Германия окажется не в состоянии платить проценты и по коммерческим долгам. САСШ не предвидели, что кризис означает грандиозную мобилизацию мелкобуржуазных масс под знаменем национализма, который свалит ответственность за все неурядицы германского народа на Версальский мир. *Теперь Соединенные Штаты дрожат перед перспективой, что военное столкновение в Европе пожрет их громадные вложения в европейское капиталистическое хозяйство.*

Соединенные Штаты борются на два фронта: *против Японии*, угрожающей их экспансии в Азии, и *против Англии*, с которой у них идет тяжба в Южной Америке и которая пытается сколотить свою империю в одно экономическое целое, вытесняя из доминионов капитал САСШ. Единственным возможным союзником в Европе, на которого САСШ могли бы опереться в случае войны с Англией, была бы Франция (по ее географическому положению и военной силе),— и вдруг из-за вложений в Германии Соединенные Штаты могут быть втянуты в борьбу против Франции, т. е. вынуждены оказать помощь английскому империализму, который вдобавок противится их борьбе с Японией.

В этом положении пришлось отбросить гордость, отказаться от видимости изоляции и *принять меры для участия в решениях, которые могут охранить американские интересы.* Поэтому САСШ начали толкать Лигу наций на решения, направленные против Японии, которые должны связать руки Англии. Прошлогоднее решение Лиги наций, заявляющее о непризнании изменений положения на Дальнем Востоке, достигнутых вопреки международным договорам, было победой САСШ, ибо оно поднимало до «высот» международного решения так называемую доктрину Стимсона и Гувера. Но оно было довольно бесплодной победой, ибо не помешало дальнейшему продвижению Японии. Теперь Соединенные Штаты пытаются добиться большего. Если конференция по разоружению примет предложения Нормана Дэвиса, то создастся независимый от Лиги наций конклав, к которому всякая держава сможет апеллировать против страны-агрессора. Апеллировать сможет Франция в случае конфликтов с Германией, но апеллировать смогут и Соединенные Штаты в случае конфликтов с Японией. За кулисами начнется торговля нейтральностью, торговля бойкотами, торговля блокадой. САСШ должны будут принять ответственность за других, но и другие должны будут в случае опасности итти навстречу Соединенным Штатам. САСШ надеются таким образом сохранить в

своих руках не только *контроль над Францией и Германией, но и контроль над Англией* и ее ролью на Дальнем Востоке в случае необходимости нажима. Соединенные штаты, которые были до этого времени богом, говорящим из куста на горе Синае, надели серый цилиндр и отправились на биржу, где теперь торгуют войной, нейтралитетом и блокадой.

Колумб вернулся в Европу не только для того, чтобы смотреть за своими долларами, но и для того, чтобы вербовать участников для возможного похода на Дальнем Востоке.

* * *

Выступление Нормана Дэвиса является не только доказательством изменения отношений между империалистскими державами, но оно чревато многосторонними *последствиями для отношений империалистского мира к СССР*. Но к этим вопросам можно будет вернуться, когда влияние заявления Нормана Дэвиса станет конкретнее и яснее.

«Известия» от 24 мая 1933 г.

«РЕВОЛЮЦИЯ В САСШ», КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Анри Беранже, председатель комиссии по иностранным делам французского сената, бывший французский посол в Вашингтоне, касаясь политики *Рузвельта,* пишет, что в Америке происходит «социальный переворот», далеко выходящий за рамки обыкновенной борьбы американских политических партий.

«Индивидуалистический капиталистический строй, который до этого времени характеризовал САСШ, находится в опасности»,— пишет он.

В чем же он видит опасность?

«Во-первых, они хотят уничтожить банкиров и крупных спекулянтов, поставить их в положение обвиняемых, отнять у них честь и вместо них выдвинуть профессоров университетов, социологов; капиталистическую же свободную конкуренцию они хотят заменить государственным контролем через директорию чиновников. Эта директория хочет иметь своих представителей во всех предприятиях. В конечном счете она стремится к чему-то вроде социализации всех частных предприятий, к проведению «социального выравнения» через контроль над капиталом, к реализации лозунга «нации равных».

Вот цель, как сформулировал ее государственный секретарь труда Перкинс, цель, которую преследовали и Бабеф, и Робеспьер. Исходя из этой предпосылки, САСШ в продолжение трех месяцев сумели низвергнуть с трона короля—доллар, запретить вывоз золота, посадить в тюрьму или, по крайней мере, поставить в положение поделедственных королей промышленности и банкиров. А это все является только началом».

Кто сделал все эти страшные вещи, о которых информирует французского буржуа признанный во Франции знаток американских дел?

Все это, оказывается, совершили «интеллектуальные представители третьего сословия, чиновники, опирающиеся на недовольные средние слои. Они вырвали власть из рук королей Уоллстрита».

Мы привели эти высказывания французского сенатора, но просим читателей не пугаться и не проливать слез над судьбой несчастных американских банкиров. Чорт—Рузвельт не так страшен американской буржуазии, как его малюет сенатор Беранже, равно как не столь опасны и новые Робеспьеры и Бабефы из вашингтонских министерств, как это представляется французскому любителю порядка, сбережений и тихой жизни.

Но то, что такой видный представитель французской буржуазии, да еще специально связанный с американскими делами, как сенатор Беранже, может публиковать подобную статью, безусловно показывает, что во внутренней политике Америки происходят события, действительно выходящие за рамки обычной драки между демократами и республиканцами.

* * *

В появившейся в 1932 году в Филадельфии интересной книге, рисующей американские настроения периода кризиса—«High low Washington», анонимный автор пишет:

«Миллионы безработных. В Иллинойсе национальная гвардия получила подробные указания, как лучше пользоваться винтовкой в гражданской войне. В центральной части САСШ восставали разоренные фермеры. Сенатор Бора впал в панику. Заявляя, что положение катастрофическое, он обращался с призывом ко всем богам, к каким в таких случаях обращаются. Он говорил о том, чтобы пустить в ход серебро, сертификаты, о том, что надо испробовать что-то вроде инфляции.

Правительство получило информацию, убеждающую его в том, что, по крайней мере, в одном из штатов началось вооруженное восстание. Из Сиателя сообщали, что безработные захватили контроль над городом. Началось что-то вроде всеобщей истерии. Адвентисты начали новую пропаганду. Секта бухманитов, появившись в Вашингтоне, призывала известных политиков и чиновников изучать доктрины первобытного христианства или проповедывала слияние с богом в главном бальном зале гостиницы Шорехем. Организации сынов американской революции требовали изгнания без промедления из Америки всех иностранцев, враждебных существующему правительству.

Распространялись сведения, что негритянское население идет к коммунизму, что высокие чиновники нескольких департаментов стали коммунистами и уже произносят речи перед группами черных рабочих на Джорджиа-авеню. Сообщалось, что в некоторых частях города началась забастовка квартирантов, которые отказывались уплачивать квартирную плату, и что суды не смеют их выгонять.

Начались разговоры о том, что нужен Муссолини, не точная копия Муссолини, но во всяком случае что-то похожее на него и носящее американские черты. Оплакивали гибель демократических иллюзий. Как их жалко! Но что делать в этих условиях?»

Мы имеем таким образом две отправных точки зрения: американский публицист рассказывает, как в Соединенных штатах Америки в 1931—1932 гг. напуганные обыватели ждали самой доподлинной революции; а в июне 1933 г. сенатор Беранже извещает нас, что *она уже случилась*, хотя и не приняла еще кровавого характера.

Теперь надо установить—что же действительно случилось между этими двумя периодами?

* * *

Поражение Гувера было результатом глубочайшего брожения, охватившего мелкобуржуазные массы Америки и связанные с ними по настроениям значительные группы американских рабочих.

Соединенные штаты Америки вышли из войны победителем. Широчайшие массы американской мелкой буржуазии, хотя и разочарованные общим исходом войны, считали, что вот теперь видно, какой особенной страной являются САСШ: во всем мире разруха, а САСШ остались самой богатой страной мира; они по существу господствуют теперь над всем миром, ибо только в их руках громадный капитал и мощнейший экономический аппарат, САСШ покажут «сумасшедшей Европе», как надо по-настоящему жить.

Пришел кризис 1922 года. Но его считали только последышем военного кризиса. Затем пришло «процветание», которое превзошло все ожидания американского мещанина. Курсы подпрыгивали верх, как бешеные лошади; расширялись все отрасли промышленности; рос американский экспорт товаров и капиталов. Правда, одновременно фермеры кричали, что они разорены; правда, были миллионы безработных, рационализация делала свое, выбрасывая «ненужных» людей за борт. Но рассчитывали, что все это утрясется.

Сомнения тех, кто указывал на глубокий кризис, подготовлявшийся в Америке, до широких масс мелкой буржуазии, прислушивающейся к плеску волн «процветания», не дошли. Поэтому кризис, в котором нашли выражение противоречия американского капитализма, ударил крепко по головам этих мелкобуржуазных масс.

Отсутствие в Америке прессы, доходящей до широких масс и объясняющей им действительное положение, относительная отсталость американского рабочего привели к тому, что глубочайшее брожение, охватившее народные массы, обратило их гнев только против республиканцев, трестов, против Гувера. А если все зло в них, то: «Долой банки, долой руководителей трестов, долой партию республиканцев, которая обещала бесконечное процветание, а привела к кризису! Долой правительство Гувера, несущее за это ответственность!»

Единственной партией, сумевшей противопоставить себя республиканской партии, была демократическая партия, и именно потому, что она не менее, чем республиканская партия, связана с руководящими кругами крупной буржуазии, получает от них средства и имеет аппарат, созданный десятилетиями.

Демократическая партия поняла, что она может победить лишь в том случае, если она возглавит недовольство широких мелкобуржуазных масс. Так как настроения мелкобуржуазных масс были очень бурными, то надо было выдвинуть кандидата, возбуждаю-

щего кое-какие надежды. Этим кандидатом по разным причинам оказался Рузвельт.

Рузвельт воздерживался при выборах от всяких определенных обещаний. Если сравнивать выборную платформу демократов с выборной платформой республиканцев, то они почти не отличаются друг от друга. В выборных своих речах Рузвельт, подводя итоги «процветанию», доказывал, что оно принесло громадные барыши только трестам и банкам, не давая ничего народным массам. Но *никакой конкретной программы борьбы против создавшегося положения, кроме общих перспектив плана и контроля, Рузвельт не выдвигал.* Несмотря на это, мелкая буржуазия голосовала за него. Называя его «президентом Перемены», она ожидала от него какого-то мистического изменения к лучшему.

* * *

Подготовляясь к приходу к власти, Рузвельт создал себе штаб, вырабатывающий план действий и выкристаллизовывающий основные направления, по которым должна развиваться правительственная политика. В этот штаб входили профессора: *Моли, Берли, Гугвелль, Мордекай, Изекиэль*, ряд юристов, экономистов, агрономов, принадлежащих к более или менее радикальным кругам американской зажиточной интеллигенции. Все это окружение Рузвельта, которое руководило его выборной агитацией, было скоро окрещено именем «мозгового треста».

Эти профессора, как и вся мелкобуржуазная американская интеллигенция, *следили с большим интересом за развитием Советского Союза, побывали в Советском Союзе, изучали нашу хозяйственную систему и пришли к убеждению, что самое важное в ней—это план.* Это совершенно естественно, ибо, будучи буржуа, они не могли считать, что *основное, решающее в нашем строе*—это *наличие пролетарской диктатуры.* Пролетарской диктатуре они, как буржуа, не могли приписывать никаких положительных качеств,—«кроме неприятностей ничего от нее не получишь!» Но так как они видели грандиозный рост Советской республики, они приписали его плану, как таковому. Что изучением советской экономики занимались не только отдельные профессора в САСШ, видно из следующего сообщения «*Чикаго Дейли Трибюн*» (от 25 марта 1933 г.).

> «Сегодня, когда в сенатской с.-х. комиссии происходило первое слушание фермерского закона Рузвельта, в парламентской библиотеке нельзя было получить книги об опыте Советской России в национализации сельского хозяйства. Книг нельзя было получить потому, что их уже забрали и они лежали на столах перед сенаторами и депутатами».

Было выдвинуто даже обвинение, что сельскохозяйственный закон Рузвельта, предоставляющий вашингтонскому правительству диктаторские полномочия в отношении американского сельского хозяйства, основывается на «русском опыте».

* * *

План, выдвинутый «мозговым трестом», не был монолитен, ибо члены этого «течения», если вообще можно говорить о течении, а не о группе

лиц, очень расходятся и в своих конкретных взглядах, и в своих настроениях. Но в основном план сводился к тому, что государство сможет законодательным путем установить контроль над промышленностью, над сельским хозяйством, над финансами,—контроль, который позволит преодолеть хаос, создаваемый политикой трестов, предоставит возможность государству «регулировать» американское хозяйство и, добившись планового развития, удовлетворит в дальнейшем потребности мелкобуржуазных масс.

В отношении сельского хозяйства план предполагает ограничение посевов и поднятие таким путем цен. В международном масштабе предполагалось добиться уменьшения чрезмерных таможенных барьеров и таким образом облегчить американский вывоз.

Президент Рузвельт заявлял определенно, что он только за участие правительства в контроле промышленности, а не за правительственный контроль. Тресты должны перестать хозяйничать в одиночку. Они должны создать организации, охватывающие целые отрасли промышленности, договориться между собой, сколько производить, отказаться от нездоровой конкуренции, регулируя цены, сократить рабочий день, дабы рассосать безработицу. Государство поможет завертеть экономическую машину, пожертвовав несколько миллиардов на общественные работы—регуляцию рек, облесение, на постройку грандиозной электрической станции в Мускельшоу и пр. Наконец, надо избегнуть инфляции (главным банковским советником Рузвельта являлся сенатор Глясс, представитель ортодоксальных капиталистических взглядов на финансовую политику).

Американская капиталистическая печать открыла сначала большую кампанию против «новых Робеспьеров», появившихся внезапно в американских университетах. Но более умные капиталистические круги, не выражая никакого восхищения нашествием ученых в политику, скоро спохватились, что Рузвельт вряд ли намерен установить в Америке господство гильотины, а если он не намерен этого делать, то не надо бояться за кошелек, который незачем добровольно отдавать, раз его насильно не отнимают.

Новый президент скоро доказал, что эти круги были правы.

Когда пришлось назначать людей, которые должны были возглавить проведение в жизнь законов о промышленности и сельском хозяйстве, Рузвельт не взял для этой цели членов «мозгового треста», боясь, видимо, испортить почтенных профессоров соприкосновением с действительностью. Он назначил для руководства «контролированием» промышленности полковника *Джонсона*, а сельского хозяйства—*Джорджа Пика*. Характеризуя этих вновь назначенных «диктаторов», праволиберальный «*Балтимор Сэн*», один из наиболее вдумчивых капиталистических органов в Америке, писал:

> «Ни один из них не является профессором. Профессора заняты подготовкой законов, на основе которых они (т. е. Джонсон и Пик) будут действовать. Профессора несут ответственность за некоторые черты этих законов, но профессора не несут ответственности за выбор Пика и Джонсона. Они не имели на этот выбор никакого влияния».

Кто же эти Джонсон и Пик?

> «Они оба являются помощниками мистера Бернарда Баруха, ко-

торый им протежирует. Они работали под его руководством в управлении промышленностью во время войны и с того времени находятся в связи с ним. Мистер Барух, без сомнения, ближе с ними, чем какой бы то ни было другой человек. Они гордятся тем, что они «люди Баруха».

А кто такой мистер *Барух?* Мистер Барух—глава финансового капитала в Америке, приятель Вильсона, поставленный им во главе индустриальной мобилизации САСШ. Он был финансовым экспертом САСШ в Версале.

Как же приняла буржуазная общественность назначение для практического осуществления «революционных» целей Рузвельта приятелей одного из крупнейших американских банкиров? На это отвечает та же газета.

«Нормально,—пишет она,—такая близкая связь между диктатором сельского хозяйства и индустриальным диктатором, с одной стороны, и богатейшим нью-йоркским капиталистом, с другой, должна была бы вызвать протесты со стороны «друзей народа» в парламенте... Но не слышно ни слова критики по этому поводу. Наоборот, общественное мнение считает, что совет и помощь Баруха являются плюсом для Пика и Джонсона».

Как видим, все складывалось великолепно.

На основе законов, предложенных Рузвельтом парламенту, капиталисты, которым до этого времени закон Шермана запрещал организовать общенациональные тресты и создавать картели, не только получают это право, но эта новая организация капитала вменяется им в обязанность. Однако для того, чтобы эта организация не принесла вреда общественным интересам, она, по мысли ее авторов, проводится под руководством представителей государства. А для того чтобы руководство представителей государства, со своей стороны, не нанесло вреда капиталистическим интересам (бог знает, что могут наделать ученые профессора,—правда, не из революционных побуждений, которых у них нет, а из-за цитат, которые они могут прочесть в книгах о «русском плане»!), представителями государства назначаются те же самые представители крупного капитала—«Барухс-бойс» («баруховские мальчики»), как их называет «*Балтимор Сэн*».

Дело в шляпе. Так называемый контроль государства над промышленностью и сельским хозяйством сводится к *максимальному усилению роли, значения и веса монополистических объединений в САСШ.*

* * *

Но американская экономика слишком потрясена, чтобы так легко можно было уладить дело. Американский «мозговой трест» и тресты без мозгов скоро убедятся в том, как мало они в состоянии сделать для того, чтобы побороть кризис.

Рузвельт пришел к власти как представитель «либеральных» тенденций в мировой политике. Если перевести слово «либерализм», потерявшее всякий смысл, на конкретный язык, то это означало бы, что Рузвельт будет бороться за уменьшение международных тарифов, за облегчение американской торговли. Когда Рузвельт назначил министром иностранных дел сенатора Корделя Хэлла, то это назначение толкова-

лось в международной печати как признак того, что основной курс Рузвельта направлен на борьбу с «сумасшедшей тарифной войной», которая разделила рогатками весь мир на какие-то балканские участки. Кордель Хэлл в этом смысле высказывался несколько раз.

Но если правительство САСШ добивается сокращения посевов с целью вызвать повышение цен на с.-х. продукты, то оно, во-первых, должно охранять внутренний американский рынок от конкуренции с.-х. стран, *а при дальнейшем падении цен на мировом рынке это неминуемо должно привести к необходимости повысить тарифы.*

Если американское правительство пытается «регулировать» промышленное производство и промышленные цены, то оно должно думать о том, как обеспечить американским товарам победу на мировом рынке. Для повышения цен на внутреннем рынке приходится в огромных размерах вывозить товары по пониженным ценам на внешний рынок, или, *выражаясь неделикатно, немного заняться демпингом!*

Правительство ставит себе целью поощрение промышленности и сельского хозяйства предоставлением им займов. Но тогда, как писал *Вальтер Липман* 17 мая в республиканской газете «*Геральд Трибюн*»,

> «...возникает основной вопрос: будет ли достаточно людей, которым разумные банки захотят предоставить кредиты?.. Ведь всякий знает, что серьезные предприятия теперь не хотят брать займов, а несерьезным их не надо давать.
>
> Нормальные потребности в капитале этой страны (САСШ) выражаются во многих миллиардах в год. Но в продолжение последних двух лет никаких новых капиталов не было вложено в промышленность. Почему? Обыкновенно говорят, что предприниматели, банкиры и вкладчики страдают отсутствием доверия. Это верно. Но мы должны спросить себя: откуда берется это недоверие? Ответ приближает нас к существу вопроса. Обыкновенно доверие исчезает, когда нет перспектив на прибыль, когда люди не видят рынка, на котором могут продавать свои товары по ценам, соответствующим расходам и дающим прибыль. Но почему нет такого рынка? Обыкновенно ответ делового человека состоит в том, что количество товаров превышает потребность, т. е. существует перепроизводство. Это перепроизводство создает острейшую конкуренцию, которая понижает цены ниже стоимости производства».

Публицист, очень близкий к «Дому Моргана», говорит здесь почти на «марксистском» языке. *Дело не в кредитах, а в огромном уменьшении потребления, в сжатии рынков и в проистекающем отсюда перепроизводстве.* И если господин Рузвельт намерен предоставить большие займы промышленности, вгонять новые миллиарды в хозяйственную жизнь Америки, *то он должен повышать тарифы и поощрять демпинг. Если перевести это на политические термины, то это означает усиление империалистической политики САСШ.*

Ни избирательная платформа демократов, ни выборные речи господина Рузвельта не высказывались за инфляцию. *Но она была осуществлена, как только обнаружилось, что удержать золотой стандарт САСШ не в состоянии и противостоять английскому демпингу они не могут иначе, как «дешевым долларом».*

Буржуазная печать была убеждена, что за кулисами лондонской конференции произойдет соглашение о стабилизации валют. Однако на лондонской конференции *оно не произошло*.

Господин Рузвельт, видимо, пришел к убеждению, что неизвестно, удастся ли ему «регулирование сельского хозяйства», удастся ли поднять цены на с.-х. продукты. Если же это сомнительно, то надо фермерству дать что-то другое, по крайней мере облегчить ему тяжесть долгов,—а ведь задолженность его громадная. Само собой понятно, что банки добровольно не согласятся на понижение процентов по займам. Если этот путь невозможен, то надо по возможности долго сохранять инфляцию, еще более понизить курс доллара. Это, во-первых, освободит фермеров, которые все равно не платят недоимок, от части задолженности и, во-вторых,—и это главное—*даст возможность широко применять демпинг на мировом рынке*.

Ход мыслей «мозгового треста» при этом более или менее прост: инфляция означает рост цен на внутреннем рынке, заработная плата, особенно при грандиозной безработице, не поспеет за ростом цен, себестоимость производства понизится, можно будет начать наступление дешевыми товарами за границей. Выиграет промышленный капитал. Если крупные банки проиграют в качестве кредиторов за границей, то, во-первых, потери их и так неминуемы ввиду размеров международного кризиса, а, во-вторых, *на деле теряют не они, а те миллионы мелких вкладчиков*, которые покупали при посредничестве финансовых воротил иностранные бумаги, и, наконец, недовольство этих миллионов можно будет политически эксплоатировать.

Но куда ведет инфляция? Можно ли ее задержать на известном уровне? Этого не знают ни господин Рузвельт, ни его советники. *Они хотят «выскочить» из кризиса спекулятивной горячкой, «бумом», искусственным оживлением промышленности и сельского хозяйства, повышением цен при помощи инфляции*. Сенатор Беранже прав, когда говорит, что если эта игра не удастся, то вся экономическая политика Рузвельта потерпит полное крушение. Тогда прогонят профессоров, уплатив им трехмесячное жалованье. А тресты? Они, во-первых, успеют получить за это время многомиллиардные займы, во-вторых, выполнят «долг», возложенный на них правительством,—усовершенствуют свою организацию под видом установления «государственного контроля». Когда «регулирование промышленности» обанкротится, они пошлют домой «государственных ревизоров» или возьмут их на службу!

* * *

Господа социал-демократы в продолжение всей своей послевоенной истории показывали, что наступает период «организованного капитализма», который устранит кризисы и станет столбовой дорогой к социализму, к «хорошему социализму», без революций, без потрясений, без гражданской войны.

Тресты и картели, однако, не избегли мирового кризиса. Это понимает теперь даже Рузвельт, который в своих речах указывает, что тресты сумели награбить громадные прибыли, «наиболее грандиозные, которые знает история», но оказались совершенно неспособными руководить хозяйством, хотя в Америке 600 корпораций господствуют над

всей экономической жизнью страны. И вот кризис толкает правительство самой сильной капиталистической державы мира к попыткам улучшить «организацию» капиталистической системы. Но так как капиталистическое правительство в эпоху монополистического капитала может быть только правительством трестов, как бы оно на словах против трестов ни выступало, то *из всех планов Рузвельта не получится никакого регулирования экономической жизни, а получится то, что случилось: инфляция, демпинг, т. е. увеличение международного экономического хаоса, ограбления народных масс, усиление эксплоатации рабочих и фермеров капиталом.*

Как бы в насмешку над «теорией» социал-фашистов о связи между ростом «организованного капитала» и ростом демократии, политика, стремящаяся «организовать» капитализм, исторически оказывается экономической политикой *фашизма*. Германские национал-социалисты указывают, что то, что делает в области экономической политики Рузвельт,— это именно то, к чему они стремятся. Господин Рузвельт наверное очень обидится, читая, как фашисты одевают его в коричневую рубашку, но исторически это так.

В САСШ острота классовых битв еще не достигла того уровня, при котором можно было бы говорить о том, что власти капитала непосредственно угрожает революционное восстание.

Поэтому фашистские попытки спасти капитализм и увековечить эксплоатацию пролетариата проводятся демократическим президентом на основе диктаторских полномочий, данных ему парламентом. В Германии, где кризис привел уже к тому, что пролетарская революция поставлена в порядок дня, грандиозное обострение противоречий взорвало парламентскую скорлупу, отбросило демократическую ширму, и экономическая политика фашизма проводится при помощи наиболее диких методов насилия над рабочим классом, которые только знает история.

Вот в чем смысл «революции», происшедшей в Америке, которая хотя и происходит на другой степени развития, чем так называемая «национальная революция» в Германии, порождена теми же самыми неизлечимыми противоречиями капитализма, теми же самыми потрясениями его основ. Неминуемое, в конечном счете, банкротство политики Рузвельта будет иметь серьезнейшие последствия и для политического развития САСШ.

«Правда» от 2 июля 1933 г.

АМЕРИКА «ОТКРЫВАЕТ» СССР

(НЕСКОЛЬКО ВОСПОМИНАНИЙ И МЫСЛЕЙ)

Это было в феврале 1918 года, когда советская делегация в Брест-Литовске отказывалась подписать мир, и немцы ответили на этот отказ наступлением. Смольный гудел, как пчелиный улей. Приходили и уходили военные, приходили и уходили представители заводов. Страна готовилась к обороне.

Я сидел в комнате отдела внешних сношений, когда ко мне вошел полковник *Робинс*, начальник миссии Красного креста САСШ, в сопро-

вождении своего переводчика Гомберга. Он предложил немедленно отправить на Нарвский и Псковский фронты санитарные поезда американского Красного креста.

Я знал полковника Робинса с начала Октябрьской революции. Это была интереснейшая личность. Бывший рудокоп, нашедший золото и ставший богатым человеком, Робинс не потерял симпатий к народным массам. Наивный демократ, говоривший с искренней ненавистью об империализме, Робинс, однако, ненавидел только германский империализм.

Робинс рассказывал, как, приехав в Россию, он видел ее спасение в эсерах, поддерживал связь с Савинковым, которого считал чуть ли не народным героем. Он рассказывал, как затем разуверился в способности эсеров вести войну или заключить мир и возглавить народные массы в борьбе за улучшение их жизни. Робинс подчеркивал, что он не коммунист и не верит в коммунизм, но что, по его убеждению, советская власть станет формой, в которой найдут наиболее полное выражение демократические стремления широких народных масс. Что же касается народного хозяйства, то,—говорил Робинс,—оно наверное примет форму кооперации.

Мне приходилось и позже часто встречаться с полковником Робинсом, присутствовать при его разговоре с *Лениным*. Он был горячим застрельщиком признания советской власти союзниками, и в первую очередь Америкой. Находясь в интимных сношениях с *Вильсоном* и пользуясь правом шифра, он боролся за признание советской власти и после того, как мы заключили мир с Германией.

Робинс глубоко верил в великое будущее русского народа. Он подарил мне маленькую американскую карту, на которой начерчена была Азиатская и Европейская Россия, и, указывая на остальную Европу, выглядевшую на этой карте, как маленький горб на громадном Евразийском континенте, часто повторял:

«*Вы будете самой великой нацией в мире*».

1 мая 1918 г. мы с Робинсом приехали на первый воинский парад на Ходынке. Парад был маленьким и неуклюжим, но Робинс видел в нем рождающуюся силу Советской республики.

Вскоре Робинс уехал в Америку. Это было перед самым началом восстания чехо-словаков. Уже ползли провокационные слухи о захвате Сибирской железной дороги немецкими военнопленными. Робинс сразу понял, что создается легенда, которая должна подготовить интервенцию.

В 1919 г., сидя в германской тюрьме, я с великой радостью читал в американских газетах о той борьбе, которую ведет Робинс против интервенции, о его мужественных выступлениях в комиссии Сената, в которой в ответ на попытки дискредитации большевиков он ответил, что будь он русским, он бы неминуемо был большевиком. Когда, вернувшись из Германии, я привез Ленину книгу, содержащую документы о борьбе Робинса против интервенции, Ильич сказал:

«Вот молодец! Кто бы этого ожидал от американского буржуа».

* * *

1919 год. В Париже заседает Версальская конференция. За ее кулисами три человека—*Ллойд-Джордж, Вильсон и Клемансо*—берут на

себя определение судеб человечества. Они вырабатывают план разрешения центрально-европейских вопросов; они берут на себя «заботу» о судьбах России: они диктуют законы развития Азии.

Старый «тигр» Клемансо знает от всех болезней мира только одно лекарство—железо. Он хочет им лечить Германию, он хочет им уничтожить большевизм. Ллойд-Джордж сомневается в спасительных качествах железа. Вильсон мечется в сети своих абстрактных пацифистски-демократических идей.

Он видит безнадежность интервенции. В штабе его советников находится адвокат и журналист *Вильям Буллит*. Его Вильсон посылает через Финляндию в Россию для переговоров с советским правительством насчет возможности компромисса.

Буллит возвращается с докладом, в котором указывает и на силу Советского Союза и на его готовность итти на далеко идущие уступки, чтобы избежать интервенции.

Но уже было принято решение наступать на Советскую республику. Ллойд-Джордж в публичной речи заявляет, что ему ничего не известно о миссии Буллита. Вильсон молчит. Версальская конференция диктует свою волю Германии. Интервенция начинается. Вильям Буллит подает в отставку и мотивирует ее в потрясающем письме к Вильсону (от 17 мая 1919 г.), в котором пишет:

> «Я был одним из тех среди миллионов, которые искренне доверились вашему руководству, веря, что вы не обеспечите ничего иного, чем постоянный мир, опирающийся на бескорыстную справедливость. Но ваше правительство согласилось подвергнуть страдающие народы мира новым потрясениям, новым расчленениям, начать новые войны, и я не могу убедить себя, что возможна какая бы то ни была работа над созданием нового мира в качестве служащего этого правительства».

Буллит упрекает Вильсона в том, что с Россией даже не захотели разговаривать. Он приводит все решения Версальской конференции, которые, по его глубокому убеждению, приведут в будущем к новым ужасным войнам. Он пишет:

> «Я знаю, что вы лично были против этих решений и что вы их приняли только под нажимом. Но, несмотря на это, я убежден, что если бы вы решились открыто бороться вместо того, чтобы действовать за закрытыми дверями, вы повлекли бы за собой общественное мнение всего мира, которое поддержало бы вас. Я жалею о том, что вы не боролись до конца и что вы имели так мало веры в те миллионы людей всех наций, которые так же, как я, верили в вас».

Буллит не понимал того, что великолепно понимал полковник Хауз, главный советник Вильсона, записавший в своем дневнике, что, опираясь на народные массы, можно было бы, понятно, добиться других результатов, но если бы народные массы восстали, они сломили бы не только существующие правительства, но еще нечто большее. Полковник Хауз кончил свои записи выражением той мысли, что Америка не для того посылала свою делегацию в Европу, чтобы устраивать мировую революцию...

Версальский мир был установлен, войска интервентов разрушали Россию, несли смерть, нищету и болезни миллионам.

* * *

Советский Союз разбил войска интервентов, отстоял власть рабочего класса, заставил одну державу за другой вступить с собой в дипломатические отношения. Только САСШ оставались на позиции «непризнания» советской власти. Как правильно сказано в сборнике материалов, посвященном отношениям Соединенных Штатов к Советскому Союзу, изданном в ноябре 1933 г. комитетом русско-американских отношений института *Американ фундейшен*, Америка смотрела на СССР как на «временное помешательство».

Американский министр иностранных дел *Кольби* заявил 10 августа 1920 г., что советское правительство «опирается на отрицание всякого принципа чести и доброй веры, на отрицание всяких обычаев и форм, на которые опирается структура международного права,—короче говоря, на отрицание всякого принципа, без которого невозможны доверительные гармоничные отношения между нациями и индивидуумами». Заявление кончалось твердым указанием, что Америка не может признать СССР.

В ответ на заявление т. *Калинина* от 21 марта 1921 г., переданное т. *Литвиновым*, который занимал тогда пост полпреда СССР в *Эстонии*,—единственный дипломатический пост, который у нас существовал в те годы за границами СССР,—*Гувер*, тогдашний министр торговли САСШ, заявил, что пока Советский Союз не откажется от своей системы, не может быть и речи о восстановлении отношений.

Министр иностранных дел Америки *Юз* в письме к *Гомперсу* заявил в марте 1921 г., что Советский Союз—«гигантская пустыня». Говоря об экономической поддержке России, он заявил: «Нельзя поддерживать то, чего нет». В письме к тому же Гомперсу от 19 июля 1923 г. Юз, один из самых крупных американских адвокатов, занимавших когда-либо пост министра иностранных дел Америки, говорил, что «Россия вернулась к полному средневековью».

Еще 14 апреля 1928 г. министр иностранных дел САСШ *Келлог* заявил, что пока советское правительство не откажется от всех смертных прегрешений против «цивилизации», не может быть и речи о его признании.

Г-н Гувер не считал необходимым в качестве американского президента хоть один раз высказать свое мнение об отношении к СССР. Когда полковник *Купер*, один из американских инженеров, помогавших нам своими знаниями в постройке *Днепрогэса*, явился к Гуверу, чтобы доложить ему о том, что он видел в СССР, Гувер задал ему только один вопрос: «*А что, они вам платили жалованье аккуратно?*»

* * *

Летом 1932 г. *Вильям Буллит*, удалившийся от политических дел после краха эпохи Вильсона, приехал в СССР, чтобы посмотреть собственными глазами на развитие нашей страны. Мы вспомнили с ним о том, что *Линкольн Стефенс*, крупный американский писатель, сопровождавший его в 1919 г. во время поездки в Москву, навестив меня на обратном пути в германской тюрьме, на мой вопрос, что же он видел, ответил: «То, что видели мои глаза, было очень плохо. То, что видела моя душа,—очень хорошо». Линкольн Стефенс мог видеть в

1919 г. то, что империалистическая война и интервенция сделали из России—голод, тиф; он увидел страну, залитую кровью. Но этот честный и вдумчивый человек видел, что мы боремся за новый строй и, не будучи коммунистом, понимал, что в этих боях решаются судьбы человечества.

Смеясь, я спросил Буллита: «Ну, что же, ваши глаза теперь тоже не видят ничего хорошего?»

Буллит ответил мне.

Во всем мире идет развал. Вы—единственная страна, которая мужественно марширует вперед».

Он высказал глубокое убеждение, что признание СССР Америкой неминуемо.

«Широчайшие круги американской общественности знают,—говорил Буллит,—*что здесь идет великая стройка. Они знают, что вас уже разбить нельзя, что вас вычеркнуть из истории нельзя, и этот факт не может не сломить сопротивления наиболее тупых и корыстных элементов в САСШ».*

Он с большой теплотой говорил о Рузвельте, который тогда еще не был президентом, представляя его как человека большого мужества и настойчивости, не привыкшего закрывать глаза перед фактами.

«Рузвельт будет избран, и он выполнит волю Америки: завязать не только нормальные, но дружественные отношения с вашей страной».

Буллит рассказывал о впечатлении, которое произвел на него германский фашизм, рассказывал о беспокойстве, которое вызывает среди всех мыслящих людей Америки опасность мировой войны, идущая с Дальнего Востока.

«Ваша страна стала одним из величайших факторов мира и прогресса»,—говорил Буллит.

Вскоре после посещения Буллита приехал и полковник Робинс, которого мы приняли, как старого друга. Несмотря на свое очень пошатнувшееся здоровье, Робинс объехал громадные пространства СССР, побывал во многих отдаленных его частях. Вернувшись, стоя на балконе 1-го дома советов и смотря с 11-го этажа на растущий кругом город, жмурясь от солнца, он в глубоком раздумьи рассказывал мне о том, что видел.

«Вы завершили величайшее дело,—говорил он, формулируя мысли с большой точностью.—Я оставил Россию технически отсталой. Кроме нескольких крупных фабрик, вся русская промышленность была отсталой. Вы теперь создали громадную промышленность с великолепным оборудованием. Часть его вы привезли из-за границы. Но вы научились уже все сами производить.

Я видел на заводах растущие кадры ваших квалифицированных рабочих. Это—первая ваша великая победа. Вы сделали безграмотную страну грамотной. Это—вторая ваша великая победа. Женщина была в России вьючным животным или игрушкой. Вы ее сделали равноправным товарищем по труду. Это—третья ваша победа. Крестьянин жил особой средневековой жизнью. Вы его втянули в жизнь нации, приблизили к культуре, дали ему машины. Это—ваша четвертая победа. Вы из бесправных наций,

над которыми смеялись великороссы, сделали равноправных товарищей. Это—ваша пятая победа. Россия была страной невежественных попов. Я—человек религиозный, но то, что вы уничтожили их влияние на народ, считаю вашей шестой победой.

И,—тут глаза его наполнились теплом,—вы создали единственную армию в мире, которая знает, что борется за человечество,—единственную армию, которую могут любить люди мира без угрызения совести, зная, что она никогда не станет орудием притеснения других».

И он с величайшим энтузиазмом рассказывал мне, как навещал дома Красной армии и казармы в провинции, и что в них видел. Они его больше убедили в силе Красной армии, чем великий воинский парад, который его потряс, ибо там, в казармах, он видел, как Красная армия не только готовит народные массы к обороне, но несет в их гущу подлинную культуру.

Слушая эти продуманные и глубоко прочувствованные слова старика Робинса, мы буквально ощущали, как Советский Союз завоевывает сердца лучших людей в мире, даже принадлежащих к другому классу, но смотрящих открытыми глазами на то страшное, что капитализм готовит миру, и на то, чего мы добились, преодолев неслыханные затруднения.

Об этих затруднениях т. *Сталин* говорил с величайшей откровенностью с Робинсом, и Робинс, передавая этот разговор и вспоминая свои разговоры с *Лениным*, сказал на прощанье:

Еще одно есть у вас, чего нет нигде в мире и что вам обеспечит окончательную победу: вам посчастливилось иметь во главе государства людей крепчайшего ума, великих сердцем и великой честности. И нет никого в мире, кто мог бы руководить человечеством так, как они».

Я ответил ему, что это не подарок судьбы, а что наш класс воспитал и выдвинул таких людей, ибо он является единственным классом, который может вывести человечество на широкую дорогу.

* * *

И сегодня, когда, как предсказывали нам Робинс и Буллит, САСШ, в лице президента Рузвельта, установили нормальные отношения с Советским Союзом, я не могу не вспомнить застрельщиков советско-американского сближения,—этой большой плеяды американцев, которые после Буллита и Робинса боролись за наше признание. Все они—и сенатор *Бора*, и журналисты *Дюранти* и *Фишер*, в продолжение многих лет без колебаний боровшиеся за установление нормальных отношений с Советским Союзом,—не коммунисты. Но это люди, которые чувствуют и понимают величие того, что совершается в нашей стране, и тот развал который идет через весь капиталистический мир,—развал, втянувший в свой водоворот самые сильные капиталистические державы.

Гардинги, Кулиджи, Гуверы, Кольби и Юзы представляли себе, что они могут диктовать свои законы миру. Они были убеждены, что доллар является единственным знаменем победы. Разочаровавшись в интервенции, они были убеждены, что новый мир умрет, что он не выживет, ибо мир может существовать только на основе капитализма.

В своей речи в *Сан-Франциско* в 1923 г. американский президент Гардинг, говоря о русской революции, как о «величайшей трагедии», закончил иронически:

> «Если революционный порядок является путем к высшим достижениям и лучшей человеческой жизни, то Россия получит в окончательном счете наше признание. Но пока что я предпочитаю защищать наши интересы и сохранить проверенные основы, на которых развивались человеческое право и собственность».

Эти основы были потрясены развитием истории, САСШ не оказались свободными от болезней, от которых страдает все капиталистическое человечество. Они не имеют права больше иронически относиться к вопросу о том, является ли наш путь правильным путем к великим достижениям и лучшей жизни.

Всякий народ выбирает сам свой путь. Ллойд-Джордж был полностью прав, когда на заседании в министерстве иностранных дел Франции 16 января 1919 г. сказал:

> «Если Англия станет большевистской, то это не будет в результате того, что мы разрешим представителю большевиков приехать в Англию».

Но не подлежит сомнению, что наши исторические победы и исторические поражения капитализма заставили самую крупную капиталистическую державу признать, что невозможно игнорировать Советский Союз — великую страну прогресса и мира.

«Известия» от ноября 1933 г.

ПОДГОТОВКА БОРЬБЫ ЗА НОВЫЙ ПЕРЕДЕЛ МИРА

ПОДГОТОВКА БОРЬБЫ ЗА НОВЫЙ ПЕРЕДЕЛ МИРА

Тихий океан—Рейн и Висла

Ход мировой политики в 1933 году углубил и обострил те черты международного развития, которые выступили наружу с *момента захвата Манчжурии Японией*. Японская экспансия на азиатском материке означала *начало вооруженной борьбы за изменение соотношения сил, установленного Вашингтонским соглашением 1922 г.* Тогда Англия должна была под давлением Соединенных Штатов отказаться от союза с Японией, что заставило эту последнюю отказаться от захвата Шандуня, Восточной Сибири и от экспансии на китайской территории вообще. Вашингтонское соглашение устанавливало, что империалистические державы отказываются от дальнейшего *раздела Китая* и что каждая из них будет довольствоваться возможностью экономической экспансии, для чего должен быть сохранен принцип открытых дверей, т. е. равных возможностей для всех конкурирующих держав. Захватывая Манчжурию и *уходя из Лиги наций*, Япония доказала, что она не намерена больше считаться с этим соотношением сил, установленным великими державами, и что она развязывает себе руки для дальнейших шагов.

Мир представляет одно целое. Нарушение соотношения сил в одном из концов мира не может остаться без последствий на всех других участках. Реакционные круги Франции, которые, борясь за сохранение соотношения сил в Европе, установленного Версальским договором, приветствовали «смелую инициативу» Японии, прославляя ее как жандарма Восточной Азии, способного навести порядок в «анархическом» Китае, скоро должны были убедиться в своей ошибке. Было бы очень поучительно сопоставить статьи реакционной французской печати, с господином Пертинаксом во главе, с теми статьями, которые печатает теперь *по поводу событий на Дальнем Востоке германская фашистская печать*. Мы ограничимся указанием на две статьи. Так, серьезный экономический еженедельник «*Виртшафтсдинст*» поместил 22 сентября статью под поучительным заглавием: «Опасности для международного мира», в которой можно прочесть следующее:

«*Принимая во внимание угрожающее положение на Дальнем Востоке, заинтересованные в нем страны* (Соединенные

Штаты, Англия, Россия, Франция, Голландия и Португалия) *не так легко и просто* могут *сократить свое вооружение. Они опасаются, что Германия может сделать из этого свои выводы, и как раз в тот момент, когда державы заняты будут борьбой на Дальнем Востоке.* Однако единственный возможный вывод великие державы не осмеливаются сделать: а именно—договориться и *притти к соглашению с Германией на основе равноправия.* Действительно удовлетворенная и довольная Германия в центре Европы будет представлять собою наиболее сильную гарантию соблюдения мира в Старом свете, если даже на Тихом океане и будет происходить борьба за Азию. Западные державы должны были бы постепенно понять, что Германию можно привлечь на свою сторону не путем угнетения, а исключительно путем мирного соглашения. Если в английских газетах в 1925 году писалось, что *участь Рейна решается на Дальнем Востоке, то в один прекрасный день может случиться как раз наоборот...*»

Если расшифровать смысл этой статьи, то он окажется очень простым. Англия и Америка не в состоянии оставаться продолжительное время зрителями борьбы Японии за ее гегемонию на азиатском континенте. Но если одновременно начнется война в Европе, то Англия будет связана и не в состоянии будет защищать свои интересы—на стороне ли Японии против САСШ, или совместно с САСШ против Японии. Она будет связана в Европе. Если она хочет купить себе свободу на Дальнем Востоке, то пусть играет роль посредника между Францией и Германией и пусть добивается отмены Версальского договора. Если же она пожертвует положением в Европе и, перенеся центр своего внимания на Дальний Восток, *предоставит Францию своей участи*, то тогда германский империализм поймет, что это значит, и использует борьбу на Тихом океане для того, чтобы добиться изменения соотношения сил на Рейне.

Берлинский «*Локаль Анцейгер*» от 1 декабря печатает статью «*Решение на Дальнем Востоке*», где приветствует Японию, которая взяла инициативу в свои руки для того, чтобы «разбудить мировую историю».

«*События на Дальнем Востоке начинают с каждым днем все больше влиять на положение Европы*, хотя значительная часть европейских государственных людей не хочет еще понять, о чем идет речь».

Очем же идет речь? «Локаль Анцейгер» исходит из предположения, что Япония нападет на СССР, тогда

«...в момент, когда Япония захочет добиться выхода, который начнется во Владивостоке, но цель которого неизвестна, *начнется движение мировой истории и в Европе.* Нельзя продумать мировое развитие дальше этого пункта. Итти дальше—означало бы вести утопическую политику. Но ясно одно: *такое столкновение изменило бы самым решительным образом все отношения в Европе, тем более, что ухудшающееся внутреннее положение САСШ заставило бы эту страну сохранить нейтралитет.* Мы в Германии, преодолевшие тяжкий недуг упадка, должны рассматривать положение объективно,

руководясь только потребностями Германии. Не надо бросаться в политические утопии, но надо установить—и это подтверждают все останавливающиеся в Берлине на пути с Дальнего Востока,—*что назревают мировые события. С Дальнего Востока придут великие новые решения, быть может, со скоростью, которую еще никто себе не представляет*».

Германская империалистическая буржуазия считает, что приближается момент великих исторических решений, и она, «не бросаясь в утопии», т. е. не предвосхищая событий, *готовится к ним*. Самая важная черта, характеризующая международное положение, состоит таким образом в том факте, что *две мировые державы стремятся всеми силами изменить то очень неустойчивое равновесие, которое создалось после войны как между капиталистическими державами, так и между капиталистическим миром и первым социалистическим государством*. Япония стремится изменить положение на Дальнем Востоке, т. е. изменить не только свои отношения с Китаем, но и свои отношения с САСШ и Англией, не говоря уже о второстепенных империалистических державах на Дальнем Востоке. Германия стремится к изменению своих отношений с версальскими победителями. *И Германия, и Япония* стремятся к изменению своих отношений с *СССР*. Что касается японских милитаристов и германских фашистов, открыто формулирующих программу нападения на СССР, то здесь не приходится вообще терять слов на какие-то доказательства. Но если даже взять официальную программу, нашедшую выражение в пацифистских речах рейхсканцлера Гитлера, то получается *программа федеративного объединения Центральной Европы, от французской границы до Березины, от Мемеля до Балкан, под эгидой германского империализма*. Так толкуют эту программу органы германского фашизма и публицисты, призванные подвести теоретическую базу под тактические маневры германского правительства.

Германские доминионы и колонии в Центральной Европе

Мы недавно цитировали здесь статью журнала господина Папена—«*Дер Ринг*», писавшего в номере от 8 декабря:

«Мир принял другую форму. Существует союз британских народов, Союз социалистических советских республик, Франция, связанная с Северной и Центральной Африкой, Пан-Америка. Возникает Японская империя. Вот реальности сегодняшнего дня. Центральная же Европа разбита на 13 государств: Болгария, Данциг, Германия, Эстония, Финляндия, Югославия, Латзия, Литва, Австрия, Польша, Румыния, Чехо-Словакия, Венгрия. Великим замкнутым хозяйственным областям противостоит атомизированная Центральная Европа».

Что касается этих тринадцати государств, то Германия конечно призвана историей быть метрополией, 12 же остальных—это, очевидно, будущие германские доминионы и колонии. Возьмем другой анализ германской политики. На-днях появилась книга, пытающаяся дать самое

пацифистское истолкование внешней политики фашистской Германии. Автор этой книги г-н *Гизельгер Вирзинг* принадлежал к литературной группе «ТАТ», которая являлась агитпропом генерала фон-Шлейхера. Эта группа теперь разбита, ее интеллектуальный руководитель Ганс Церер находится, насколько мы знаем, в эмиграции, господин же Вирзинг стал певцом и комментатором гитлеровского режима. И вот в книге своей «*Германия в мировой политике*» господин Вирзинг пишет:

> «Европа не представляет никакого единства, она является только географическим понятием. Европа распадается на две части, между которыми не существует органической связи. Область Франции и ее африканских колоний имеет свои внутренние закономерности так же, как *центрально-европейская область*, которая охватывает *Германию*, *промежуточно-европейские* области (как всякий порядочный немецкий профессор, г-н Вирзинг обогатил науку новым понятием — «*Цвишенеуропа*» — «промежуточно-европейских областей», что является псевдонимом для перечисленных в «Ринге» дьенадцати германских доминионов и колоний с Польшей во главе.—*К. Р.*) и *Италию*. От этой области резко отличается *русско-евразийская область*. Только понимая это, можно понять возможности развития разных областных систем в Европе... *Дезорганизация Европы, как фиктивного единства, происходит от того, что противоестественные французские союзы в промежуточной Европе мешают выкристаллизированию естественных систем областей, на которые распадается мир или их затрудняют*» (*Гизельгер Вирзинг*, Германия в мировой политике, стр. 87).

Автор занимает корректную позицию по отношению к СССР, отклоняет как фантастические планы захвата Украины, которые, неизвестно почему, называет только английскими планами (стр. 100), убеждает Францию, что Германия не ищет никаких конфликтов на Западе, что Франция «стала для немцев наименее интересной страною», что «в то время, когда французы думают, что целью национал-социалистического движения является реванш, на самом деле цель повой Германии совершенно другая и не имеет ничего общего с политикой реванша. *Эта цель: полная ревизия*» (стр. 85).

Если даже взять это наиболее пацифистское толкование, то «не вмер Данила, болячка задавила». *Полная ревизия положения Германии есть еще один псевдоним, псевдоним пресловутой Центральной Европы, псевдоним подчинения названных двенадцати государств германской гегемонии.*

Эта цель имеет острие, направленное *и против Франции, и против СССР*. Господину Вирзингу, может быть, Франция действительно неинтересна—хотя мы думаем, что слова его означают только молодецкий жест, прикрывающий нежелание говорить по существу. Но не подлежит никакому сомнению, что Франции наверное очень интересно, останутся ли Чехо-Словакия, Румыния, Югославия и Польша ее союзниками, или же они будут вариться в котле «Цвишенеуропы», чтобы стать сосисками для стола германского бюргера. Г-н Вирзинг утешает Францию, что германский фашизм не намерен отнять у нее Эльзас и Лотарингию, но что он намерен отнять у нее «только» союзников, *то есть*

отнять у нее то положение, которое она занимает в Европе и которое является основой ее мирового положения.

Предоставляя Франции и ее союзникам дать оценку этому скромному предложению миролюбивого г-на Вирзинга, мы со своей стороны добавим только, *что СССР совсем не безразлично, имеет ли он соседями Польшу, Литву, Латвию, Эстонию или же германские доминионы и колонии.* Мы не можем забыть, что политика пресловутой Срединной Европы вскоре после ее сформирования была истолкована таким образом, что *Белоруссия и Украина лежат в самом центре Европы*, и если германские фашисты гримируют свою империалистическую политику под принцип «национальной организации Европы», то мы не можем забыть, что и блаженной памяти генерал Эйхгорн явился в Киев в костюме украинского освободителя. Мы можем только повторить, что уже было сказано несколько дней назад в «Известиях»: номер *с Садовой, которая должна подготовить Седан, не пройдет, хотя бы политика Садовы драпировалась в самые мирные одежды.*

Ключ к пониманию внешней политики Германии

Вся эта идея мирного создания организации среднеевропейской *экономической области* является *закуской в ожидании обеда.* Германский фашизм должен дать германскому народу какую-то перспективу в то время, когда, старательно маскируя свои цели, он ведет *реальную подготовку решения вопросов другими способами.* Неслыханно комично звучит возмущение германской печати по поводу того факта, что есть такие нечестивые люди, которые, услышав из уст вождей германского фашизма слово «мир», не падают немедленно на колени и не поют «осанна». Мы думаем, что нельзя громадное движение, захватившее власть в громадной стране, и его вождей считать просто авантюристами. Авантюризм их политики обусловлен *неразрешимостью задач*, которые они себе ставят, но надо же полагать, что эти люди борются за какие-то основные идеи. Эти основные идеи вынашивались вождями германского фашизма в течение *пятнадцати лет.* Поверить в изменение этих идей под влиянием опыта, под влиянием уверенности в невозможности их реализовать можно лишь в одном случае: *если были бы выдвинуты не другие слова, а другие идеи, другие планы.* Об этом не только нет и речи, но, наоборот, только после прихода к власти германских фашистов началось распространение их основных внешнеполитических идей путем распространения в миллионном тираже работ идеологов германского фашизма. Мало того, нам незачем ссылаться на старые книги Гитлера и новые книги г-на Розенберга, ибо *германский рейхсканцлер дал непосредственно перед приходом к власти ключ к пониманию той политики, которую он проводит без колебаний после своего прихода к власти.* Мы говорим об *открытом письме Адольфа Гитлера к рейхсканцлеру фон-Папену*—документе громадной важности, развертывающем основы внешней и внутренней политики, которую германские фашисты собираются вести в случае прихода к власти.

Этот забытый теперь документ самым решительным образом выступает против политики «*бессмысленных демонстраций*», которую вели пра-

вительства Брюнинга и Папена, выдвигая то вопрос *объединения с Австрией*, то вопрос *о Польском коридоре*.

«*На дипломатических конференциях никогда не происходят глубокие перемены в существующих отношениях.* Конференции *только ратифицируют уже совершившееся событие.* Силы, которые в действительности формируют жизнь, не выступают на конференциях. Жизнь создает определенное фактическое положение, и конференции могут в лучшем случае это положение сделать формальным юридическим состоянием».

Исходя из этого очень верного и реалистического взгляда, рейхсканцлер поставил перед собою вопрос: что же может изменить соотношение сил? И на этот вопрос он ответил, что «*предпосылкой германского равноправия является восстановление германской обороноспособности*». Мы не будем здесь пространно доказывать, что нет средств защиты, которые не могли бы быть средством нападения. Краткий смысл этого заявления состоит в том: если хочешь изменить соотношение сил,— вооружись. Каким же путем Германия может стать «способной к обороне»? Можно ли этого добиться на конференциях, можно ли на дипломатических конференциях добиться права на германские вооружения, или разоружения Франции? Г-н Гитлер отвечает на это отрицательно. Он пишет:

«Если германская делегация отправляется в Женеву в надежде, что там *удастся заставить Францию добровольно разоружиться*, то надо эту делегацию немедленно отозвать, ибо это значило бы, что она состоит из неспособных людей. Было бы *неправильно думать, что Франция когда-нибудь добровольно согласится на германское довооружение.* В обоих случаях речь идет об одном и том же—о передвижке в теперешнем соотношении германо-французских сил в пользу Германии. На это Франция не согласится ни под каким условием».

Где же господин Гитлер видит выход? Он указывает на него:

«*Не в Лозанне или в Женеве, а в окончательном счете в Германии наступит довооружение. И не в Женеве можно добиться согласия других держав*».

В Германии надо произвести довооружение, а что же надо делать в Женеве?

«*Для германской дипломатии речь может итти только о ясном установлении исключительной вины Франции в том, что разоружение оказалось невозможным.* Это очень важно, ибо это означает пусть медленное, но все же потрясение юридического значения версальских скрижалей. Для этой цели Германия должна на конференции по разоружению непоколебимо и постоянно требовать разоружения Франции. Таким образом она добьется *изоляции Франции.* Она не должна ни при каких условиях выступать с самостоятельной программой довооружений перед конференцией и перед миром... Достаточно будет доказать перед лицом всего мира нежелание Франции разоружиться, *чтобы покинуть конференцию* с заявлением, что мирный Версальский договор нарушен державами, подписавшими его, и что Германия оставляет за собой свободу сделать из этого соответствующие выводы».

Таким образом в документе, подписанном 16 октября 1932 г. и напе-

чатанном 21 октября, германский рейхсканцлер выяснил полностью главные рычаги своей политики. Нельзя изменять границы, не имея соответствующих сил. Силы эти нельзя получить путем дипломатических переговоров. Их надо создать в Германии путем вооружения. Участие же в конференции по разоружению преследует только одну цель: доказать ответственность Франции за крушение конференции, чтобы уйти с конференции и освободиться от соответствующих обязательств.

Но, вооружаясь, надо также помнить, что для изменения соотношения сил недостаточно только вооружений. Надо также заручиться *союзниками*. Такими союзниками могут быть только *Англия* и *Италия*. Поэтому надо отказаться от всего того, что может затруднить приобретение английской поддержки. Надо отказаться от требования постройки флота, ибо, во-первых, постройка даже одной эскадры из четырех линкоров потребовала бы четырех лет, во-вторых, она обошлась бы в 700—800 млн. марок. «Финансовое проведение такой программы является теперь невозможным». Такая программа вызвала бы только подозрения Англии. Такое же подозрение вызывают всякие разговоры о союзе с Францией. Англия и Италия могут стремиться к восстановлению европейского равновесия, но

> «Англия не желает франко-германской войны, но она еще меньше желает возникновения немецко-французской военной конвенции в качестве завершения франко-германского соглашения. То же самое надо сказать об Италии, которая является единственной страной, не только понимающей, что ее интересы стоят в противоречии с французскими, но мужественно и открыто это говорящей».

Пока что

Рейхсканцлер поставил в прошлом году все точки над «и» и развернул программу, которую он осуществляет. Программа эта сводится *к изменению фактического соотношения сил, после* которого только может последовать *изменение границ* «позитивной политикой». Нельзя отказать германскому фашизму, что он проводит известную *систему действий*, рассчитанных во времени и пространстве. За весь первый год, который он находится у власти, германский фашизм проводит политику «выравнивания силовых условий будущих решений», одновременно он строит *опорные пункты* в ряде стран, зондирует почву насчет их отношений к Германии и т. д. Он проверяет, не удастся ли ему под угрозой происходящих изменений в мировой обстановке, под давлением краха конференций по разоружению добиться *добровольной переориентации ряда государств в Центральной и Восточной Европе в его направлении*, проверяет, не удастся ли *разбить систему французских союзов*. В то же время он создает опорные пункты для будущего наступления. Берлинский фашистский орган «*Ангрифф*» в номере от 23 декабря ужасно обиделся на нашу статью о фашистской работе в Прибалтике, называя ее без всяких аргументов клеветой. Это очень сердито, но очень неубедительно. Другой фашистский орган—«*Дейче Цейтунг*» (в тот же день) поместил статью, посвященную событиям в Эстонии и Латвии, где утверждает, что не только эстонские и латвийские фашистские организации, но и немецкие национал-социалисти-

ческие организации в этих странах не имеют никакой организационной связи с германской национал-социалистической партией. Это утверждение смешно не только ввиду открытого демонстрирования связи балтийских национал-социалистов с германскими: достаточно взять «*Атлас германской истории с 1914 по 1933 г.*», изданный национал-социалистом Иоганном *фон-Лерсом* в известном издательстве «Вельгаген и Классинг», и открыть 31-ю страницу этого «атласа». Там находится карта, представляющая «распространение национал-социализма и близких к нему движений в Европе». На этой карте обозначаются разноцветными флажками фашистские туземные организации и организации, представляющие, по комментарию атласа, *заграничные группы германской национал-социалистической партии*. Эти флажки находятся и в Эстонии, и в Латвии, и в Литве, и в Польше. Понятно, значение этих групп различно. Оно зависит от их связи с местными фашистскими движениями, от силы страны, степени обострения внутренней борьбы в ней, от старого влияния германских интересов в этой стране. Но что эти группы в Эстонии, Латвии, Литве занимаются только тем, что на праздниках кричат: «Хейль Гитлер!»—этому никто не поверит, господа германские фашисты!

Мост от Рейна к Дальнему Востоку

Ясно, что пока что дело идет о подготовке, период действий рассчитан только на момент, когда мировое положение выкристаллизируется *в первую очередь под влиянием обстановки на Дальнем Востоке*. Тов. Литвинов в своей речи указал на усиливающееся родство душ германских фашистов и японских военных авантюристов. Небезынтересно будет после того, как мы привели высказывания германских фашистов, дать слово органу японской военщины «*Нихон*», который 3 сентября посвятил статью меморандуму Гугенберга. Давая оценку этому меморандуму, орган офицерских собраний Японии пишет:

> «Содержание меморандума бесспорно представляет собою выражение *мнения германского фашизма. Это мнение в отношении красной России полностью совпадает с тем, о чем мы говорили уже в течение нескольких лет*. Вследствие этого и появились, очевидно, дальнейшие разговоры о германо-японском блоке... Розенберг, являющийся известным противником коммунизма, пытался осуществить политику *англо-германского сближения* и стремится заключить *антирусский—англо-германский* союз. Но в Англии его миссия провалилась вследствие неблагоприятной обстановки, ибо как раз в то время антигитлеровские настроения в Англии достигли своего апогея. Можно предположить, что для восстановления своей репутации после этого провала Розенберг действительно имел намерение добиваться *реализации японо-германского союза. Но трудно поверить, чтобы на это оказалось способным нынешнее японское правительство, погрузившееся во внутренние проблемы и заботы о сохранении власти*. Поэтому разговоры о японо-германском блоке

остаются сейчас или односторонними пожеланиями, или чьей-либо выдумкой, возникшей, быть может, из чувства ревности у англичан. *Но если бы Япония проявила действительный героизм, то не было бы слишком рано говорить о своевременности англо-германского союза.* Сейчас, когда в погоне за мелкими выгодами европейские и американские страны интригуют для того, чтобы расширить свой товарооборот с красной Россией, *нужно, глядя в будущее, стремиться к заключению японо-германского союза, ставящего своей целью уничтожение коммунистической власти Красной армии, которая является смертельным врагом всего человечества».*

Мы, понятно, далеки от отождествления мечтаний фашистских авантюристов с уже выкристаллизировавшейся политикой правительств, но известные тенденции в этих мечтах намечаются и выявляются.

Мечты о нейтралитете и опасность мировой войны

Германский фашизм и японский империализм поставили в порядок дня борьбу за передел мира, *направленную против СССР, против Франции, Польши, Чехо-Словакии, Румынии, против прибалтийских стран, против Китая, против САСШ.*

Английский империализм лелеет мечту, что все удастся *направить исключительно против Советского Союза. Это—детские мечты.* Такой передел мира стоил бы в первую очередь политической головы *Польше*—этому самому крупному союзнику Франции. Затем он ударил бы *по всем позициям Франции.* На Дальнем Востоке он ударил бы по *Соединенным Штатам*, которые потеряли бы всякие перспективы экономической экспансии на Тихоокеанском бассейне, не говоря уже о *Китае*, который представляет громадную потенциальную силу. Но мало того, английский империализм скоро почувствовал бы последствия подобной политики на *собственной шкуре в Австралии*, на подступах к Сингапуру. Вопрос стоит теперь так: *где бы ни началась война, она станет мировой и втянет в свой омут все державы. Теперь возможно только одно—или координировать все действия для того, чтобы не допустить возникновения войны, или допустить, чтобы двинулась лавина, которую никто не сумеет задержать.*

Вальтер Липпман, влиятельный американский публицист, считающийся рупором морганговского банкирского дома, выступил 11 ноября с докладом в «Амгерст», в котором заявил, что надо все сделать для *локализации войны.* И для этой цели он предложил *англо-американский договор о невмешательстве в войну.*

Липпман указывает, что с момента возникновения САСШ были две мировые войны (наполеоновские и война 1914—1918 гг.) и САСШ были втянуты в одну и в другую, но было много локальных войн, в которые САСШ не были втянуты. Надо поэтому локализовать войну, где бы она ни вспыхнула: в Европе или в Азии. Но чем же отличается локальная война от мировой?

«Мировая война, — отвечает г. Липпман, — это такая война, в которой приняла бы участие Великобритания. Если Британия останется нейтральной, то с точки зрения наших интересов это была бы локальная война. Если Британия примет в ней участие, то наша нейтральность поведет к конфликтам между нами и ею. Если Британия участия в войне не принимает, то вопросы нейтралитета есть совместные вопросы САСШ и Британии. Если Британия примет участие в войне, то мы сохраним нашу нейтральность или ценой отказа от наших прав, или ценой столкновения с английским флотом. При английском нейтралитете преобладающая часть флота и морской торговли будет на стороне нейтральных стран против воюющих. Коротко говоря, нейтралитет представляет здоровую и практическую политику, если он является совместной политикой САСШ и Великобритании... Ни мы, ни Великобритания не будет вне опасности, если одна из сторон окажется в состоянии войны. *Столкновение наступит в тысячах пунктов, и последствия будут страшные для обеих сторон»* («Геральд Трибюн» от 18 ноября).

Мы думаем, что политика президента САСШ *Рузвельта*, направленная на избежание войны, не только более отвечает интересам человечества, чем советы г. Липпмана, но *она умнее и дальновиднее.* Г. Липпман и его вдохновители мечтают, видно, так: «Если нельзя сохранить Версальский договор, пусть Германия и Франция и связанные с ними державы повоюют и создадут новое соотношение сил. В окончательном счете мы, т. е. американская и английская финансовая олигархия, их регульнем. На Дальнем Востоке пусть СССР ослабит Японию, а Япония—СССР, в окончательном счете мы их регульнем». Это—сладкие мечты, но агитация за *создание громадного воздушного флота в Англии показывает*, что английский империализм побаивается, что европейские державы не захотят иметь вооруженного до зубов «секунданта» на пространстве получасового перелета... тяжелых бомбардировщиков. Кроме того господа «секунданты» могут ошибиться, думая, что история предоставит им возможность сказать последнее слово. Она может предоставить это последнее слово более серьезным силам, а именно—народным массам всего мира. Но допустим, что история не будет так жестока к нервам г. Липпмана. Тогда у него нет гарантий, что при наличии глубоких противоречий между САСШ и Великобританией им удастся сговориться насчет способа «окончательной регулировки» и что между ними не возникнет столкновения.

Да, не подлежит сомнению, что политика Рузвельта, направленная на избежание «всякой» войны, более дальновидна. Только такая политика может обеспечить мир и САСШ, освободить их от опасности быть втянутыми в войну. Если войны не удастся избежать, то это будет мировая война, через сколько *этапов* она бы ни проходила. В этой войне мировой капитализм будет играть своей головой. Этот риск очень значительный, и поэтому капиталистическому миру стоит напрячь голову,—пока она цела,—чтобы не допустить катастрофы.

СССР поддержит всякую силу, направленную против войны. Он встречает новый год под знаменем борьбы за мир, которое является старым знаменем Октября.

«Известия» от 1 января 1934 г.